

Анатолий Можаровский

Я сын травы, деревьев, птиц

Поэтические тетради

Моя первая

Київ
“Неопалима купина”
2010

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

М75 Я сын травы, деревьев, птиц... Поэтические тетради. Т.1. —
К.: Неопалима купина, 2010. — 400 с.

ISBN 978-966-8093-90-6

ISBN 978-966-2002-02-7

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в ледяном одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

*Відповідальний редактор
Михайло МАЛЮК*

ISBN 978-966-8093-90-6
ISBN 978-966-2002-02-7

© Можаровський А.І., 2010.
© Малюк М.М., передмова, 2010.
© Протопоп В.Р., ілюстрації, 2010.
© Урбанська С.Г., художнє оформлення, 2010.
© Видавництво «Неопалима купина», 2010.

ПРАВДУ СКАЗАТИ ПРО ЧАС

Ох же і в ганьбезні часи живемо! Куди не кинеш оком — брехня, цинізм, лицемірство. А тут ще й зомбують натхненно: “Державу маємо! Державу розбудовуємо!” Від тих розбудовників спасу уже нема: ні вулицю не перейти, ні на тротуар ступити — скрізь автомобілі один одного розкішніший і дорожчий: їхні, їхніх діток, дружин, коханок; не пішака ж їм ходити? Правилom стало виставляння несусвітніх розкошів: депутат Верховної Ради “неже сумяшеся” солов’їнить в телефір від якого Армані чи Пако Рабана його щоденний костюмчик і в якому салоні Парижа чи Лондона вибиралась його краватка. Невже не знає, що середньостатистичний українець, аби навіть їсти покинув від народження до смерті і рвав пупа на роботі від темна до темна, на той костюм і краватку не стягнеться? На його тілі давно вже метляється ганчір’я з чужого плеча вивезене з Європи і Америки і продане на барахолках, контрольованих тими таки велемовними модниками, що легіонно скагувались у недоторкане кодро депутатства — від сільради в якійсь Чухраївці до всезагальноверховної. І державлять собі. І на себе.

Виставляючи себе великими державотворцями й провідниками народу, вони не виховують, а розбецують народ: пихато хизуючись неправедно нажитим розпалюють в людях жадібність і заздрість, забувши, що ми вийшли з імперії суцільного дефіциту — ще зовсім недавно навіть речі необхідні у побуті у вільному продажі годі було й шукати. На кухонні гарнітури Броварської фабрики писались у чергу, місяцями ходили відмічатись у списку; кольорові телевізори київського і львівського виробництва теж не в кожному універмазі стояли. І раптом — на тобі — все є! Світ настався. І вивалив нам — беріть! От і дофвалися...

Виходити з тривалого голоду треба обережно стриманим вживанням легкої їжі, а не обжиранням — інакше неминуча у страшенних муках смерть. То ж і зі стану “речового голоду” мали б виходити подібно. А ні. Наковталися по самісіньку зав’яку! Зварганивши собі державку, вони від її імені набрались по світах позичок, як бездомний собацюра бліх, і людей привчили

жити не заробленим, а позиченим: наплодили банків — на кожній вулиці чи не кожні десять кроків — банк, банк, банк! Лізуть межі очі, як нахабна циганка з ворожінням: бери кредит, бери! вигідний відсоток! неси гроші! клади на депозит! багатій! заробляй! Манять, розбещують: як заробити аби нічого не робити. Нарешті одвічна українська мрія про багатство на дурничку збувається — не дарма ж у “перебудовні” та перші роки незалежності так розплодилось шахрайоти, яка гребла мільйони на пекельному злобжанні багатіти не вдавши пальцем об палець: цвіли-розцвітали усілякі трати і фінансові піраміди. Кожне хотіло стати Льонею Голубковим із реклами “МММ” і щотижня знічев’я вдовольняти свої найфантастичніші забаганки.

Ось уже два десятиліття усілякі партії і партійки, що періодично прориваються до державного корита, туманять нам голови державністю і незалежністю. Та це не держава — кодло злодійське, в якому хизуються пихато накраденим; малина злодійська, а не держава! Не дарма ж усілякі “ефеми” завзято шансонять нам про романтику кримінальщини, ідеалють “мафу-ху”-повійницю, а телеканали серіалють довжелезні саги про бритоголових братків-бандюганів... Мимоволі ловиш себе на думці, що принаймні, дві третини населення України пройшло тюрми і зони, а решта просто мріє туди потрапити. І це держава? Божевільня без лікарів і санітарів, де кожен вичворяє, що хоче, і не боїться кари — свобода! І як же вони тією свободонькою упиваються, як же хвалять її, з каналу на канал гицаючи, мов очамфіле од сонця теля, яке вперше випустили з темного хліва! Отам вони ріжуть правду-матку! Отам уже заливаються праведним гнівом, уgliedівши упиряку з чужого кодяка, що по той бік корита їхнього чавкає! Ачу! Куди прешся?! Це ж наше! Наші цінності! Наша незалежність! Та де та незалежність і від кого? Старець теж незалежний — незалежний від обов’язку працювати: де випросить, де вкраде, тим і живе; а владці українські хіба іншу поведенцію мають? Оббивають пороги Європи і Америк: то на Чорнобиль слізно канючать, то банкам на погоріле від світової кризи прошакують; як нахабні босяцюрфи, що коросту на ярмарку напоказ виставляють, аби зайву копійчину з довірливої молодиці видурити, чухмарять свої болячки по ООН-ах і Радах Європи, — гляди й настарцюють там

яку сотню-другу мільйончиків, та заки допруть поводири ту торбу з нажебраним домів — половину по власних кишенях і пазухах позаникують, а решту вже менші старчення докфадуть, а тоді й знову гайда по світах... То це про таку незалежність мріяли, за таку незалежність страждали по тюрмах і ГУЛАГах тисячі найжертовніших синів цієї землі? Що дає нинішня українська держава кожному чесно працюючому громадянину? Мізерну зарплату, якої ледь вистачає аби сплативши за квартиру і, перебиваючись з хліба на воду, з голоду не пропасти? А тим мільйонам, що всіма правдами й неправдами вирвалися за кордон, аби за будь-яку роботу зачепитись, що дала? Український паспорт? І хіба не байдуже тисячам упосліджених бомжів під яким прапором харчуватися із смітників? То для кого така держава? Для кодла пихатих сановників, що вже з дармових грошей геть збісилися: один улюбленим песикам по три євробуди з підлогою з підігрівом ставить, інший в своїх лісах на людей полює...

Анатолій Можаровський, як і кожна людина, що чесно робила свою справу і вірила в українську державність як гарантію здійснення творчих поривань кожної особистості, бачить ганьбу, якою все це скінчилось. Але він, на відміну від багатьох, не шукає винуватців зовні: не москалі, не євреї, не американці нинішню Україну нам збудували. Ми самі постафалися. Своєю байдужістю, лицемірством, вічним переляком щось кардинально змінити, вічними оглядками на сусідів — а що вони подумують?, нехиттю до скромної повсякденної праці на благо Вітчизни, а не на власну кишеню, мовчазним потуранням злу, пекельною заздрістю й лакейським запобіганням перед найменшим начальником... Гірко усвідомити, що століттями оспівуваний і обожнюваний інтелігенцією народ насправді з варварства ніколи й не вилазив, а тільки лицемірно маскував свої ниці інстинкти до пори до часу. Болісні роздуми про долю і біди Вітчизни, розуміння смертельної недуги, яка виморює нинішнє суспільство і зробили Анатолія Можаровського поетом. Недарма вважається, що поетична творчість іноді може замінити ліки. Коли душу рве сум і відчай, то кращий спосіб позбутися їх — вилити свої почуття у вірш, і тоді, одягнуті в словесні шати, вони перестануть обтяжувати душу. Його поезію пронизує мотив каяття, бо він розуміє, що найбільший гріх цієї землі і цих

людей — нерозкаяність, свідоме дистанціювання від зла щоденного в діях і помислах, пошук винуватців — винен хтось, тільки не я.

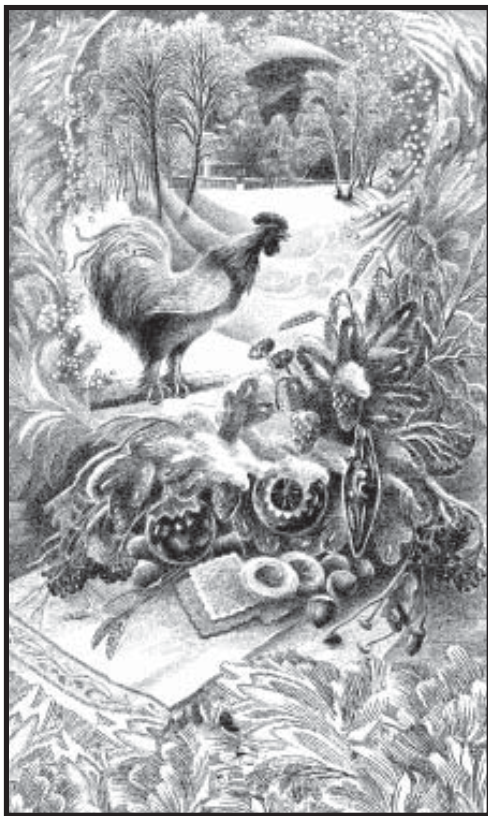
Анатолій Мажаровський дав правдивий портрет часу, портрет на рівні емоції, настрою, найтонших духовних вібрацій.

Його книги — щира сповідь людини, яка в Любові прагне до Бога, до пізнання Його істин, до життя за Божими Законами.

Шлях, який має пройти кожен з нас.

Михайло МАЛЮК

Мне светит новая звезда...

Ночи ужасов
в комнате ужасов,
в доме мрака.
Морозы первые
инеем кроют
крыши и землю.
Вода синяя
в лучах солнца
по кромке неба.
Скоро вечер...
Луна
появилась внезапно.
Солнце лучами последними
омывает землю.
Скоро ночь
ужасов и кошмаров,
пришедшей злости.
Мне остается
с ними бороться...

11.11.08

От моста к мосту,
от ущелья к круче
я иду, лечу,
мне в местах тех лучше.
Там всегда борьба,
там есть страх за жизнь,
там играет кровь,
там ты — не артист.
Дайте тайн и чувств
мне в пространстве мира!
И я вновь лечу
к трудным переходам:
вот мои кумиры!
Не для благ и славы,
иль салютов громких,
чтобы быть в журналах,
на яркой обложке.
Мне нужны стихи —
в них открыто что-то...
Я хватаю воздух
грудью, сжатой болью.
Мост и речка снизу,
грохот, шум вибраций...
Я так ненавижу
шелест ассигнаций —
не мужское дело
считать деньги в лапе.
Ты попробуй смело
в пропасть
или в драку —
за честь и правду,
мораль или просто веру.
Вроде ты несчастный,
но не на проверку.
Я люблю с разгона —
тлен богатств не греет...
Я люблю с разгона —
тем и матерею.

11.11.08

Ветер жаркий. Полдень.
Солнце кружит светом ярким,
распадается на части:
то мелькнет прохладой зелень,
то вдруг жаром полыхнет...
Мы с тобой в тени деревьев,
панорама дальних видов,
небу, кажется, конца не видно.
Вздых тяжелый от деревьев —
им воды бы
с неба...
Но дождем пока не пахнет.
Жаркий полдень.
Лета бархат.
Запах кожи.
Твое тело.
Глаз красивых акварели...
Что-то нежно говоришь мне,
я не слышу —
принимаю все душой...
Руки гладят тебя нежно.
Ты моя любовь, надежда,
в трудные минуты жизни
я могу к тебе прильнуть.
Жаркий полдень.
Счастья много...

12.11.08

Женщина моя оттуда,
где хранится мира чудо.
Виртуальной пекторалью
вновь ко мне приходит
званной
мною в минуты грусти.
Было все у нас...
И отпустишь ты меня когда-то
в дальний край покоя душ.
Я храню наши минуты,
дни, часы
и не до скуки.
Сердце по частичке
уходит, чтобы никогда
не возвращаться.
к тебе,
но часто снова слышу я тебя
и вижу...
Душа моя теплеет.
Ты — выше земли,
ты из сказки о любви,
ты там, дальше,
где красоты неба
для меня пока закрыты.
Я люблюсь на земле
всем, что вижу не во сне.
Сны тяжелые.
И редко в них
лицо твоё...

12.11.08

ТУМАН НАД ГОРОДОМ

Туман окутал город.
Клочья его закрыли небо,
мелкой моросью
салятся на дома.
Деревья темные
во сне.
И до весны им снятся
сказки
из детства леса,
где их род,
откуда корни,
и невзгод немало:
пожары, топоры,
болезни.
Все как у людей.
И доктора пернатые
не слазят с них:
все лечат, чистят.
Мир велик,
но все в тумане
и не видно дали.
По поздней осени
скачали,
надоел всем летний жар —
человеку всегда мало.
Ему хочется менять
дни, недели, время года,
дождь на снег,
и солнце снова.
Каждому свое.
И приходит все как раньше,
и туман клубится дальше.
Небо. Дым
все серый-серый —
постарел туман за лето.
Летом был он белый-белый,
а осенний — задубелый.
Холод. Сырость.

Ветер. Штиль.
А туман ползет.
Город в нем стал тише,
ниже.
Затаился,
как не дышит.
Но обман лишь внешний —
все живет
в движенье вечном.

13.11.08

у меня к деревьям
отношение особое
я могу плакать перед рябиной
а перед человеком сложно
я могу целовать стволы
берез белых
но в них нет страсти
как в отношении женщин
они тихо говорят со мной шепотом
мне часто стыдно
перед ними
и гол я
вся душа и сердце открыто
я нежно руками держусь
за еловую ветку
и сердцем с нею общаюсь
дуб своей мощью меня
наполняет
я люблю его
но он суровый
у него нет нежности
а только мощь
лес моя стихия
и в нем радость
хоть почему-то боюсь его
деревья детства
деревья жизни
я помню их
и перед многими стыдно
за топор и пилу в руке
дрова березовый сок
просто дерево
срубленное по традиции
сегодня все они меня простили
я друг им

13.11.08

Лирика, лирика...
Мир наслаждений
сердца, души,
а с ними и тела.
Но в мире реальном
на улице города
лирики мало.
Здесь бьются за золото.
Битвы не видно —
все тайно и скрыто
в тихих квартирах
и телеэфирах.
Приказ отдается тихо и мягко,
и киллер стреляет в лицо.
Им не жалко.
Завтра — авария, смерть на дороге,
и кто его знает,
кто все оформил...
В мире реальном все распустились:
женщины, дети,
и все провалилось.
Без русского мата
и палки хорошей
мозги вправить
никто уж не сможет.
Психоанализ, туфта экстрасенсов,
какие-то курсы
по готовке,
и, конечно,
деньги, деньги...
Но все на минуту.
Я это знаю.
И опыт имея —
мат русский
и палкой по шее,
затем уж лирика —
небо и солнце.

Не все согласятся,
не всем понравится,
но опыт от жизни,
опыт проверен.
Мир изменился
не в лучшую сторону:
люди звереют
в борьбе за золото.
Но остаются тихие, странные,
блаженные,
говорят, — неудачники.
Эти — мудрые,
и мат им не нужен.
Эти — живут небом.
Им я завидую,
им поклоняюсь:
не выбрали золото.
В них
сила какая.

13.11.08

я над миром поднялся
это не хвастовство или гордость
если так
значит я под мир опустился
или пробираюсь
переулками скрытными
от этого мне радостно
и просто
отпали многие заботы
например карьерного
и финансового роста
я скрываюсь в парках
и скверах
я убегая за закрытую дверь
и верю
мне так лучше и легче
раньше я был в центре
бурлящего мира
женщины легкие сходу
веселье и деньги
мои кумиры
жизнь на полную
и я выжимал
мне казалось я Бога
за бороду взял
но открылись глаза как-то
тихо
не сразу, не лихо
и все ушло как вода
в весеннем потоке
я свободен!
я свободен!
я счастлив
и мне не нужны красавицы
мне нужно мало денег
и не надо никому больше
нравиться
я свободен
как облако в небе

я свободен от мира
и счастлив
слава Богу за все!
не напрасно
я к нему обратился
в тревоге
я свободен
и мир подо мною.

13.11.08

я пламенем в небо
врываюсь
все выше и выше
меня здесь встречают
затем остужают
и снова обратно на землю
я возвращаюсь
и слышу звон колокольный
по душе своей отошедшей
но стойте
рано
меня возвратили
как возвращали
не раз
и вижу кусты густые калины
рядом стайки деревьев рябины
ягоды красные
осень
я их срываю
туго
наслаждаясь покоем
о Боже!
прости
вразуми
я все здесь люблю
и всего мне мало
но тайна твоя
меня тянет туда
где начало.

13.11.08

Памяти Нины, погибшей в огне

Дом горит
пламенем синим
в темной ночи,
языки меняются красные
и много дыма.
Дом горит
на улице, когда-то
людьми бурлящей.
Многие из них сегодня
лежат на кладбище.
Дом горит.
И собака на цепи воет —
дом горит.
Нет помощи,
никто не услышит
и огонь не остановит.
Сад вокруг и цветут хризантемы.
Дом горит.
А в нем женщина.
Утром ранним
случайный прохожий
увидел кучу пепла,
расплавленную цепь
возле собачьей будки,
и хороводы
ворон в небе
сером и мрачном.
Женщине дом был как дача,
стал крематорием,
бесплатным.
Останков нет.
Сгорела собака,
сгорели хризантемы,
и некоторые деревья.
Куча пепла.
Умирает деревня...

13.11.08

Мамо!
В моїй пам'яті те літо,
коли від Вас в великий світ
я їхав...
Скільки радості в мені було тоді,
і скільки сліз і смутку.
Завжди пам'ятаю дні ті.
Я Вас любив, люблю
більше життя,
але часи пливли,
мов хмари летіли роки,
не за горами мій зрілий вік,
і я весь — біль
(страждань в житті немало).
Весь час я сумував за Вами,
але були часи, що серце
очерствіло.
Та все терпіли Ви...
І Бог втрутився:
і я виходив з дикого туману
знетями,
а Ви все чекали мене,
і радість була рікою.
Я рідко приїздив до Вас,
мамо, люба моя мамо...
Важкий час мого
і Вашого життя...
Ви Бога славите,
а я все в мороці буття...
Прийде час
і будемо разом ми знову.

14.11.08

сознание в каком-то
колючем и тупом пространстве
я помню вечер
луна
столбы рядами
на них висели фонари
их свет искусственный
с горы
на тротуары и брусчатку
играют грани камней
в ночи

все помню

и тебя под небесами
ты тихо проплывала вниз
а дальше ветер
пыль и шум машин
в глазах темно
и дикий свист
по осени так часто в голове
но слава Богу не в моей
поэтому в ходу журналы
в которых бабы
не те что русские
коня удержат на скаку
а томные шалавы
на боку
в кровати
или где
картинки телок в неглиже
для мутного сознания
в колючем мраке
в ходу журналы
но не собаки
которые бездомные бегут
по городу в поисках
расстрела
яда

с бюджета деньги
и борьба за чистоту везде
пивные банки на траве
не в счет
сознание во мраке славы
величия и положения
людей
мне нечего сказать
я ведь простой
и малоопытный в таких делах
чудак

14.11.08

Сегодня день — не как всегда.
Мне светит новая звезда.
И жизнь свою на золото
меняю,
но не на то, что так блестит,
манит и греет спозаранку.
Металл тот в прошлом —
в нем зло.
Золото мое — молчание...
Я раньше много говорил,
учил, кричал
и восторгался.
Но все прошло...
Кому нужны мои слова?
И понял я:
говорить душой
с Богом и с собой —
вот золото!
Сегодня я прозрел...

15.11.08

Во мне так много злости —
революционной —
просто враг человеческий
на мне отрывается.
Я знаю.
Уходят дни —
я не меняюсь.
А что заводит меня
признаюсь:
ложь и ложь.
Правда — в тюрьме,
на Колыме,
осталась давно.
Здесь — хитроумные ходы
хитрунов,
что их играют.
Я все понимаю,
и злюсь.
Здесь нет любви,
добра нет.
Зеленая тоска.
Как изменить движение вахла?
Как перейти в зону добра?
Вокруг — тьма.
И ложь сегодня королева.
Я из-за совести своей
взрываюсь.
Но все впустую.
Только маюсь.

15.11.08

Твое лицо
в крошечной темноте
в зеленом парке
в летней теплоте.
Глаза, как звездочки мерцают.
Дрожу, как мальчик.
Шепот твой ловлю
и нежные слова,
и поцелуи.
Седые головы
кустарников расцветших
в эту ночь.
Люблю тебя...
И ты мне радостно
в ответ
ласкаешь волосы мои,
и все целуешь.
Я от любви
ход времени утратил.
Твои глаза
и шум листвы,
пьянящий воздух лета...
И я живу
и не живу
Я больше чем живу —
я над миром парю.

15.11.08

Бред и кризис,
экономика и финансы,
умные речи...
Умеют, засранцы!
Туда и обратно,
конторы и банки,
утонченный ум,
музыкальные пальцы.
Деньги считают машинками,
хранят в железных сейфах.
Крутят и вертят
картинками мироустройства.
Толпа баранов за ними следом,
но киззяками путь устелен,
травы сочной давно нет уже.
Бараны бегают,
и друг друга метелят.
Стрит не стрит,
но мир бушует:
то доллар падает,
то вдруг, не хуже
чем столб бетонный,
стоит, как стоик,
и без прелюдий
в него влили из стран других
запас валютный.
И он стоит.
А все вложили
всё, что было.
Теперь вот кризис —
нет наличных.
Бараны взад, вперед, по кругу...

Для них что кризис,
что что-то хуже...
И я там с ними.
Шерсть клочками, рог поломан
и ноги, ноги...
А что с мозгами?

15.11.08

Матрица любви, матрица огня,
матрица твоя, матрица моя,
матрица вчера —
все в памяти моей.

И жить мне прошлым
все-таки больней —
там не только ты,
там горечь и потери,
там есть страдания
и боль.

Вчера ушло.

Где-то
за орбитой Земли оно,
с другой стороны
Солнца

в матрицах хранится.

А что мне ворошить?

Прекрасной ночью снится

мне снова тот мужик,

с автоматом

на тайной той войне.

И ждем мы вновь атаки,

и шанс в живых остаться

приравненный к нулю.

И мы все в ожидании

атаки и огня.

Враг невидимый,

передовая...

Матрицы памяти,

матрицы огня

не согревают.

Из них не выжать

мне ощущения,

которые были

сродни продвижению.

В квартирах, где счастье,
и стороны-границы
искрятся лучами
любви без страданий,
сегодня все в прошлом.

16.11.08

Раннее утро
после ночи дождя.
Вымыты улицы
и черная листва
(сменила цвет свой рыжий).
В холодном дожде
на холодной земле
в прах все уходит,
и листья.
Будут другие...
Когда это будет?
И свет пробивается
с неба свинцового,
и мне все вот кажется,
что это не ново.
Мир застыл в поздней
холодной
осени жизни
времени года.
Вороны и голуби
с воробьями
стаями просят
согреться моими руками
в которых хлеб.
И радость в глазах моих,
но не из сердца,
просто заставил себя улыбаться,
ведь птицы мне сестры,
и птицы мне братья.
Но их обмануть
вряд ли удастся.
Они понимают,
что я не в счастье живу...
Осень холодная,
но тоже с любовью.

16.11.08

Красными буквами
на белом заборе
написаны лозунги
о каком-то уборе головном
или нижнем.
Читать можно так,
а можно и эдак —
смысл не меняется,
да и смысла-то нет.
Просто рождается партия
всех,
кому не смешно,
кто не успел,
кто хочет тоже,
но не у дел.
Рождение партии —
надежда для членов.
Но как перейти
барьеры процентов?
И пишутся лозунги,
идут в блоки,
лишь бы их видели,
лишь бы их знали.
Известных фамилии
уже примелькались.
Рождаются новые,
не в муках, не в крови —
просто собрались
и решили работать.
Но поля-заводы им не к лицу —
лезут на сцены, помосты, трибуны.
Слава и деньги —
политика дури.
Бездари
прут к цели.

16.11.08

Ноябрь в дождях и мелком снегу,
мокрые улицы,
небо в дыму,
черные тучи на горизонте.

В ночи
мчатся машины по автостраде.

Стеклоочистители мечутся
по лобовому стеклу.

Потоки воды
снизу и сверху,
красных и желтых огней
фейерверки.

Уходит ноябрь,
и с ним моя мама...

Внезапно.

Болезнь...

А все, как недавно:
милый и добрый голос ее
в телефонной трубке...

Давно я привык —

Мама есть.

Мама будет.

И внезапно:

уходит, как тает,
и мы к ней летим
по ночной автостраде —
дети, внуки, правнучка Маша —
ангел с небес.

Больница и слезы:

слезы от горя
и слезы от счастья.

Великая женщина,
великая праведница
ласкает ребенка,
прощается с нами...

18.11.08

Солнечные лучи обмывают землю,
отражаются от стекол окон,
и играют под небом.

Редкие дни.

Солнце.

Уходит к нему моя мама...

Быть может есть шанс?

Но он такой тонкий...

Мама моя уходит...

Уходит мама моя

в небеса

навсегда.

А я остаюсь пережить

все. И снова

начать свою жизнь

без облома в дороге греха,

в дороге туда, куда все

уходят с крестом

навсегда.

Понимаю умом.

Но сердце мое — не со мной,

в нем — боль

и рассеянной грусти

так много...

Жизнь на ветру моя,

ураганы сносят меня

вниз.

Но я поднимаюсь

и стою

со слезами в глазах.

Мне тяжело,

но я выдержу натиск судьбы

Я не один —

Бог мой,

Отец,

Господин...

18.11.08

Начало и конец.
Отрезок каждому есть свой.
Когда ты молод —
начало есть
и вроде нет конца.
Но время стрелками
уходит в небеса
со скоростью конца.
И вот те дни, минуты,
когда над телом воли нет,
и разум ясен,
а говорить уж нету сил,
уходят стрелки времени
вперед.
Страдания последних дней:
родные, близкие с тобой, —
но с ними нет тебя.
Ты стал другим.
Твоя дорога подошла
к другой,
и точка их соприкосновений
есть и конец и есть начало...
По кругу в мире все,
и все — сначала.
Сначала — умереть,
затем — родиться,
родиться — умереть.
Все — снова.
Счастье и печаль.
Печаль и счастье расставаний,
встреч и ожиданий,
и точка что в начале,
и точка, что в конце.
Судьба играет...

Но нет, — слова пустые, —
Судьба здесь роли не играет.
Играет роль твоя душа,
и сердце полное любви
или большого зла.
Но всегда —
дорога эта чудо.

18.11.08

Уходит
день моего рождения,
день радости и грусти.
Уходит моя мама навсегда
в этот день.
Ей звезда загорится
где-то там на небосклоне,
и дня рождения не будет
больше никогда,
а будет грусти день,
и день моего просветления.
Я жил, как все,
я был и есть, как все —
чёрствый и глухой к другим.
Я сын Мамоны
жалкий сын, продавший
душу за кусок металла.
Я рад и счастлив был этому
всегда.
Но пробил час
прозрения и боли.
Болит душа
и сердце так болит —
уходит мама...
Я остаюсь.
Но есть ли шанс такой же
у меня
уйти как христианин
допив до дна
чашу скорбей
и страстей?
Ещё мне долго изменять
себя...
Мама,
молись за меня.

18.11.08

Камень на сердце,
на душе печаль.
Мокрый снег с дождем
пролетай, пролетай...
Мама, моя мама
последних в жизни дней
в мучениях, страданиях —
Богу — видней.
Я держусь, как будто,
вздрагивая от каждого звонка —
сведения из больницы:
“Жива! Жива! Жива!”
Последних дней судьба...
Что буду делать я потом?
Пока держусь.
С ней я
под мокрым снегом и дождём...
Слава Богу за все!
Слава Богу за всех!
Слава Богу за детство мое
в природе Его!
Помню лес, озера,
речку,
и лучи помню золотые,
в жнивье поля,
помню запах хлеба
руки и глаза
мамы.
Бог Всевышний
любит нас.
Мы расстаемся...
И я не молод.
Мы расстаемся...
Осенний холод.
Зима на подходе.

Мама тоже готовится
сверкнуть
звездой новой на небе.
А мне — печаль...
Но я люблю дорогу
на Вселенной край.

22.11.08

Снова ветер врывается
в комнату
холодом наполняя меня.
Вечер ранний
и мне так хочется
мчаться куда-то
голову сломя.
Время осени долго тянется —
это не мой сезон.
Ели сказочные с шишками
красными —
скоро Новый год.
Дни не в радость,
но жить-то нужно.
Вот речка тоже
стала серой —
краска мрачная, но что делать?
Воды гонит она вперед
к морю
тоже такому же мрачному.
И часто, часто
холодный дождь
память греет,
но истощает силы мои...
Память...
Все в архиве на желтых бумагах:
за многое — стыдно,
многим — горжусь.
Куда бы качнулась весов чаша
если бы свалить этот груз?
Я не думаю,
что хорошего
было больше. Нет.
Но я привык забывать
все плохое.

А осталось что —
вымету, вычищу!
Все равно
жил я счастливо,
видел многое...
Все не напрасно.

22.11.08

Обстоятельства меняют
человека.
Вдруг, мгновенно,
новый взгляд
и мысли новые.
Но жизнь часто
не лучше чем вчера,
когда всё в гору,
когда везет или везут.
А если в нору
прятаться приходит
друг,
превращается в недруга
или врага.
Вина, кажется тебе,
что не твоя.
Но это только кажется.
А все твои флюиды,
мысли как врачи,
и черствость сердца —
все прорвет,
за все придут
те обстоятельства,
что ты не можешь
оставаться там, где есть.
Все как камень.
И ты другой.
Но в небе солнце,
звезды,
голубая даль,
красивый лес,
мы в нем
с любимой или так,
и ты поймешь, что
обстоятельства — не приговор.

Есть шанс
услышать птичий разговор,
спокойно полежать в траве,
и ради этого
жизнь возьмет
вдвойне
того, что суждено тебе.

24.11.08

Я помню вечер,
и ночь я помню.
Луна тогда была полной.
И звездные дороги
мы изучали в счастье.
Медведица Большая
дальше.
И видели мы в небе
не только свет.
Мы видели то, что
происходило здесь,
на этом поле,
в цветах ромашки дикой.
Твое лицо под лунным
светом
преобразилось в необычный
цвет,
глаза искрились.
Ты говорила:
— Нет,
я не забуду
тебя и ночь,
звездные дороги в глубину
Вселенной...
Но в солнечном рассвете
нега
ушла и ты проснулась
на моих руках.
В глазах был страх
от солнца,
дня,
и для меня
последней ночи счастье
смешалось с горечью
напастей.

И ты ушла
в даль полей
навсегда.
Ты неземная...
Верь,
я жду тебя,
и буду ждать
даже если это сон.
Приди опять.

24.11.08

Сквозь толщу ветра
сгибающего к земле деревья
я двигаюсь все дальше
от тебя,
твоих объятий.
Не надоело. Нет.
Я ухожу туда, где радуги
небесной цвет,
где нет конца
и нет начала счастья.
Но ты потом придешь
ко мне ласкаться.
Тебя я не бросаю.
И не бросил.
Сквозь толщу ледяного ветра
больше
не могу я видеть
этот город,
в котором мы с тобой
так долго. И несвободны.
Любили нежно,
и взрывались сердцем,
и страсть глотала
нас.
— Жених — невеста... —
твои слова.
И голова моя кружилась
в ласках
твоих рук,
и в волосах, что пахнут
ветром по весне,
и в цвете яблонь,
в которых только я и ты.
Я ухожу.

И ветер воет громко,
и ночь,
и город пуст —
все люди вдруг исчезли.
Я ухожу
от любви,
которую нельзя измерить.

24.11.08

Посвящается моей маме Надежде

Проснувшись рано
увидел туман я,
хмурое небо,
и белый снег
на ветках и стволах деревьев,
на клумбах,
и стало грустно.
Зимы прелюдия —
тающий снег...
Пространство комнаты
наполнил звонок телефонный,
настойчивый, длительный.
И дрогнуло сердце —
мама!
Мама ушла от меня
всего несколько
минут назад.
И я спокойно
воспринял весть —
не моя власть...
Но через время —
груз на сердце,
и слезы
рыданий тихих,
утраты боль...
И вот он — гроб
в комнате, где детство
все прошло.
Мама в цветах.
Спокойное лицо.
И мне спокойно стало вдруг,
хоть боль в душе.
Не обмануть мне Бога
и душу мамы.
И с нею говорю,
и говорить я буду
до конца.

Моя ты мама...
Ты ушла,
но не надолго.
Время летит,
его мне никогда
не остановить.
И я приду туда
дай Бог с таким лицом
спокойным,
как вечный сон,
которого наверно нет,
а есть движение души,
есть небо,
круг...
За ним — тот новый век,
где можно будет отдохнуть.

26.11.08

В день похорон мамы...

Серая ноябрьская дымка.
Хмурое небо
в клубящихся потоках тумана
серого.
Дорога между густыми рядами
деревьев с остатками листьев
буро-красных и желтых.
Мой путь сегодня наполнен
тревогой, скорбью,
последний путь земной Надежды,
мамы,
за черту,
где ждут ее.
И я иду с нею
в процессии по улице со льдом
и мелким снегом,
среди людей.
Мы лишь вдвоем.
Мама жива.
И гроб качается в руках
несущих,
как лодка
под небесами осени
идуших с нею.
И гроб в цветах осенних,
хризантемах
и розах скорбных.
И вот он, храм,
и ангельская песнь.
И понял я, что Бог здесь,
с нами.
И отпевание Надежды-мамы,
моей надежды —
второе имя для Марии
с этого дня.

Мы так любили, любим
маму...
И кладбище
и яма,
последние слова
прощаний.
И мама там, в земле...
И горсть песка
на ее гроб...
Мы все близки —
и те, что там,
и те, что здесь.
Для меня мертвых нет,
а есть ушедшие в поля
Вселенной,
где красные планеты,
где неба синева,
и недопеты песни,
что с земли.
О мама, ты живи
и там, и здесь,
и страха нет мне за тебя.
Но все молитвы каждый день,
и память, и любовь —
все от меня.
Пока не грянет
мой последний день.

27.11.08

Ветра колышут
волнами поля ржанные.
Июльский день
и до жары часы.
А пока утро и роса,
и женщина серпом
жнет хлеб,
и вяжет рожь в снопы,
и я здесь рядом, босиком,
в стерне, росе...
Шестидесятый год.
Двадцатый век.
Страна после войны
восстала с пепла,
но женщина во ржи
символ Руси.
И голубое небо.
Июльский жар.
И будет хлеб с печи,
парное молоко.
Цветы волошек голубых
во ржи —
веночки вяжут дети
войны.
Пятнадцать лет — и тишина
полей,
где каждый метр земли
в крови.
Могилы вражеских солдат
в саду,
и в речке, иль в пруду
мы ловим рыбу,
и снаряды...
Поле во ржи...
И слава Богу
за это поле,
и за мать,
за хлеб ржаной с печи!

А утром так хотелось спать...
Но запах поля
все манил.
И я сносил снопы
на ток для молотьбы...
И память согревает
сердце,
и тянет ностальгия
в детство,
в двадцатый век,
в июль жары.

27.11.08

Кладбища моей страны
в венках, цветах,
и холмиках свежих могил.
И много их везде —
что это за знак?
Куда идет земляк?
Венки, цветы
на фоне снега.
И много их
уходит...
И каждый день
звон колоколов церквей,
и отпевания,
и грусть...
— Куда идет страна?
И пусть! —
сказал бы кто-то злой.
Но мне болит душа
порой.
Я помню:
косили сено,
хлеб стоял,
и лошади шли табунами...
Что с Украиной?
С нами?
Реклама партий
вдоль шоссе,
реклама рыночной торговли —
завешано, заставлено —
зовет
куда? Зачем?
И в сердце лед.
Везде
рекламные щиты
и смерть.

27.11.08

Ряд, ряд, ряд.
Стоят, стоят, стоят,
сомкнувши строй.
Ряд, ряд, ряд —
деревья стоят.
Серой рекой асфальт
между ними.
Вербы и ивы
свесив ветви,
оставшихся листьев цвет
переспевший.
В дымке ухода осени года.
Серой рекой
лента асфальта
в тоннеле деревьев.
Ивы не плачут —
ноябрь на исходе.
Снег и морозы
сменяются резко —
оттепель к месту.
И вечный туман
промозглый, холодный.
Лента асфальта рекой
меж деревьев.
Ивы
свесили ветви.
Ивы не плачут,
до лета все спят.
А я обливаюсь слезами
горячими,
душу смываю от накипи жизни...
Слезы — рекой.
Я — в автомашине
от мамы в могиле.
Слезы в глазах,
душа вся в печали
вместе с природой.

Ноябрь. День рождения.
Слезы и грусть за
мамой ушедшей.
Месяц навечно
стал мне особым.
Свой день рожденья
я приспособлю
под день размышлений,
молитв
и памяти мамы
Надежды.

27.11.08

Я сжимаю губы.
Мне много лет.
Я остался грубым
и потерял билет
на поезд за счастьем.
Давно и негласно
его не ищу —
бесполезно.
Поезд за счастьем
давно уж в ненастье.
Ночью
под летним дождем
стою в одиночестве
холодом сжатый.
Мне нелегко.
А кто переменит
путь, по которому
выпало мне
выпить печали?
Я не один в мире
красивом —
Бога я сын
хоть нерадивый.
Побольше хочу
счастья и блага,
но ветер дороги
меня обдувает,
и дождь, и морозы
и ночи, и ночи...
Но я весь в движении —
так душа хочет.

27.11.08

Тоска и грусть,
грусть и тоска,
как небеса осени поздней.
Все — серый цвет,
и солнца нет.
Частицы вещества входят в меня,
собираясь где-то там,
в груди,
в тяжелый камень —
мне его нести,
не сбросить, не оставить.
Только миг — улыбка, счастье,
и снова крик глухой души.
Один среди людей, один.
Серый жизни цвет —
другого нет.
А я люблю палитру ярких красок,
мне б рисовать картины
не напрасно:
все краски уложить на холст —
и осени конец.
Я превратил бы
в рост
трав, цветов
весну и лето,
но камень на душе,
и нету сил
поднять.
И он растет —
частицы входят.
Вспять
они не могут.

И только
Господь поможет
их превратить
в другое вещество —
мудрость, надежду...
Что там еще?
А пока:
серый цвет небес,
и осени вот-вот конец.

29.11.08

Осталась впереди зима
и осень позади.
А весна
будет нашей —
закружит, поведет по свету...
Под ярким солнцем
ты вновь — невеста,
и в сказочных лугах
найдем мы счастье.
Я в тех лугах с тобой
навечно вместе.
Под пенье птиц
и тихий ветер,
гул шмелей
и шорох речки
по прибрежному песку
весной гулял.
Волна уходит
все смывая,
и остается чистый берег,
песок, трава
и вербы к небу,
а ветви вниз, к воде,
где пахнет мятой.
И слезы по листкам...
Так надо.
Счастье омывает душу,
а слезы чище делают
её.
Не струшу.
И я с тобой на волнах ветра
под купол неба
и обратно — в сердце.

29.11.08

Мудрые твои слова, мама,
я помню.
Они мне, как фундамент жизни.
Плохо мне без тебя.
Но ты жива и живой будешь:
твоя могила —
для тела.
Душа
в небе и среди нас, несчастных.
Ты видишь — мир жесток,
качается на чашах
весов
и перевесить добро никак не может.
Мудрость твоя со мной
и, может быть, чуть-чуть поможет
мне на чашу тех весов
бросить не камни,
а тот огонь любви,
веками
который копили деды
и вера православная.
Я верю,
мама,
ты со мной
и не уходи
надолго.
Я такой земной,
и меня уносят волны
житейских бурь
и зла
куда-то.
И твоя мудрость,
как в строю солдаты,
путь мне перекроет к аду.

29.11.08

Высокое не имеет конца
и низкому нет предела.
Я не о единицах измерения длины,
а о духе и культуре века.
Нобелевская премия
за открытия в физике
и порнография по кабельному
телевидению,
подвиг монаха-отшельника
и похождения маньяка
замшелого —
можно сравнивать до бесконечности.
Но как поднять предел
низменному ближе к человечности,
как изменить падение
на взлет?
Что нужно?
Вопрос, вопрос —
от сотворения мира
до дня сегодняшнего,
когда подлец и падшая
женщина
стали кумирами
культуры массовой,
кино и литературы,
телепередач и вместо физ-
секскультура —
слезы праведников,
горечь порядочных,
отвращение граждан
и ненависть беспорядочных
по сложному лабиринту
ночей и дней светлых
по подземным ходам ...
И так —
до бесконечности.

29.11.08

Ранний вечер ноября,
небо темное,
и зря я убивал день этот
в суете,
в пробках автомобилей
и еще
дорогих магазинах
и кафе.
День ушел на ничто.
Ранний вечер,
свет от люстры,
улица вся в фонарях.
Мне ни весело, ни грустно,
мне просто надоело так.
Я один, и нет конца
мыслям, что грызут
меня.
Я о прошлом.
А сегодня?
Будет завтра недовольство
день весь в грусти,
тишине,
все, как во сне...
Может мне копать
и сеять?
Но я опоздал.
Здесь, как север, —
снег, морозы,
грёзы тоже
надоели.
Что в них смысл?
Все, как качели,
только слюни и капель.
Грёзы — это в двадцать лет,
но сегодня нет им места —
новая волна протеста
в мире жизни
вместо грёз.

Каждый движется, как воз:
кто с дровами,
кто с соломой
И куда?
И где их дом?
Смысл уходит, как в трубу.
Вместо смысла —
просто трёп.
Тот устал,
тот занемог,
и уходим в суету —
в ней нам проще
на бегу.

29.11.08

Дорога через зеленый лес,
луга с озерами, рекой,
садами белыми весной
и снегом, вьюгой — зимой
закончилась стеной
невидимой, высокой, бесконечной, —
пройти мне дальше
не удалось,
а только то, за что ты взялся,
подняв до уровня, как мастер.
Стена.
Не для обид и нехороших слов
воздвиг Господь,
и Ему слава
за все, всегда и здесь, теперь,
перед преградой.
Только б успеть.
Не в быстром темпе ремесла,
не по верхам,
схватив на память,
а именно тем, что так трудно
в первый раз.
Но я пройду
на праздник
не ради славы на земле,
не ради знаков и медалей
я поднимусь,
преодолею,
как воин на победу
меч несет.
Вот так и мне
назад нельзя, а только
вверх.
Ты стой, стена,
а я трудом тебя возьму,
взлечу.

29.11.08

Свет из окон домов
пробивает вечерний туман.
За окнами жужнь?
Мне все кажется
это иллюзии или обман.
Свет фонарей ложится на
мокрый асфальт,
деревья, кусты.
После суток дождя
город безмолвный, устал.
Огромные улицы без людей,
одинокая ель,
всё в каплях воды,
свет играет на них,
и капли, как серебро,
и с крыши капель
пробивает воронки в земле.
Наверное, точно такие же
в моей голове.
В последний день осени
в сквере один.
Скоро ночь
и я — господин
этих улиц пустых и дворов.
Я двигаюсь медленно,
наполняясь покоем
в городе ночи.
Город прекрасный окутан туманом,
я одинокий
на улицах странник.
Туман...
И мое сознание
в мире реалий
или в мире иллюзий...
Каждый себе создает
этот мир,
как удобно.

Реальный — кощунствует,
мой — удивляет
меня каждый день.
И любовь к нему
не умирает.

30.11.08

Пробиваясь сквозь дождя
завесу
в древний монастырь с утра
долго шел и долго ехал.
Под пеленой дождя
слышу звон я колокольный,
вижу храм, кресты,
дождь освежает купола
и гонит
мысли грустные...
Прости меня, мой Бог,
я снова рвусь к Тебе,
я занемог...
И как всегда в минуты
грусти, скорби
я иду к Тебе —
Ты добрый.
Сколько раз
Ты мысли мне ставил
в ряд,
хорошие и теплые,
плохие.
Виноват я.
Много их.
Идут, несут сумбур
играют мной,
и сколько бурь
пустых
и зла на бедных и измученных
людей...
И я же вроде не злодей,
но столько мыслей не Твоих,
а злых,
и пересудов —
помоги!

И вот он, храм:
иконы, свечи,
небесный хор монахинь,
и все песни
во славу Бога.
Мне легко —
столько людей со мной —
так
хорошо.

30.11.08

И снова падает
под ноги банк.
А капиталы?
Так,
ушли куда-то по трубе
в другие банки.
Банкиры сделали ногами.
Куда? Никто не знает.
А тот, что держит град,
по телевизору
и невпопад кого-то
отмывает с грязи.
Так то не грязь:
он — африканец
и друг того, кто держит град.
А банк упал.
И миллионы отошли,
как снег весной,
как майские дожди,
а люди бедные,
(не в плане нищеты,
а в плане головы),
несут, несут
уже десятки лет
и только в сторону одну,
где банк.
И хочется сказать:
— Несите мне!
Я неплохой чудак
и с маслом в голове.
Несите! Я не все спущу,
что-то оставлю,
на что-то там гульну...
Несите мне!
Я не хуже,
я даже лучше
тех,
что держат град,
как надоевшую жену.

30.11.08

Какие-то крики
и грохот железа
в соседней квартире,
а может из ЖЕКа.
Что-то клепают
под сильным дождем —
он затекает в квартиру,
потом вдруг ручьем
к соседу внизу,
а там унитаза
из золота...
Фу!
И запах оттуда
плесени, гнили...
И снова те крики,
что разбудили,
и что это значит,
и где этот дом?
Я в нем не живу,
я сбежал же потом!
Но снова удары
железа о кость
(что это значит?),
кузницы запах.
Стучат молотком
и бахают, бахают!
Вдруг вижу — окно,
и штора открылась,
а там, что лицо,
что морда на диво:
борода и очки —
профессор известный,
за ним вдруг — банкир
с женой легковесной,
нагуляла ребенка —
поэтому роги,
а, может, он с ними,
как и профессор, двугорбый?
А дальше их — больше,
и грохот железа,

и вижу мартены, мартены,
мартены!
Как же эти-то, что с рогами?
Они же здесь и при власти
над нами
и зачем вдруг мартены?
И мысль пробежала:
вторая, блин, смена,
и здесь, где дом
и где эта квартира!
Куда я попал?
Как меня угодило?
Неужели пропал?

30.11.08

Мама! Девять дней
как ты ушла.
Мы сегодня в гости
на твою могилу
под столетними дубами...
Кроны высоко взлетают
в небо,
укрывают твой покой,
мама...
Бог с тобой...
Мы испытали радость встречи
с тобой,
и грусти мало,
хоть мы и плачем.
Но веками праведники
нас учили,
ты — одна из них.
Ты заслужила
нашу любовь
навек.
Ты — сильная.
Мы — человеки
по миру беспокойному
и часто злему.
Твоя поддержка с неба...
Мы — не герои.
Сегодня грусть и радость
все смешалось,
и любовь над нами —
мама!

04.12.08

Хитросплетений паутины.
Это не сложно — править миром.
Власть и деньги,
и демон рядом,
бесы, как на параде,
служат верой,
служат правдой
своим хозяевам кудрявым,
копытом отбивая на паркете,
и мир в этих тенетах.
Паутина притупляет —
становимся болванами,
и мысли не летают,
и низменных инстинктов
строй.
Огромный дом.
Огромный джип.
Понты охраны.
И жены, которые
на сорок лет моложе
от господина,
что негоже
считать его мужчиной.
Но бесы справа,
бесы слева,
бесы сзади,
и он бодрится
на параде жизни,
и рост в своих глазах —
в одной команде!
Бах, бах, бах! —
если ушел из-под хозяев.
Стенка — на стенку
против других,
но все —
такие же шакалы!
А всем хитросплетений паутина
по головам. Ее не видно.

И мы уподобились
баранам —
но не в хорошем
смысле слова:
есть мясо и шерсть,
а так — безроги,
и некому собрать нас
вместе
противостоять их действиям.
И обществом назвать нас
ни сегодня
и не к месту.

04.12.08

Гулкие удары
эхом по пустынным
улицам,
и где-то память тянет
все наружу,
и слезы,
слезы боли...
Я не струшу
вспоминать и говорить
об этом.
Какая боль?
Кто вытерпит все это?
Сады, дома
и дети, дети, дети
и мама молода —
на свете все двери открыты.
Но кто-то где-то
вертит рваным ситом
и сеет все хорошее,
что есть
сквозь эти дырки.
А невесть откуда —
огонь и ветер,
и боль до боли.
В каждом доме —
пожары, смерть
и слезы, слезы, слезы...
Сегодня все уже не так —
пустые улицы,
дома закрыты,
люди зарыты в землю:
кто по сроку, а кто так,
и воет ветер в рваных крышах,
и даже мыши
не хозяева земли.
А дети?
Дети выросли.

Ушли,
чтобы вернуться навсегда.
Дома?
А ясени над ними?
Все — как вчера:
по Украине — лавина боли.
Кто поймет?
Красивых слов
все говорят немало,
о памяти какой-то.
Все отстали
и изменился
мир внутри нас.
Призраки пустых домов,
пока все спят,
встанут и пойдут
гурьбой
за теми, кто сегодня
безвременья герой.

05.12.08

Вечер ранний с уходящим
солнцем,
редким в это время года.
Спит природа,
и только птицы
летают, играют:
вот синицы с рук
берут хлеб и убегают,
вороны серьезнее —
шаг вперед
и строгий взгляд
за коркой хлебной.
В темных кронах деревьев
удивительно теплый день,
и мне лень
что-то делать,
бежать куда-то.
Суета заела.
И я тихо провожу
вечер.
Скоро солнце уйдет
и темень покроет землю —
такое время —
и грусть по телу,
и грусть надолго:
в мои-то годы
любовь с красоткой?
И мысли все, которые
отрезвляют,
гоню я прочь.
И я не знаю,
как долго ещё
мне в полосе счастья?
Любуюсь
ею, прекрасной.

05.12.08

Человеческие
пороки и страсти.
Мне бы холст и краски!
Изобразить на темном фоне
людей преисподней
с их лицами сладострастными,
хитрыми улыбками,
несчастливыми,
с фигурами уродов
и глазами заблудившихся
народов.
Пороки и страсти
обуревают и владеют.
На теле, как печати
из дна чистилища —
пороки и страсти —
видим чаще в других:
на фоне черном
их безумная жизнь,
а наша — на белом,
чистая, как майский дождь.
Но если в душу
всмотреться,
тогда поймешь —
все в страстях и пороках,
и мало с чистых истоков,
мало на пути праведном.
Пороки и страсти человеческие
сладостны нам.

07.12.08

Пресмыкаюсь и унижаюсь,
угождаю и унижаю
злого во времени
пространстве мрака,
сам захожу
в него
и унижаюсь
унижая угожденного.
Сложные отношения
лиц без любви,
Божьи заповеди —
мои, не мои —
слушаю, понимаю
и не исполняю,
чаще не люблю,
а угождаю
унижая себя и
угождаемого.
Вертится шар земной
и я с него не слетаю
за глупости поведения,
за нелюбовь, за угождения.
Пресмыкание пресмыкающихся...
Придет время — изменюсь
и покаюсь,
но придет и приходит,
а я не меняюсь,
от Любви Божьей
закрываюсь,
угождая угождаю.
В душу чужую не заглянешь,
счастливы или нет
от этого
пресмыкающиеся
и пресмыкатели
в зле и неправде
заигравшиеся.

07.12.08

В темном небе
луна в половине.
Дорога безлюдная,
в свете фар деревья —
темные, грустные.
Дни зимние.
Вспоминаю прошлое.
В небе звезды,
свет их разный —
яркие, меньше,
их не достанешь
умом и телом.
Пространство Вселенной...
Я на дороге.
Ночь,
можжевельник,
зелёный, кустами,
и я к нему с
грустью —
ушла моя мама...
Мир мой — искусство,
в нем прячусь
от всего убегая.
Ушла моя мама
и я тихо плачу...
Ветки можжевельника
в руках моих холодных
и я на коленях
перед Богом —
в Нем спасение,
в Нем Надежда.
Ушла моя мама,
а я — не верю.

07.12.08

Ты снова далеко
и я от тебя мыслями
еще дальше убегаю.
Мне не легко,
но я знаю
все поменяется,
и мир заискрится
солнцем, огнями,
весной
птицы
стаями громко прилетят,
снова
мир природы расцветет,
обновлен.
Я убегаю мыслями
все дальше —
мне нужна свобода
для души,
а объятия
твои не греют.
Ты от меня
далеко.
Недели
проходят
в месяцы слагаясь,
за ними — годы.
И я умиляюсь
днями первыми,
чувством редким.
Сегодня — холод.
Зима-соседка
всегда рядом,
Остужая голову
горячего парня
и вторую молодость.

07.12.08

Мелкий дождь морозящий —
конца не видно.
Солнце спряталось
надолго в зиму.
Серым покрывалом
мир покрылся,
а я — летаю
в своих мыслях
от земли к небу,
от луны к звездам.
Что мне дождь?
Мне и так холодно.
Сердце не греет —
в нем ледяной холод.
Я без мамы
и я не молод
Ушла навсегда,
оставив память
любви
и слова которые слышу
все и всегда:
звучат и не греют.
В сердце — лед,
и я старею.
Пройдет время,
и лед растает,
прости меня, мама,
я пока полетаю,
потом с тобою
общаться буду —
днем и ночью.
Никогда не забуду.

07.12.08

В надвигающихся сумерках
вечера
я иду под дождем
низко голову свесив.
Я иду никуда.
И только капли дождя...
Мне безумно болит,
все, что может болеть —
это мысли мои.
На погост где кресты и покой...
Только ветра шум в ветках
деревьев,
только птичий полет,
перезвон колоколов.
Но погост —
это грешные мысли мои.
Мне нельзя против Бога
и воли Его,
мне свой час,
а сегодня болит,
и утешит меня
только Бог.
Я один под дождем.
Я один в этот вечер и год.
Я один на земле,
и со мной —
только Бог.

07.12.08

Мои планы,
мои мечты —
погоня за привидением счастья,
и мосты, и мосты, и мосты...
Каждый мост —
это риск перехода,
каждый мост —
это нервы и кровь, непогода,
каждый мост —
это большая, казалось, победа,
но это — иллюзия жизни
и привидение счастья,
и камни обрушенных зданий
не исполненных планов...
Сзади только пустыня в душе.
Сзади радость была,
но уже
не вернуть
тот задор и тот смех.
Сзади только мосты,
но не все.
Я сжигать их не стал.
Но от времени жизни
устал
и бетон и металл,
и мост падал
в реку или канал.
Впереди — не сплошная дорога
в коврах.
Впереди — те же мосты
на кругах,
но пройти через все
мало сил.
— Мне б лететь! —
я у Бога просил.

Но мой дух еще слаб,
не такой,
как я думал когда-то
порой,
и осталось менять
мне себя
день и ночь...
То огонь, то вода.

07.12.08

Депутат из народа
Кинюх
затянул ремень —
ведь кризис,
и накладно стало жить.
И жена его вещала:
“Экономия!”
С начала жизни их семейной
все шло в гору:
деньги, земли, паракорды,
а потом пришел какой-то кризис...
Им его не видно —
ведь бабла на миллионы!
Но понты народу гоним!
И ремень тянул наш Кинюх
из кожи крокодила лихо,
кожа крепкая, не хило,
и Кинюха сильно сдавило,
что-то там в желудке стало,
плохо пахло в доме,
мало оказалось.
И перед камерой на съемке
он еще что-то морозил,
жена тоже ныла громко.
А с дурдома неотложка —
доктор смотрел передачу —
видит: “Наши!”
И бригада к ним домой,
взяли Кинюха с женой,
ну, а утром отпустили —
неприкасаемость-то не отменили!
И снова депутат в работе —
учит экономии народ-то,
и жена его при нем.
Запах вышел
с дома вон.

Втихаря жуют котлеты,
рыбу, сало
и при этом
тушат свет по всему дому,
накрываются попоной,
пьют там виски, коньячок.
И супруга снова с пузом —
будут дети.
Будут люди?

07.12.08

Небесный иней

Мокрый снег с неба к земле
сплошной стеной.
Мне кажется порой,
что он летит всю жизнь.
Тусклый вид природы
и вода под ноги —
лужи, ручейки.
Душа в тревоге.
Зло и раздражение владеют мною,
я снова потерял ориентир —
удержать себя
так мало сил.
И улыбку я рисую на своем лице
против снега мокрого.
И все вокруг в какой-то грусти —
день не лучший,
а в общем — не плохой.
Душе объявлен бой
со стороны глухой,
и я люблю войну.
Я продержусь.
Потом рванусь
за пелену воды и снега,
туда, где голубое небо,
туда, где все цветет
и взор ласкает.
Я прорвусь!
Я это знаю.
Меня им не сломить.
А то, что вновь душа болит —
не первый раз.
Не привыкать.

08.12.08

Я созерцаю мир “вольтанутый”
в объятьях железных:
пута на ноги,
на шею
хомут мне одели,
и давит железными лапами тело,
и душу, и сердце...
Не надоело
миру надо мною так измываться.
Мир был любим,
и я потерялся, отдался
ему на потеху,
и пойман был сразу.
А я ему верил —
в его доброту, красоту...
Но есть мир природы
и есть мир народов,
я их смешал в кучу одну:
людей, воду, сено, траву.
Но это ошибка.
И я поплатился.
В железных объятиях мира
скрутился,
и выйти из него,
убежать —
мне задача.
Но мир, как растение,
корнями врос
в меня.
Есть избавление,
есть путь, дорога —
над этим работаю.

08.12.08

Я буду помнить это лето.
Вечер, сад,
и лунным светом
освещена земля,
трава, кусты, деревья
с зеленого сменили цвет
на серебристо-белый...
Твое лицо, глаза
передо мною,
и запах тела женщины,
которая ко мне летела
сквозь звезды из глубин Вселенной.
Во мне — миг счастья,
осознать которое я смогу
лишь через годы.
И ночь с луной,
и звезды,
и твоя любовь,
и сладость губ —
я буду помнить это лето.
Я получил тебя от неба,
и Бог простит меня,
я знаю.
И лунный свет
перед глазами,
и запах лета,
и любовь...
Мне счастье выпало
вновь.

08.12.08

Смотрю на твое лицо,
смотрю в твои глаза —
утонуть бы в них
хотел.

Окунуться в глубину
их успел.

В свете солнечного дня
ты — моя.

Падает белый снег,
на твоих ресницах
капельки воды,
снег тает на щеках
румяных и нежных —
первая зима
наших отношений.

Но холода в груди
нет и не будет.

Вечная весна.

Мимо проходят люди
и не сводят глаз
с нас с тобой,
зимних красок неба
и любви счастливой,
нежной.

09.12.08

Оскорбления и обиды
с утра и до вечера,
мелкие, крупные —
вроде мелочи.
Привыкли мы к отношениям
подобным,
но не все терпят,
а с сопротивлением огромным
бросаются в борьбу,
вроде бы с нечистью.
Рвутся струны стучащего сердца,
и так с начала мира
сотворения.
Обиды и сопротивление
я терплю,
считаю себя спокойным,
но каждый раз прокручиваю
кадры ситуаций спорных,
и вижу в левой руке своей
автомат “Калашникова” —
не для забивания гвоздей.
Правая дергает затвор,
загоняя пулю в ствол,
и я готов навести его
на брата.
И тут кадры прерываю —
нет обидчика —
автомат куда-то исчезает.
И так каждый день.
И, не по разу.
Как далеко мы зашли
во зла заразы,
ненависть, ложь,
кражи и обманы.

Автомат в руке
мне помогает,
Но это прием психологический:
грех же, грех...
А мир красивый
и потрясающе удивительный.

09.12.08

Красные туфли, зеленый пиджак,
часы бутафорные
и парень-чудак
с двумя телефонами.

В жизни есть цель:

женщину томную

с деньгами

в постель.

Муж на работе,

красотка без дел,

красные туфли парень одел —

всё повторяется:

круг, за ним — два,

день за днем мается,

блестит голова,

годы уходят и туфли

не те,

женщины томные

на голове,

вместо волос

и вместо любви.

Туфельки серые...

Давай, не тяни.

10.12.08

Какая мука временами
жизнь на земле.
Под нами качается
опора
и устоять
так много сил необходимо.
Боль, боль...
И нестерпимо
хочется уйти
туда, к Нему, Отцу.
И чувствует душа
тот мир загробный
где нет конца любви, покою,
но ускорять уход
запрет нам всем.
И боль пройдет,
и время когда воешь —
все уйдет:
и лето светлое
с любовью,
и мир наполнен красотой,
и женщина любимая тобою...
Забиться бы.
Но в уголке души
остался уголек
той боли, мук земных,
и ощущение миров далеких,
и тлеет, тлеет...
И потушить его
уже никто
и никогда не сможет —
он веры часть,
и часть огня,
того, небесного,
что манит так меня.

11.12.08

Мир поставил меня с вещами
на мостик узкий
между двумя скалами.
Внизу — ущелье на километры,
там река крутит, вертит,
и я стою у края
от страха умирая,
а сзади поднимаются
такие же, как я,
и мост гуляет на ветру,
и я иду
с вещами, как тот мул.
Куда? Зачем?
Не мне решать.
Я раб вещей
и мира раб,
и час пришел
на выход мне.
Мир так жесток —
я раб его.
А мост гудит от ветра,
и что там впереди?
Мне б не упасть.
Но пробил час,
не только мой.
Пробьет для всех.
А нам порой все виделось
не так...
Мы знали, что нас ждет
за рабство перед вещами,
за унижения души,
за вид свой сгорбленный.
Дыши,
казалось, полной грудью.

Но вещи создали иллюзию
большого счастья на земле,
и мы пошли.
И в темноте
приходит час
на выход, —
у каждого он свой, —
но этот путь
не путь домой.

11.12.08

Передо мной стена
и дикий вой из-за нее,
и холод неземной.
Стою.
Я подошел впритык
туда, где преисподней крик,
а мне туда не надо.
Вернусь,
откуда начал,
и снова все пройду
в ускоренном
пути.
Но все не так,
как было раньше.
Мне нужно время
осмыслить и понять,
хоть вроде бы все ясно...
Крик из-за стены.
И мне пора уйти.
Назад.

11.12.08

Нежная, красивая, —
мне никто не нужен, —
я один и ты одна...
Стекают ручейки воды
из замороженного окна,
мартовское солнце.
Ты подожди.
Растает снег и лед сойдёт,
и все вдруг расцветет,
и много ты увидишь из окна ,
но не меня.
Хоть сильно я люблю тебя,
но мне — страдания и боль,
мне — выжигать себя,
и я готов всю жизнь свою
отдать за веру.
Ты — любима мною,
и жизнь мне без тебя —
страданий дни.
Далекий свет далеких звезд,
и небо подо мной...
Поет душа.
И грусть, и слезы,
и буря счастья.
Покоя нет мне здесь.
Ищу свой дом
меж звезд далеких,
и ты придешь,
скоро.
Время земли бежит
за солнцем,
дни сменяют ночи,
и жизнь клокочет.
превыше всего —
Любовь.

12.12.08

— Мама!
Я кричу во Вселенную:
— Мама!
Я кричу, а в ответ мне
безмолвие...
Но душа ощущает
дыхание мира,
душу мамы моей,
и мне тихо
грусть ложится на сердце...
Память...
Там так много всего
накопилось,
книга жизни моя
не свершилась:
впереди еще годы,
но годы другие...
Я не мальчик.
Я взрослый мужчина.
— Мама! —
тихо шепчу я губами,
и ветер уносит
мои пожеланья...
— Мама!
Я один. Ты ушла...
Мы простились
молча,
поняв друг друга,
обратились
к Богу снова
за помощью...
Ты прошла свой путь
на Земле.

А я верю —
ты и там жива,
и там — лето,
деревья, сады и ветер...
Здесь один я.
Ещё живу.
Но тоска теперь
часто со мною.

12.12.08

Сильным ударом
двери из металла,
эхом в парадном
и лязгом замка
я начинаю день свой,
как пьяный:
не утром,
с обеда,
И, как всегда,
город восстал
и люди восстали:
все — на меня,
и против — все.
Пастор лишь черный
нас собирает,
и деньги несем
в ящик к ослам.
И я к нему вышел
за миром покоя
кажучегося счастья
и мнимой любви.
А город восстал...
И я как стреножен
зимою холодной
на листьях гниющих
и мерзлой земле.
Птиц стаи рядом
глядят мне в лицо,
голодные братья,
и мне к ним еще
боль сострадания,
улыбка с лица...
А город восстал —
нашли подлеца!

16.12.08

Мама!
День морозный быстро к ночи,
мягкий снег
на землю тихо,
и в глазах твоя могила,
вся в цветах,
и черный крест
мне на память...
Всё — как диво:
наша жизнь,
и каждый день...
Всё — как сны
мира иллюзий...
Где реальность?
А где — нет?
Мама!
Я живу, как море, —
куда ветер,
туда и я...
По дороге мерзлых кочек
грунта серого
иду.
Вечер
с темным небом...
А мне хочется в весну.
Без тебя наш сад остался,
яблони и вишни плачут...
Будут листья,
будет цвет,
а тебя здесь, мама, нет.
Мне в саду этом тоскливо .
Серый цвет зимы...
Ты ушла.

Мне как сон сегодня дни,
мне как сон
и сад, и ты...
Я остался —
Божья воля.
Мама, мама,
все так скоро.

16.12.08

Черные камни в свете лучей —
булыжники старые
улиц любимых.
Люди сгибаются от ветра
с России
в преддверии бури
идущей зимы.
Черные камни...
Я давно знаю,
и летом, и в снег,
мощный гранит
улиц мощеных
памяти детства,
листьев осенних
первый полет,
мелкого дождика
дня еще теплого...
Всё как вчера —
люди с улыбками,
веселые мелодии
вечерних прогулок
ветер несет,
но всё — мимо...
В ожидании бури
и черный булыжник,
и радость весны —
Пасха и солнце...
Залито все благостью —
и радость души,
и щемящей тоски,
предчувствием горестей
жизни по быстрому:
всё — в один день.
Мир
черных булыжников
в свете вечернем
ветра холодного...

16.12.08

Ушла ты, мама, навсегда,
и что сегодня жизнь моя?
Откуда я?
Куда?
И ощущений столько разных...
Нет тебя.
А есть ли я?
В зимнем парке — тишина:
спят деревья,
спит трава,
и на ней кусочки льда
оттаявшего снега,
что шел вчера.
Ночью мокрый снег
сковал мороз,
а завтра — оттепель,
и вновь засохшая трава,
и нет ни снега,
нет ни льда.
Вот так и ты ушла...
Вот так и жизнь моя...
И только небо в вышине,
бегут потоки облаков,
неярких,
солнце по краю,
дни короткие такие...
Вот так и мы.
Спускаемся за горизонт
судьбы,
все ближе к краю,
что за ним?
Я знаю есть планеты
Рая...
Ко мне в окно ты залетела
на день девятый
птицей, ночью,
я видел силуэт её
с поникшей головой,

и крыльев взмах,
и вверх полет
вдоль освещенного окна,
и ты ушла
на ту планету,
что далеко.
Сияют звезды.
Я — один...
А боли нет —
тоска...

16.12.08

Осознать события,
осознать и измерить
чувством внутренним,
и поверить
в происшедшее
мне не всегда дано.
Ветер воет, за окном
темно.
И свет вечерний,
и теплый жар от дров с камина,
все едино...
Но страх сменяется рассветом,
и снова страх.
И осознать, понять все это —
не для меня.
И я, как ветер,
духом по планете,
откуда начал и куда зашел,
как выглядит он?
Если бы увидеть...
Кто такой?
Но не дано.
Все закрыто.
Есть что есть.
А тянет понять все,
услышать,
увидеть.
Но опять —
а что это дает?
И это воля
свыше —
живу в пространстве,
слышу
только то, что вижу,
и это тоже мне
не осознать.

16.12.08

Холодный дождь зимы,
а ты стоишь и ждешь меня
который час,
день ото дня,
в то время наше...
Но — напрасно.
Я не приду к тебе,
хоть радость,
и встречи все —
в глазах горящих,
и ярких алых губ твоих —
все напрасно.
Я мимо пробегаю.
Часто
вижу фигуру твою
в это зимнее ненастье.
Но я все мимо.
Не приду.
Мне путь позначен
время светом,
и я с потерянным
билетом
не знаю куда мне ехать,
и кто попутчик.
Я невесел,
а ты горишь огнем счастливым...
Я убегая от тебя,
как ливень по мокрому
асфальту вниз.
Ты береги себя. Держись.
К тебе приду я
как-то ночью
во сне.
Я не виню тебя,
хоть летом ты была другой...
Но не хочу сейчас
об этом.

16.12.08

Сменилась власть в стране:
в оперном театре поют
и играют тяжелый рок.
Страной правит молодежь:
панк, металл,
не тот, что там в вагоне,
на подъездном пути —
ржавеют рельсы, гвозди и болты,
а тот, который рвет
мозги и рвет все тело.
Металла много и им не надоело.
Премьера нет,
и нет министров,
парламент так, — человек
на триста,
но в зале — запах конопли.
Танцует мэр столицы,
и грибы на вилках,
на подносах,
то ли ждут гостей,
тех, что родственники кота-Бегемота,
то ли будет новый
депутат к присяге.
Играет музыка,
и канонадой по городу,
стране.
В магнитофонах —
тяжелый рок,
и не нужны патроны
милиции родной —
она с народом,
разоружилась и танцует рок
на ипподроме.
Название страны не знаю
где правит молодежь.
Я уже лет триста
на том свете отдыхаю.

17.12.08

Спиной ощущаю ужас:
холод сырой подвала,
лужи воды на полу,
и крысы мимо пробегают...
Ужас спиной,
ужас сердцем,
что-то случилось,
поверьте!
Вчера был вечер веселый
и пьяный,
сегодня — подвал с водяной баней,
мрак темноты
и мрак истины.
Так не бывает?
Артисты мы.
Но истина,
истина есть,
но мне кажется — наша
все-таки мраком покрыта,
нет света вдали,
и нет рядом.
Где-то поют соловьи —
здесь наряды,
мантии бурые,
цепи на шее —
то ли судьи, то ли картели...
Капает вода с потолка,
и запах ее несвежий.
Я ухожу.
А пока
добавилось три дня
к неделе.
Все здесь — не так.
И холод мне в спину,
крысы глазами сверкают,
и пробегают пока что мимо.

17.12.08

В моїм серці — тепло,
і воно зігріває груди.
В моїм серці — тепло,
я люблю вас, люди!
Ми всі — брати і сестри,
ми всі — однієї крові.
Світить нам сонце зверху
і Бог зігріває знову.
Я люблю вас, люди!
І зла на вас більше
не буде.
Життя своє віддаю
вам в руки —
мені нічого не треба
крім любові
і світла очей ваших,
крім усмішок і радості
нашої.

17.12.08

Верхушки деревьев
на фоне неба —
веточки, как щупальца
океанских зверей.
День улетающий близится
к вечеру,
мне бы на дерево
тоненькой веточкой,
в семью дружную
исполина высокого
под дождем и ветром,
снегом, морозом,
утром летним с листьями зелеными,
с птицами по телу,
песнями звонкими
улететь бы к небу!
Если бы можно
закрыть глаза от
действительности
и преобразиться!
Но жизнь стучит,
и мне
слышится:
— Ничего не изменится...
И смотрю я в окно
на дерево:
на фоне неба
надвечерне-серого
ветки темные —
листья в прошлом —
И мне верится:
жить таки можно.

19.12.08

Ты стала похожей
на поле хлеба,
ты стала похожей
на синее небо,
ты стала похожей
на тропинку лесную —
Иду я по ней,
и не рискую
заблудиться
в лесу далеко.
Песни красивой природы,
лето, полдень —
я отдыхаю
на тропинке узенькой
босыми ногами.
Ты — во всем,
что я вижу:
то ли ель высокая,
то ли синица.
Ты проникла
глубоко в мое тело
ветром теплым
жизнь утверждая.

19.12.08

Уходит и не возвращается
обратно,
туда, где розово-белый дым
и пахнет морем
цвет закатов красных.
Туда уходят не напрасно
жених и невеста,
Церковь, Бог,
а я все играюсь
в какие-то игры
детей,
сорванец.
Мне пора на коленях
грехи отмаливать,
а я все бегаю,
а я играюсь
в жизнь.
Проснулся,
глаза в окно,
и мысль вновь мчится
туда,
где дым
розово-белый,
где красок спектр
художник смелый
разбросал,
все там играет —
гармоний мир
не умирает.
Есть только миг
преображений
и расставаний.

19.12.08

На твоей могиле цветы
в морозе,
мама!
Я стою в карауле почетном
пред тобой
до конца своих дней.
Мелким снегом покрыта земля,
иней белый
на старых дубах,
там, под ними,
свободна земля.
Ты прости меня, мама, прости,
видно, часто я был недостойн,
видно, часто я был очень злым,
а теперь, вот, цветы...
А память уносит:
я — мальчик,
ты — молодая,
поле,
лето,
жара...
Утром — роса,
рожь поспевшая колосится...
Я боялся ходить по тропинкам:
вокруг — хлеб,
а меня не видать...
Мама! Память уносит
в осень,
где короткий день,
и тебя
жду опять я в тоске
с работы,
вглядываясь вдаль...

И вдруг — радость! —
фигурка вдали —
мама!
Мама!
...Иней покрыл все деревья.
Рыжий лист дубовый
внизу.
Мама!
Я в карауле почета
до конца своих дней достою.

19.12.08

Я вірю в твої глибокі
бездонні очі
Я вірю в твої зелені
і добрі очі.
Я п'янію від тебе,
любове шаленна.
Тиха музика неба
з вітром нічним співпадають,
пірнаю в тебе, як в море,
тепле і тихе.
Кохана,
я ніч цю забути
не зможу ніколи.
Очі глибокі...

21.12.08

Крик мне в лицо —
жестокий, вульгарный,
и снова о том,
о чем неприятно.
Зло разрывает людей
столько лет!
Утерян конверт
с письмом о любви —
бомбы в почтовый вагон.
На войне
много их было
за тысячи лет,
и обозлились:
душа — в потемках,
кромешные дни.
Миллиарды людей
умножить на крик, —
планету сорвать с оси
этой силой
давно бы можно было...
Но Бог-то Всесильный
терпит.
А с душ срывается грязно
тысячи лет
крик.
Нет конца этим танцам —
дьявола со злостью
в душе человека.
Письмо не дошло
с любовью в конверте.

21.12.08

Эволюция, война, чума, революция,
снова эволюция;
война — чума — революция
по кругу и спирали.
Эволюция стирает
что?

Не знает из нас никто.

По Дарвину оно?

Философии?

Из жизни?

Как в кино?

Конец, восторг, начало —
иль наоборот?

Восстали.

Все в борьбе

за место в месте ярком,
там, где солнца много —
не получается.

Топор, острога —

эволюция

и — первый порох.

Затем пришел товарищ Нобель

и — динамит.

И снова выше?

Ядерная бомба

и — город не дышит —

сгорел в огне.

А революций пыл

за правду и любовь?

Голов порубленных

не сосчитать...

И снова власть
то тьмы,
то Бога...
Но ненадолго Бога —
он — в небе.
На земле — борьба
за эволюцию,
которая всегда права.

21.12.08

Боже!
Мысленно взываю к Тебе!
Мои слова волною сильной
вверх —
я чувствую, что Ты
услышал все слова...
Молитва — от души —
к Тебе:
прости нас всех!
Под Рождество
мы станем лучше,
по частям оставив зло.
Вот я:
был злой на власть,
но всех простил,
с поникшей головой
их полюбил.
Ты — им судья.
А я — борюсь
с собой.
Во мне так много сил,
но не тех, не сил любви,
а тех, из подземелья мрака,
и я коварен,
полон страха за себя...
Прости меня!
Я поборю в себе
всю темень,
Ты поверь,
и солнцу летнему
подставляю я лицо
с глазами чистыми,
с израненной душой.

21.12.08

“Фонды” или “хвонды”,
как правильно писать — не знаю,
созданы тысячами,
в помощь несчастным
деньги собирают,
или закачивают ворованные,
часто изнасилованием,
предпринимателей баронов.
Красиво одетые,
приемы, концерты,
по подиуму двигаются
девушки под два метра,
костлявые, плоские,
вихляют бедрами —
деньги собирают
хозяева фондов,
рыжие, хитрые,
лысые с ними,
черные тоже.
А дети гибнут —
Нет больных,
и лекарств нет.
Хирурги тоже:
им что-то б есть.
И дети гибнут.
А фонды в офисах
красивых, модных,
знакомые морды все —
“хвонды” иль “фонды”, —
словарь бы открыть,
как правильно писать,
и потом не забыть.
А не все ли равно!

Хозяев их —
что боль чужая,
что ряды могил,
— не тронут.
Их жизнь —
богатства блеск,
коснулись неба,
так им кажется.

22.12.08

Не хочу видеть вас,
хочу пройти мимо,
мимо роскоши благ:
вы, в блестящих машинах,
не хочу видеть вас!
И быть с вами
на банкетах “крутых”
и приемах во фраках.
Не хочу видеть вас!
Воровато-богатых,
где за цент все готовы
снять одежду
и совесть,
лишь бы мчаться потом
на машинах из храма!
Ваша гомо-мораль,
ваша страсть в мире злата...
Я сломался, упал,
я был тоже богатым.
Но недолго был кайф,
стало стыдно и грустно.
Не зову вас я
жить по чьим-то наукам,
но задуматься нужно
в час неправды и грязи.

22.12.08

Мир никогда уже
не будет как прежде,
ушли иллюзии,
богатства, надежды —
внезапно, как и бывает.
Кризис ипотеки.
Чуть-чуть испугались,
потом — больше.
Но не всем видно
это действие новой
сверхнейтронной бомбы.
И так обидно:
средний класс,
США и Европа,
золотой миллиард,
а теперь — попа?
Коттеджи, авто,
много костюмов...
Особенно больно
звездам Голливуда —
с их то деньгами!
И кто придумал слова эти:
“звёзды” кино
и подмостков сцены?
Поют в микрофоны,
толпы рыдают —
хлеба много
и зрелищ хватает.
Кто придумал
назвать это
“звездой”,
сравнить с Солнцем
унитаз, геморрой?
Мне не в зависть
этот кризис.
Я — за босые ноги,
и траву, и листья
на деревьях зеленых,

горсть зерен
и суп несоленый.
Жрали и пили,
пока продолжаем,
но все — пронесется,
как пыль под трамваем.
Вернемся все
в природу,
иначе — шкура слетит
со многих.
Кризис — начало.
Богатство, надежды...
Мы — обосрались.
На чудо-планете
мы так и не поняли,
что — это рай.
Прогресс цивилизации:
авто и комбайн
на кухне пашет,
хозяева спят.
Презервативы в краске,
и поцелуях рябят
чьи-то дети,
звезды тоже
в обнимку на обложке —
так модно.
Кризис надежды,
мыслей не светлых,
теплых клозетов
и пива — в стельку.
Кризис надежды...
Поводыри не виноваты.
Суд присяжных —
черти над прорвой —
всех оправдали.
Избирают новых,
таких же кудрявых
и очень ловких.

22.12.08

Серый человек,
и жизнь серая...
Что это значит?
И где время
за которым серость
уходит дальше?
Где
голубой цвет скитальца?
Серый человек —
в пыли, на пашне, —
он хлебороб.
И он удачлив.
Второй — весь серый
от пыли цементной —
строит дом.
Там будут жить дети.
Он — строитель.
И он счастливый.
А кто же мышка
серая? —
тот, который жлоб.
Говорит: “два”,
думает — “хлоп”,
в глазах — огонь,
в душе — мрак.
Жизнь его —
обман.
Нечестивец —
о себе думает очень много,
строит планы
обобщать другого.
Серость — жизнь
в серости мыслей...

22.12.08

Мелкий снег.
За ним — крупный.
Утром дождь,
оттепель утром.
Ягоды калины в снегу белом,
рябина тоже покрылась снегом —
оттепель утром.
Тают снежинки,
ягоды плачут
калины-рябины,
плачет природа.
Везде вода, морось,
лужи под ноги,
и небо гложет
унылым видом.
Природа замерла.
Не до рассвета.
Великий пост,
грусть от неба,
и вид красивый,
тоже грустный...
Капают слезы
с деревьев.
Лужи
от снега мокрого,
дождя густого.
Молитвой держимся —
Рождество скоро.
За ним — солнце,
небо воспрянет,
голубым цветом
на душу ляжет.
А там до весны —
один перелет.
У ворот весны
чуть-чуть потерпи...

22.12.08

Указ. И выборы в парламент
не за горами.
Дней шестьдесят
и урны с бюллетенями,
в кабинках — шторы,
но без зеркал.
Таков закон.
И вот: накал страны,
кипение металла,
граждане-жильцы пытаются
избрать парламент.
Лучших сыновей и дочерей —
туда!
Для труда
на благо для всей земли.
И вот все позади.
Прошли не все,
многие остались в конце,
или там, откуда все началось.
А остальные — в здание.
Примчались.
Первый номер — Джонсон,
от округа, где солнце,
где заповедный край зверей,
и сам профессор
там засел.
Избрали Джонсона Волки,
и остальных заставили
на выборы идти.
Номер второй —
профессор с черной бородой,
известный ученый.
Для простаков —
номер третий:
киндер-сюрприз.
И так и далее...
Сюрприз —
избрание на спикерское кресло:

сто человек и Джонсон
метит
его
по-волчьи, прямо
в присутствии гостей
и дам.
И стон, и вой,
и все за кресло!
А тут Волки из леса.
Тесно стало в зале,
и все с мокрыми
штанами
поднимая руки
проголосовали,
ометив креслица свои,
как звери.
Случайно вышло.
Но все так сильно засмердело,
что объявили перерыв.
На день.
По фракциям работа,
лишь бы не лень.
А кресла вымыли технички,
развесили цветы,
косички,
как там у них, в палате.
Так спикер повелел:
отдаться всем работе,
и трибунал ввел,
как на фронте.
Свое НКВД. И он — глава,
в фуражке черной,
правда, без орла.
На гербе — серп и яйца,
а на погонах —
три китайца
с палками для боя.
Страна сейчас живет
спокойно,

парламент тихо
принимает все законы,
депутаты и их жены
живут на скромную зарплату,
и, как когда-то было, —
нет
машин, девиц,
портфелей
с долларами за голос —
все кануло в историю.
А Джонсон
диктатором стал,
как были
когда-то по Европе,
и есть силы у него
ещё на много лет.
В страну, где сказки канули
в Лету,
расцвет пришёл,
и в каждый дом —
портрет диктатора,
как фон.
И тишина,
и тишина...
Страна в любви
и без дерьма.

22.12.08

Рассвета солнце,
и море, море...
На каменному утесе
мы вдвоем с тобою.
Из воды, как со дна морского,
поцелуй губ соленых.
Облака над нами — сказки.
Я влюбился здесь, за морем.

22.12.08

Мы в океане бурь,
известных только нам мотивов,
и ты любовь моя
неизведанна. Красиво
волна несет нас вдаль,
на гребень поднимает,
и снова вниз плывем,
другая принимает,
как на руках,
колышут нас волны —
забота о нас.
Великое море
Любви,
океан без конца
вместе с небом.
И руки твои
и руки мои,
сплелись мы в объятиях крепко.
Океан несет,
теплом солнце греет.
Скоро ночь.
Мы отрезвеем
строгим холодом луны.
Мы — дети солнца.
Ночь для нас — любовь.
Мы летим ввысь
к звездам ярким,
помогаем им
светом нашим жарким,
для других светить
влюбленных
в тени ночи.
А пока несемся
волнами по свету.
В радости любовной
солнце светит.
светит
океан бездонный.

23.12.08

Город белых птиц...
Только вдоль границ
сознания
контуры очерчены его
светом белых дней,
что текут рекой.
Город белых птиц
мне увидеть можно будет
только лишь на миг,
через много лет
ожидания мечты.
Город белых птиц
в глубине миров
красок неземных.
Слышу птичий крик
музыки неслышной...
Город белых птиц,
только вдоль границ
моего сознания пока.

23.12.08

Джонсон рвется в президенты —
каждый день пиар,
журналисты, речи,
и аплодисментов шквал.
Рвется к власти
он, подлец, давно.
Конкурента зверем сделал
на своих картинах,
в книжках —
тайно штамповал их
под землей.
Деньги на подрыв авторитета
власти,
выделяли негры с казино.
Кто такие и откуда?
Столько негров, денег —
чудо!
И конкурент пал, как
помет из птицы, в Лету.
Но просчитался Джонсон
и иже с ними:
революция, майдан, дубина,
и снова годы ожиданий,
и вот опять
кризис денег, кризис власти.
И он восстал,
и вновь как “здрате”...
Грязная его борьба:
пролетарий — буржуа,
новые профессора,
все ведут компанию пока
на базарах, рундуках,
в подворотнях.

Просто так
рейтинг вырос до семи,
а там рывок —
и власть:
диктатор, сталинский наследник —
Бац!
И на троне
на века.
Горькая моя судьба...

23.12.08

Джонсон совершил визит
к Усами без Ладена,
прямо вниз,
где тот живет по данным
спецслужб уже лет шестьсот,
в пещере, как спрут.
Встреча тайная,
переговоры тоже,
но журналистам пресс-секретарь
заявил, что речь идет
о поставке зерна,
бобов, масла. До самого дна
заполнить пещеры
для борьбы
Усами без Ладена.
Будет жить,
как в недавнем двадцатом
Ленин жил,
Ленин жив,
Ленин будет жить.
Джонсон прибыл в аэропорт,
весёлый,
тискал пассажиров,
курил сигары,
в самолет к себе взял
две бабы
на места свободные
в эконом-классе.
По телевизору показывали
его перелет:
самолет специальный,
длиной метров двести,
пассажиров пятьсот он
берёт на борт,
подрабатывает при визитах,
плюс грузы тоже,
получается визит с доходом.

Единственный Президент
в мире
додумался до такого!
А во дворце
живут квартиранты —
остарбайтеры
из дружественных стран, —
и тоже доходы...
В парке крестьяне пасут
коров, овец и коз —
получается бесплатный еще
навоз.
Народ его любил когда-то,
пока не вымер, как собака.
Сейчас людей в стране
мало,
да и страну бы распродал
по частям
другим державам,
но рейтинг остается у него
высоким,
измеряется спецслужбами
в сотках:
каждому по десять,
как и обещал.
Крепнет держава!

23.12.08

Джонсон решил стать
премьер-министром,
возглавить кабинет
бютистов,
и стал под утро
мирным походом
с народом.
Принял присягу
под клич мамалагу,
крутили сектанты
какие-то танцы,
люди попили водки бесплатной,
обняли премьера
от глаз и до пяток,
он много им обещать не стал:
чуть-чуть земли, водки стакан,
армии срок сократить
в три раза,
и всем мужикам — бабу.
Провел сразу первое
выездное заседание кабинета —
с первого мая
до конца лета.
В стране люди
обстирались и засеялись,
отъелись и осмелились,
а тут, аккуратно, и сентябрь:
дети в школу,
власть появилась,
как по приколу,
в военных мундирах,
по улицам — строем,
министры-гусары
на лошадях и по двое.

Красавицы с балконов
махали трусами,
Джонсон посылал им
воздушные поцелуи,
и сверкал золотыми зубами.
Праздник удался на славу!
Правда один министр
упал с лошади в канаву.
Сегодня все опять по-старому:
растет инфляция,
валюта падает,
народ не очень доволен, —
а Джонсон премьерит,
и готовится к реформам.

23.12.08

Снег настоящий, зимний,
белый.
Морозный день —
подарок с неба.
И я к реке иду.
Мне в радость
прозрачный лед
с голубым светом.
Внизу река течет и гонит
воды свои,
а волны замерли во льду.
Растений волосы вода
ласкает.
Чистый песок.
Снег замедляет луга и лед.
Ветром свежим
снег по льду несется
нежно.
Картины детства —
и жива мама,
и я счастливый
на льду с коньками,
а снег несется —
чистый и белый.
На душе радость —
далёкое детство...
Сегодня тянет меня к реке
под белым снегом,
что вдалеке,
на берег тот.
Но нет там мамы...
Мне бы поплакать,
но слезы сами куда-то делись...
В сердце грусть
по жизни той, что не вернуть...

И санки, лыжи,
и детство, то,
что так далеко,
и не мое уже,
а просто
память в день похожий:
уходит все
и жизнь уходит тоже.

24.12.08

День и ночь
пытки, допрос —
бывший президент страны
терзаем прокурором.
За Черноморский флот,
украденный дельцами
Джонсону вставляют
иголки раскаленные под ногти,
тушат окурки на лице.
Бессонные, не считанные ночи...
А президент — молчит.
Ушли коробки из порта,
ушли в другие порты.
Наказаны были вахтеры
соседних домов.
— А ты?! —
кричит прокурор слюной,
и уши президенту пилой
для ногтей
строгает.
Джонсон молчит,
не моргает,
то ли жив, то ли мертв.
Допрос, допрос, допрос...
Куда поделся флот?
Осталось от Джонсона
мало, но он вдруг
поднялся, и вяло
спросил прокурора в глаза:
— Когда стырили флот?
Годы?
Прокурор назвал годы,
и Джонсон улыбнулся в ответ:
— Срок моего президентства
спустя двадцать лет...

Прокурор ошалело забегал,
матом покрыл все и вся:
— Сволочи все! Надоело!
Не того привезли подлеца.
Дайте того, кто был тогда!
Резкий крик прокурора,
и визг.
А в ответ слова:
— Все сбежали.
Остался один...
Оба-на!

24.12.08

Крики и лай над землей,
и в пространстве воздушном.
Враги человека гложут
и ранят души,
и мы поддаемся соблазну,
оставив терпение, как несуразно,
и мы отвечаем на вызов,
из злости,
не тихой молитвой Христу,
а поддаемся
ему, подлецу,
бесу разбрата и бесу злости.
Сами несем свое сердце
им на подносе.
И после всего
мы понимаем, что
Бог-то
всего на слово одно
от нас:
слово молитвы,
и он уже спас
от нечестивца
твое естество.
Но мы поддаемся
еще и еще...
В который раз
мне стало стыдно,
в который раз
я перед бесом выгнул
спину
в поклоне,
ответив на вызов его.
На ладони моей
моя душа,
и терплю все, как всегда,
до срыва.

А это говорит
о слабости.
Кумира выбрал сам,
Богу изменяя,
и наказание от зла
зло —
сам я часто выбираю.

25.12.08

Джонсон решил
показать всем пример,
он всегда и во всем
пионер:
в фермеры ушел
на рассвете в поля,
хлебом и мясом кормить
страну и себя.
Получил надел земли в аренду,
в банке взял кредит,
технику купил из лучшей,
начал сеять.
И тут случай:
джип по полю
землю роет,
в нём сидят “качки” с “косой” —
рэкет.
Деньги
положи, мол,
дальше сей
и Бог с тобой.
Джонсон взялся объяснять:
только сеет, где же взять?
Но недолго.
Дали в морду.
Трактор здох —
поломали и побили.
Сели в “джип” и укатили.
Прошла неделя.
Все исправил,
все засеял.
А тут новый “джип” по полю:
— Мы менты. Мол
землю роем,
ищем в экономике изъяны.
Вы тут как,
и как пахали?

День деньской
мозги сушили,
взяли в “лапу” — укатали.
Так все лето.
Все катались.
Джонсон — в “лапу”,
обижались — мало...
А собрал зерна немного,
франт столичный прикатил:
я, мол, фирмы представитель,
все беру,
и тихо
деньги “налом” через месяц.
Всё сгрузили, увезли,
дали пять бумаг с печатью.
Месяц, два,
а денег — нет.
Джонсон в суд,
а фирма счахла —
однодневка.
Все как надо:
банк за воротник таскает,
мол, кредит не погашает,
власть — проверки каждый день —
Джонсон долго все терпел...
Утром рано по пригоркам
смылся, сдрапал,
мол, топиться
(так в записке написал).
Год на печке в мать-старушки.
А сейчас сменил лицо —
в депутаты вновь пошел.

25.12.08

Открывает сейф
и достает секретный документ
первый президент,
открывает сейф
и достает секретный документ
второй президент.
Фамилии их увековечивать не буду —
стихи эти будут читать
сотни лет,
а о них, рыжих и лысых, забудут.
Читают документ развития
страны
от скуки
шалуны,
планы давно уж внедрены —
реформы, дележи,
списки людей в воровское сообщество:
вчерашие просто так, а
сегодня — собственники.
Государственный капитализм,
тот, что в СССР социализм,
стал либеральным.
Как триста лет назад —
царь и вассалы,
бароны и вороны
на больших дорогах,
в кабинетах,
и замках
шкуродеры и ненасытные,
как болото, —
попал и остался
в прорве навсегда.
А года... Года —
в двадцать первый век.

Тайные планы
двух,
но не отсюда,
а там, где
голова верблюда
на пачке сигарет,
где звон монет
на весь мир,
где либеральный вроде бы
капитализм,
где мир у ног их
лег давно,
как пес послушный.
Тайна двух.
Их головы с макух,
жмыха, отходов,
а души, души от уродов —
не мне судить.
Но будут бить.

26.12.08

Вечер зимний, ранний,
снег город заметаает,
в свете желтых фонарей
кружит, падает,
и ветры носятся
по улицам ночным.
Мороз.
И мы спешим
к теплу,
к фонарю,
но свет обманчив —
он не греет.
А ветер веет, веет снегом.
В зиме
внезапно наступившей
Великий пост,
а с ним и траур
до Рождества
по моей маме,
умершей тоже так
внезапно,
как этот снег пришел.
И ясно в свете фонарей,
и ясно мне, что
я стал взрослым:
нет мамы, дома,
где тепло, уютно.
Её могила
в снежном вихре,
а я в тоске великой.
Жизнь начала другой отсчет —
я крайним стал
с поколением своим,
мне нужно изменить
ход мыслей,
жизни ход...

И этот холод,
эта ночь,
и желтый свет холодный
на снегу...
И я.
Иду.
Куда иду?

28.12.08

Деревья с застывшими
ветками,
мягким снегом притрушены,
птицы на ветках
смотрят вниз.
И я с тобой мой друг,
и жизни наши
переплелись в судьбу
одну.
Иду с тобой
по узким тропам,
между стволов огромных
деревьев перемерзших
и холодных.
Ели в снегу,
как в детском саду,
с картинок книжных.
И мне легко с тобой,
хоть грусть в душе.
Мой друг всегда со мной
и легче мне
все пережить,
и зиму эту тоже,
с твоим теплом
и моим холодом.

28.12.08

Сжимается сердце
и становится страшно
при виде вас,
алкогольных магнатов.
Ваши бутылки —
для молодых, испитых,
одиноких, несчастных —
лишь бы забыться.
Сколько горя в этой таре!
А все начиналось красиво
и рано:
играл оркестр,
гул ресторана,
красивый парень,
звон бокалов...
А дальше —
тропа в небытие,
тропа к болоту с серым дымом...
Магнаты льют —
держава крепчает,
акциз растет —
казну наполняет
варевом душ,
чертям приправой.

28.12.08

Закройте глаза
и уши тоже,
пусть мир извивается,
змеей и вылазит из кожи —
вам не видно
его конвульсий,
не слышно криков,
как с преисподней.
В глазах закрытых —
солнце,
далекое небо,
летний дождь,
и поля хлеба.
Вам слышно шум
ветра в ветках деревьев,
пение птиц
и звезд ночного неба.
Но глаза и так
многих закрыты,
но видят они
мир разноликий:
рожи смешные
и рожи строгие,
одежды старые,
одежды новые
страстей,
и тащат
они их дальше
в культ наслаждений.
За ними — несчастье.
Глаза закрыты
на солнца свет,
на даль небес
и ближний лес.

Сложно, странно,
змеей
мир клубится
как паук —
все в паутине,
и в ней легко.
Столько кайфа
на много лет
вперед!

29.12.08

Мороз и снег,
и холодом несет нам
весть
зима,
вступившая в свои права.
Лед на реке,
и деревья
заледенели на ветру,
кусты укутаны снегами.
Идти в луга
на ветер
мне судьба —
здесь ностальгия,
Родина моя.
Трава под снегом,
корни ее спят,
спит все, чему должно
уснуть,
а ветер гонит снег:
там, в небесах,
все в белых хлопьях,
и везде,
куда ни бросишь взгляд, —
судьба,
зима...

30.12.08

В зимний вечер,
в морозную стужу
перед глазами лето:
речка извивается между
берегами, заросшими
травой,
и куст лозы вербовой;
листья
покрыты серебром
под сильным горячим
ветром с востока
развешаются
шелком над речкой.
Я сижу у воды
на раскаленной земле
обогретый солнцем
и свет наполняет
пространство:
лето, отдых и мама жива.
Дни проходят в беседах,
дни наполнены светом,
солнца и души.
Я в счастье коротаю дни
наполнены любовью.
— Отдохни, —
мне говорит душа. —
Впереди много трудностей,
и лета этому сродни
уже не будет,
мама уйдет,
и ты не будешь уже таким
как прежде.
И грусть
замешана слезами
радости земной,
любви небесной и живой.

30.12.08

Сквозь серую мглу
солнца лучи,
кусочками небо голубое,
и белый дым облаков
пятнами на сером покрывале.
Скажете, что здесь такого?
Декабрь уходит.
Завтра новый год.
Пройдет и он, как день,
как каждый год проходит...
Но остается тень ушедших дней,
и память иногда тревожит.
Уходит жизнь,
уходит год,
уходит день...
Остается
тень.

31.12.08

Иней небесной звезды —
белых деревьев цветы
январским утром,
морозным, холодным,
сквозь солнечный блеск...
На перроне вагоны,
там я встречаю тебя,
инеем белым покрыты
поезда.
Вагон, окно,
твои глаза сквозь снег и иней.
Я любим,
и ты любима.
Все деревья в тонком инее —
словно сказка
из далеких детских снов.
Я люблю тебя, любимая.
Ты
со сказочной звезды.

31.12.08

Облака желтые
по небу предвечернему,
облака из золота плывут,
плывут, подсвечены солнцем
в ночь уходящим.
Облака из золота —
грусть моя
о дне уходящем,
последнем самом
в этом, високосном еще, году:
я потерял друга и маму.
Их не вернуть.
Облака из золота
по небу предвечернему.
Мне не уснуть сегодня,
я знаю.
Я здесь остался
за нас троих.

31.12.08

Мама!
Могила твоя в снегу,
венки, цветы и тишина...
Ты одна.
И я один.
Навсегда.
Слез нет у меня,
только тоска
и комок в груди.
Здесь,
под двумя дубами,
ты не грусти...
Мама!
Прости глупость мою,
прости дерзость мою
прости суету мою...
Мало времени
я уделял тебе —
много сил отдала ты мне...
Мама!
Снег на тебя,
снег на меня,
сорок дней завтра
твоего ухода,
завтра ты — у Бога...
Я молюсь за тебя.
Я молюсь за себя.
Прости меня.

03.01.09

Вдоль дороги — белый снег,
деревья в снежных шапках,
редкий снег
по стеклу слетает в даль,
мы летим
навстречу встрече.
Серый, серо-белый свет,
как туман над нами в небе...
Осознал я в эти дни —
что с того, что жизнь
меняется внезапно?
Ощущений давних не вернуть,
не вернуть ни слов, ни мыслей,
и близких не вернуть.
Все улеглось, запуталось, как снег,
в ветках деревьев,
сорвет его ветер
и будет гнать его равниной
поля
пока он не найдет
покоя
или оттепели первой.
Вот так и мы.
Что обстоятельства отмерят —
осознать и изменить на время,
потом — забыть.
И все сначала.
И каяться потом
теряя кого-то,
как этот день,
и этот снег навстречу.
Что жизнь моя?
Взлетел —
опять сорвался.
Все одно и то же.
Изменить там что-то
не всегда возможно.

Да и не стоит
вырываться с рельсов
которые положил сам,
но проект был сделан до тебя.
Но я без знаний этих часто
ошибался.

Дорога жизни...

Доигрался

или нет —

я сам не знаю.

А снег летит...

Раньше

я тоже ехал так,

но настроение другое было —

все не постоянно:

и дорога меняется,

и люди.

Совет для жизни

сам себе

я дам еще не раз,

и в этом смысл движений

мыслей

и дороги в небо.

Одно я знаю:

я здесь не лишний.

03.01.09

Я вою волком в этот вечер
внутри души.
Мой вой и лепет
детский,
несмотря на возраст.
Завтра сорок дней ухода
мамы
и ее встреча с Богом.
Я вою волком одиночества
среди людей.
Душа болит.
Каждый день
горечь потери, расставания
становятся сильней.
Мама,
мне плохо без тебя...
Поверь
я потерял
свой отчий дом,
очаг,
где ты всегда
ждала меня
с любовью.
Не часто приезжал.
Сложилось так:
обстоятельства,
ты знаешь их.
Десятки лет свободы — не мои
полжизни боли...
Мама,
приходи ко мне
хоть иногда...
Сегодня в небе
новая звезда —
твоя...
И навсегда — моя.

03.01.09

Кто-то упал с Луны —
песня из Москвы.
Со сцены-страны
попс-певичка поет:
— Пацаны, братаны,
наши славяне
трубу перекрыли
и краны!
Газ, на котором сидели веками,
превратился в золото:
алхимики сами
сошли бы с ума —
они же старались зря...
А здесь всё быстро:
и газ,
и артисты,
и кто-то в Москве падал с Луны.
Братья славяне...
А паспорт в кармане
хозяев
другой,
не славянской страны.
Но время метелит
и этих и тех —
газ кончится быстро,
и будет портрет,
общий, на всех,
главных по году,
и общий клозет
на улице Мраков.
А мы постараемся в этой
клоаке
споров и трахнутых смыслов
придумать системы
энергий сверхновых,
доселе не слышных.

Трубы расплавим
на рахметко-заводах —
металл на системы
энергоресурсов.
Остальные уедут —
паспорт в кармане
певички из народа.

03.01.09

Мысли, слова,
а где голова?
Сколько всего в прошлом —
нелепого, глупого...
Мысли тоже.
Но там все темное,
не видно глупости —
и нелегко от этой скрытости,
и далеко пространство чистое
от всякой глупости.
И без конца одно и тоже...
Полет глупца
над тем же веком,
где все такое же.
А что душа?
Она — жива,
и вечна,
но это все
не бесконечно
для нее.
И день приходит —
рвётся все —
душа уходит.
Берёт с собой
всё то, что было
с умом и без...
И не успели
исправить мы судьбу,
характер...
Кому нужны,
в таком вот виде —
жалком, больном?
А Бог все видит.
И эта мерзость —
болью в Нем.

05.01.09

Большой снег —
на уже белую землю.
Всё повторяется,
как было и прежде:
ночь с луной в половину,
и снег с небес.
Я медленно иду,
шепчу молитву
за себя и свой крест —
дойти бы в светлости разума
и тела бодрости.
Снег несется, покрывает все,
и мне хорошо.
Новый год и Рождество скоро,
что принесет?
И пусть Бог будет мне
опорой.
Накопилось всего,
и время не лучшее —
передо мной снова тупик.
А метель кружит все...
Больше не будет,
как было —
нужны большие
силы
дойти до своей могилы —
я не боюсь ее,
и конца жизни.
Просто мне нелегко,
и нужно выдержать.
Снег метет,
и на душе,
как в детстве.
Я люблю метель.
Она согревает мое сердце.

Луна закрыта
снегом круговерти,
ветер шальной,
но слёз уже нет,
поверьте.
Я люблю жизнь,
каждое её мгновенье.
Снег кружись, кружись —
твое время.

5.01.09

Прорыв сознания в верхние слои,
или прорыв в сознании
в верхних слоях —
и ты известен.

Ты экстрасенс или ведатель,
о тебе сплетни

и телепередачи:

заряженная вода, краны,
а можно и кирпич в придачу —

для защиты биополя,
и проникновение в иное

без пальцев, рук
и других частей тела,

а методом каких-то
энергий —

метелят друг друга

и соревнуются:

кто-то угадал где штепсель
в утюга,

а кто-то где розетка.

Особо продвинутые
определяют цвет одежды,

которая закрыта;

другие идут в загробные
миры,

как в хлев к корыту,
легко и просто.

Прорыв сознания

или прорыв в сознании —

тайна пока сегодня,

не открывает двери все

до дней скончания

индивидуума конкретного,
которому хочется

блистать перед публикой
да ещё и за грошики.

05.01.09

Я стою в ожидании тебя
на белом снегу
и морозе.
В руках — цветы.
А ты настороже.
Смотришь мне в лицо,
и, почему-то, грустная...
Снежное покрывало, ночь...
Зима —
пора не лучшая
для любви
и под луной вздыханий.
Я стою и жду
улыбку твою, родная,
ты — неземная.
С неба снег
на нас двоих,
и зима
в жарких поцелуях
и ледяных пальцев
ласках
уже родная.
Снег медленно падает...
Ты что-то шепчешь —
я не слышу —
знаю, любишь
меня
навсегда в этом мире.
Мы друг друга
не отпускаем —
мгновение,
вернись!
С неба звезда
Любви
нам свой свет
посылает.

05.01.09

Мороз щиплет щеки и нос,
хруст снега под ногами,
яркого солнца диск
омывает землю,
золотит фасады домов,
пар изо рта —
холода
пришли к Рождеству.
Ночь сегодня особенная:
вечерние службы в храмах,
сердце замирает таинственно —
Христос с нами, в каждом доме,
с нами, Пресвятая Дева Мария
и все святые,
с нами — небо и мир
в душе.
Радости ковчег
плывет в пространстве —
праздник Рождества Христа
без танцев
и музыки громкой,
церковные хоры
поют и проникают
в каждое сердце...
Звонко хрустит мороз.
Над миром
снова Рождество
И я стал с детьми рядом,
сам в ребенка превратился:
исчезли золотые кумиры,
ушли горечи.
Гостинцы
всем ото всех.
Первая звезда на небе.
Ликование в православных храмах,
как две тысячи лет
назад.

Бог — в каждом сегодня,
Бог — в мире,
и гости
с неба —
Ангелы светлые.
Я чувствую это.
Сердце останавливается
и замирает:
Рождество Христа!
Большого счастья
для православного не бывает.

06.01.09

Под елкой новогодней,
под елкой рождественской
нарядной,
играет
кот Чуча кудесника.
Дед Мороз с мешками,
девочка Мария
с нами
в день прекрасный
и вечер особенный
Ангел с неба.
Мы славим Бога.
Кто мы?
Грешники,
пуще не бывает.
Я — поэт,
и женщины
меня всю жизнь согревают
своими глазами,
постоянными влюбленностями.
Мы — грешники.
Награда от Бога —
Его милость.
У нас то любовь, то тревога,
то болезни, то переживания —
Мария растет...
Слава Богу
за всё и всегда!
Бог милостивый.
А вот и первая звезда
Рождества.

06.01.09

Мама!
У нас рождественский вечер,
а ты на небе.
Тело под венком в земле,
а душа,
как и прежде
с нами всегда...
Здесь осталась
часть ее,
а другая умчалась
к Богу навечно...
Ты наш защитник,
мама!
Так грустно...
Тоска,
ноет сердце,
и так больное...
Я давно не ребенок,
я опора своему отряду —
одни женщины —
значит, так надо.
Моя мама
всегда со мною.
Я — грешник,
но исправлюсь,
снова бороться буду
тебя ради,
Бог сотворит чудо,
и буду я праведник.
Когда это будет?
Меня мир увлекает,
женщины, деньги...
Мама, родная,
сколько мне нужно?..
Но я ненасытен,
люблю всё,
часто Бога не вижу...

Мама,
ты мне пример!
Но я, как юноша,
рвусь к этой женщине
с глазами огромными,
телом лани...
Грех увлекает меня.
Но я борюсь,
и бороться буду —
Бог поможет.
Я Его уже никогда не забуду.

06.01.09

Край белых туманов.
Река несет свои воды
и далеко, и издалека.
Край белых туманов.
Луга, стога,
и запах сена
пьянит меня,
и белый над рекой туман...
Птицы спят в вечернем
мареве жары.
Лето на реке,
косари идут домой...
Я помню ту реку весной:
потоки талых вод
с полей
режут, бегут
ручьями, реками —
и речка разливается
в луга,
и аисты,
на кочках,
среди остатков снега ...
Март.
Рано прилетели.
С неба часто мокрый снег —
просто метели,
ветер, холод, рябь воды —
аисты не все выживут —
рано прилетели.
Март.
Вода уходит,
и на лугах озера остаются.
Первые цветы...
И соловьи
на вербах распевают
ночью нам.

Я любил реку...
Над нами —
небо звездное
и первая любовь,
и первые туманы.
Вновь — ностальгия,
боль, —
я один на берегу тревоги...
Жизнь проходит,
и туман прошел...
Слеза
скатилась по лицу.
Край белых туманов —
Божий край.

06.01.09

Партийный лидер
резко вскочил,
на съезде партии
выступающий его мочил.
Критики было так много,
что за порогом
собрались зеваки
с офисов разных
клерки —
рубахи белые, белые, как облака.
Лидер вскочил
и упал на быка —
символ партии из бронзы,
огромный, —
стоял перед сценой,
как символ достатка
мяса и хлеба.
Партия взятки взяла
не напрасно:
купили быка,
новые авто, хаты
в достатке себе,
а солдатам партийным
выдали флаги и по сто гривен.
Партия резко брала обороты,
рейтинг поднялся, —
слава народу,
который то спит, то с похмелья,
то просто
мозги забили в каком-то посольстве.
Лидер поднялся,
и — на трибуну,
очистить мундир
и дать в шею тому
уклонисту,
что от линии партии,
подлюга нечистый,
вильнул.

Но тот убежал,
предатель.
Лидер отмылся,
облизался резво,
и партия снова
готова сесть в кресла
власти в парламенте,
власти в Кабмине,
а там — в президенты
страны всей,
что б слили
потом всех, кого нужно
прямо туда,
где сливают все дружно
и мусор, и дрянь,
а там и страна,
смотришь,
встанет, как солнце в рань,
или тот, на рассвете...
Мы снова — герои,
и песни об этом.

06.01.09

А снег летит, летит с небес
и нет конца ему.
Летит, летит к нам белый снег,
а дальше — синий лес стеной,
дорога белая
в снегу,
иду
наполнен радостью,
любовью.
Рождество.
Со мной в душе
все близкие, ушедшие давно,
со мной живые все.
Это не сон.
И сосны скованы морозами,
и снег в ветвях,
и тишина.

07.01.09

Я дождался Рождества.
Ника ушла, мама ушла,
за год оставил я таких родных,
вернее, они оставили меня
в ночи.
Мне грустно, больно,
но это жизнь:
встречи, расставания.
“Держись! —
я говорю себе. —
С тобою близких много.
Снег
медленно падает с неба
не долетая земли,
потоками ветра
поднимается вверх,
и танцует с ветром,
медленно опускаясь
вниз.
Ветер с холодом,
Рождество с теплом.
Телу холодно,
а в душе тепло,
радость и святость.
День особенный,
раз в году,
в день Рождества
все тайны мира открыты,
и это — Бог.
Все открыто в Книге
главной —
Бог дал силы для скитальцев
по миру скорби и миру страстей.
Снег кружится,
Рождество...

07.01.09

Я как летописец
с ручкой в руке
сколько всего видел.
Какой восторг!
В детстве на чердаке
все восхищало, все заводило,
всему, казалось, нет конца...
О диво, диво, диво!
Но время шло,
скорее летело,
лет пятьдесят наверное.
Лидеры падали,
страны рушились,
возникали новые,
люди петрушились
с оружием в руках,
или так на так.
Минные поля,
дети без ног...
Молитва главаря,
войны с запада на восток —
освобождение от кого-то
кого-то за что-то,
между строчек — забота
о собственному сейфе,
в котором инфляция
все куролесит,
как моль съедает
дедов припасы,
и все пропадает в клозетах
наших,
и снова драки за то, чтобы
больше себе, родному,
и деткам тоже.
И кровь потоками с гор,
и в пустынях,
в джунглях Африки —
не говорю о России...

Я — летописец,
и все пишу
без фамилий, имен...
Подлецу
память в бумаге
на много столетий
зачем?
Пусть уходит навеки.
Я пишу о лесах и морях,
о реках, траве, облаках,
о Божьей природе,
простом человеке,
любимых, —
им память навеки.
Я — летописец,
но со своим нравом,
характером твердым
и сердцем дубравы,
где ветви шумят
и птицы на них.
Их пение нам
радость несет.
Я — летописец
с ручкой в руке,
пишу, все пишу,
а мир, как цирк в колесе.

07.01.09

Блики света на деревьях,
пар прямо с земли.
Ничего особенного —
прорыв теплотрассы
в новогоднюю ночь,
как иначе?
Ель столетняя застыла в сквере,
свет из окон домов:
там тоже — ели.
Город пустой,
как замер, уснул.
Город затих, а мне не уснуть.
Реалии жизни:
свет от экрана —
развлечение для болвана, —
хоть я иногда забываюсь,
и мне нравится
чужая жизнь из телеэкрана.
Ночь,
темнота несусветная,
и часы тикают,
много их, на стене, столе,
на руке.
Елка сверкает огнями
гирлянд.
Мысли остановились,
пора спать
или нет,
если бессонница.
Мысли появятся,
много рваных из воспоминаний,
много о будущем,
и много тревожных —
я так устроен.

Бог мне поможет
пережить эту ночь
и встретить утро.
Реалии жизни
или уснул я?

07.01.09

Говорят, что весенний день
год кормит.
Попсовая жизнь тоже гонит
в ночь новогоднюю
с банкета на банкет.
И подорожная сутолока
с частыми переодеваниями,
утром подсчитать прибыль
бывает невозможно —
попса без сознания.
Спит, встает, опохмеляется,
затем входит в нормальную жизнь
и наслаждается.
Так дни проходят и месяцы,
а там снова Новый год —
основа жизни, —
это, по их словам,
ночь, утренники,
и голова
говорят сами, не соображает...
Подходит, бедный,
к зеркалу,
а там такое,
отнюдь, не весело:
нужны подтяжки, подрезки,
надрезки,
и сколько денег
уйдет в натуре:
волосы красить,
усы щипать...
Тело устало,
но нужно стоять,
иначе — пенсия,
забытие публики.
Настроение грустное.

Не продавать же бублики,
и жить с этого?

А, может, и лучше.

Но никто не заметит
героев жизни
и рейтингов сетки.

07.01.09

Во мне нет и не может быть
зла,
даже моя дорога
со мной встала и легла.
Вы скажете, что за чушь?
Дорога не спит.
Но я говорю о своей,
по которой иду,
я ее люблю, я ее берегу.
У меня нет
и не может быть зла —
я встаю с утра
не очень крепким,
и радости мало,
но зла нет.
И я расцветаю
там, внутри себя,
постепенно любя
мир, который меня
окружает.
Мне всего мало:
природы, жизни,
часов с близкими.
Мне всего мало...
Путь не близкий,
прошел так много
по своей дороге.
Вечером сегодня
под звездами
топал еще и топал...
А сейчас поздняя ночь.
Дорога спит.
И я не прочь
разделить с ней эту ночь.

07.01.09

Мама!
Как мало я уделял тебе внимания...
Я думал — жизнь бескрайняя.
Я ошибался.
На земле она быстро
заканчивается,
и мы переходим на другие планеты.
Мама!
Тебя уже нет со мной,
но мы с тобой близки
душами.
Мама!
Ты ушла быстро, внезапно,
хоть я с тобой и попрощался...
Я ждал каждый день,
каждую ночь звонок
и весть
о нашем с тобой расставании...
Весть пришла
утром ранним.
Я дождался
и остался один,
без мамы...
Душа моя чувствует
твою душу,
но ты далеко....
И будет ли мне открыт
путь в тот мир,
где сейчас ты?
Я не струшу,
и ничто меня сегодня
не испугает —
я отдал свою жизнь небу
без колебаний.
Я никто, ничто
и собой не владею —
вся власть надо мной,
там, в небе.

07.01.09

Белый снег покрывает
околицы города.
Мы с тобою были
так молоды.
Белый снег покрывает сады,
парки, скверы,
и ты,
как из снежного вихря:
шелк волос на морозе
искрится,
щеки нежный румянец покрыл.
Снег кружится,
и ты
объясняешься мне
в симпатии.
За словами этими
любовь,
и я вздрагиваю
от счастья, которое
мне улыбнулось.
Зеленых глаз изумруды,
руки нежные,
пальчики будто
изваял скульптор
известный,
и чудо —
улыбка твоя
в этом парке
на околице города.
Ярко
стало вдруг,
и в этом снегу я
начал таять
от счастья любви.

08.01.09

Снег заметает крыши домов
а птицы летают,
не боясь холодов.
Утром ранним
я стою на дороге,
снег искрится, играет
на крепком морозе.
И пойду я сейчас
к полям белым и снежным,
к полям дедов, отцов,
отдыхающим, зимним.
Детство мое в этих полях.
Весна.
Ложится в земле борозда,
Лошади медленно
тянут плуг,
и клубится
теплый пар от земли.
Затем — лето, жнивье,
запахи выжженных трав
и хлебов.
Люди
на полях с рассвета.
Днем — жара,
солнце палит нестерпимо,
но хлебб, но хлебб...
На всю жизнь
помню это:
хлеб ржаной из печи,
и молоко из крынки...
Поклонюсь до земли
Богу я в этих нивах,
поклонюсь до земли —

здесь пот дедов,
здесь моя жизнь прошла,
как это утро,
и грани
памяти режут
по сердцу до слез.
Что ушло не вернуть —
ни мечты, ни грез.

09.01.09

Я видел чудо —
арт-галерею,
высотой в этажи
штук четыре, иль больше.
Скарбы, скарбы,
и арт-директор
весь в хлопотах,
и чудо арта
все в штабелях,
и покупатель
с утра пораньше:
голос дрожит, как на слезах,
всем что-то нужно,
и штат солдат,
готовых выполнить
любой приказ.
Море техники
последних знаков
для проверки
всех прикрас.
И все берут,
и радость света,
деньги рекой,
балдеж толпы —
выигравших нет,
и быть не может:
один взял что-то,
другой — гроши,
и моль их бахнет
и грязный червь.
Но суета —
все так прекрасно!
Продлить бы день
хоть до утра.

09.01.09

Голубые облака, а по ним
течет река
небесной чистоты.
Вижу я ее давно
в разных городах,
и дно реки — хрусталь.
Голубые облака, а по ним
течет река
небесной чистоты...
Солнце свет свой направляет
в потоки вод,
река широкая, большая, размером
почти что в небосвод.
Над рекой
деревья,
лист золотом искрится,
но не осень это,
а весна:
золотые листья в мае,
цветы зеленые играют
переливами воды и света.
Река в полнеба
надо мной,
мир чистый, светлый
неземной,
нет мыслей грубых
и слов,
вода несет всю чистоту
миров.
Я плыть хочу в ней
хоть иногда,
но время не пришло
ещё —
года какие-то всего лишь
подождать,

и, может быть, придется
мне с чистыми словами
и мыслями опять
увидеть ту реку
не издалека,
а прикоснуться к чистоте потока.

09.01.09

Ты пришла сегодня
солнцем с неба,
ты пришла сегодня
ветром, снегом белым,
ты пришла сегодня
льдом голубым, озерным,
ты пришла сегодня,
а я так и не понял...
Я ждал тебя,
как всегда, в нашем парке,
я ждал тебя,
и решил — напрасно...
Твоя любовь заблудилась
в зимней стуже,
моя любовь
ушла со снегом и бурей.
Но все не так.
Ты пришла вся в чувствах,
ты пришла не одна
а природой, сгустком
всех стихий
земных и небесных,
и твой огонь... —
от него мои песни.
Ты пришла
стихиями мира,
моя, одна.
Но дороги закрыты
для прихода
души.
Но ты душой
ко мне прилетела
не в первый раз.
И днем и ночью,
моя весна,
цветами лицо мне
щекочешь.

09.01.09

Бог снизошел ко мне —
кто я?
Бог пожалел меня
и радости душа полна —
кто я?
Я представляю праведника Лота
и счастье которое он испытал.
Кто я?
Огонь страстей,
и мыслей непоследовательных вихрь,
нет реки спокойной
в моей душе и теле.
Огонь страстей,
влюбленностей огонь,
и женщины влекут,
не надоели,
влечет меня и роскошь красоты,
убранство домов:
грехов — пудами мерять.
Бог снизошел ко мне давно,
и снова он в меня поверил.
Как мне уйти
от вихрей грешных слов,
от вихрей, что влекут
меня к усладам тел
и голосов,
и женщин мало мне всегда,
и мало денег,
и вина.
А Бог поверил мне
ещё.
И думаю, и чувствую, что
всё в последний раз.

Мне нужны покой и тишина
осмыслить все,
чтобы не потерять
надежду на потом
уйти с дороги, где огней
грехи,
где суета и искушений полки стоят
в последний раз.

09.01.09

Белые, белые корабли
уходят в моря, океаны,
в даль земли,
белые, белые корабли
уходят, уходят в океаны любви.
И снится мне сон
в первых лучах утренней зари
багровое небо
и корабли.
На палубе верхней
стоишь ты одна,
ветер ласкает
волосы нежно, как парус,
ветер играет ими...
Недаром
увидел я этот сон,
эти глаза —
я так влюблен...
Белые, белые корабли
в океане любви,
в океане любви,
а мне остаются
лишь сны,
где вижу тебя,
где ветер, вода, корабли.

10.01.09

Тают снега
и с крыши — вода,
вода на асфальте,
и лужи стоят.
Тают снега
среди пика зимы,
оттепель утром
и оттепель днем.
Тают снега...
Мы вдвоем.
Вчера и сегодня,
завтра, всегда,
и наша любовь
греет снега,
и наша любовь
греет сердца.
Мы здесь вдвоем,
и здесь весна
в холодном вчера,
морозном снегу.
Мы встретились
снова
и снова уйдем
в разные дали,
но сердца наши —
одно, —
соединенные давно.
Тают снега,
оттепель снова —
наша любовь.
Зиме не до мороза.

10.01.09

кохана
мої мрії про тебе
спотворені мороком
злидених суєтних слів
скалічених мізків тіл
душ людей що поруч
і далеко ген
що відчуваєш тільки духом
і сам я теж, напевно,
з тавром якого не бачу
але я за нього плачу
і плачу
тебе я відчуваю
що ти є
я знаю
тебе я бачив стільки разів
ти близька мені
і тепер
але чи ти це
чи не ти
спотворені мізки
каліцтво слів
Боже прости
за ці слова
бо слово — Бог
а ці слова — Сатана
бо такі
що без цензури
життя немає
де взяти Цербера
на кожен язик
та Цербер також
так звик

і всі його слова
каліцтво теж
і мрії всі мої згасають
але ти є я знаю
і буде зустріч знову
і не раз
але
що робити світу
з убогих нас

10.01.09

я знову під дубом
що спить
ще від осені
з листям рудим
на гіллі
листям
що не впало
і вітром не знесене
до якоїсь канави
а серед снігів
є прикрасою крон
і пейзажу
красою тонкою
і недосяжною нам багатством
на швидкій ході
очима в землі
зігнутих фігурок
під вітром
морозом
замучених життям
повсякденним
любов до природи
зберегли ми не всі
і сняться кошмари
побиті коти
розірвані лапи
і кров на снігу
а нам би тих снів
що листя руде
на гілках дубових
серед снігів білих

10.01.09

проснулася мова
моя українська
твоя російська
його французька
це добре
вузьке коло слів допоки
прийде час
і Бог дозволить
прийти туди де слів
для мови кожної
гори
і всі слова живі
я не націоналіст
я не шовініст
я не сіоніст
я не фашист
я син землі
я син дерев трави і квітів
птахів що відлетіли
у вирій
і тих що не летять
і залишаються отут зі мною
я син снігів і вітру
а з тобою моя кохана
ми ріка
ще невелика
але голуба із чистим дном з піску
а що довкола нас
я не бачу
газет журналістів
телебачення
я плачу за тими
хто марнує час
на те що завтра
сплине в порохняві
і не варте й шеляга

10.01.09

Я не обнимаю красавицы тело,
могу, но не хочу.
Не потому, что надоело,
просто услышал крик я сегодня —
не очень нормальный голос
изводит, —
крик впечатал меня в стену:
“Ты ничего не можешь!”
Сколько красавиц
в руках держал я,
я забывался, искал утех,
но это — безумия грех,
одна другой красивей
и лучше.
Но всех бросал
забывался,
мучил
себя, других.
И снова крик:
женский? мужской?
какого начала?
Крик беспольный,
сверх накала,
нож к горлу —
кровь вот-вот хлынет.
И снова любовь —
горечь полыни
придет потом,
но скоро исчезнет.
И как гром
среди ясного неба:
— Она одна моя!
Пусть только душой,
пусть даже во снах,
а мне опора
на пути нелегком.
Я снова хочу с нею
забыться немного.

10.01.09

Кущі шипшини на узбіччі лісу,
плоди червоні, мов намисто.

Мить

і я обережно
візьму на пам'ять

ягідку одну,

і зимою

буду дивитись

на неї,

і ліс той,

і осіннє сонце,

і намисто на кущах шипшини,

мов у тієї дівчини

що я чекаю

роками.

А в небі клин —

І журавлем мені б

з нею теж туди,

далеко,

за синє море,

але мої бажання

марні...

Кущі шипшини на узбіччі лісу,
плоди червоні, мов намисто.

11.01.09

Закат красит
облака в цвет малиновый,
река
вся во льду,
и белый снег на берегу.
Я бреду
вдоль реки,
лед трещит,
взрывая тишину —
мороз крепчает.
Скоро уеду в город,
в шум и суету.
Иду,
наслаждаясь тишиной.
Покой, покой...
Солнце садится ниже,
темнота опускается,
все ближе ночь.
Луна огромная,
снег серебрится.
Мне пора.
Туда, где шум
Мне близок город.
но бегу я к тишине,
и насладившись ею,
отдохнув,
я в город вновь бегу —
круг,
в котором живу,
и выбраться из него
уж никак
и никогда не смогу.

12.01.09

Трещит душу метель...

Белым снегом я падаю с неба,
белым снегом на поля и лес,
белым снегом
покрываю землю.
Я здесь вырос,
и здесь мой дом.
Белым снегом, гонимый ветром,
я лечу поземкой —
мой сегодня день.
Обниму природу,
обниму прохожих,
заставлю улыбнуться
снежинку на щеке.
Белым снегом
я кружусь и грею,
несмотря на зиму,
и всем хорошо.
Белым, белым снегом
падаю с неба,
воет ветер,
брат мой по судьбе,
вы его не бойтесь —
он бывает теплый,
а сегодня просит
бури,
ведь в буре —
его любовь.
Белым, белым снегом
я несусь на землю,
и безумно верю
в зимнюю красоту.

13.01.09

Провод стальной,
скрученный в бухту,
весом в несколько тонн,
под дождем и ветром
ржавчиной тронутый
с усилиями дикими
бросается в воздух,
пытается выпрямиться,
достать чего-то.
Но попытки тщетны —
пустая работа, —
нужны руки,
простые, рабочие,
раскатать катанку
вдоль дороги по обочине,
использовать прямой
и по назначению.
Провод, как живой,
рвет жилы, пытается
выровняться,
но судьба железная
у стали катанной:
свернули в бухты
и продали дальше —
под дождь и ветер.
Металл, как живой,
движется от температур
и хочет домой,
найти применение.
Но сегодня — спад,
кризис строительный,
вчера покончил с собой прораб —
жизнь дала трещину
по живому и железному.
Судьба стального провода
пока неизвестна.

13.01.09

От хижины дяди Тома
до барака Обамы
шли не то враги, не то партнеры
вместе с нами.
Мы — от дворцов царских
до дворцов “новых русских”,
растопырив пальцы,
и показав всем дулю.
На родине нашей
деньги ихние —
зелёные, грязные,
но пахнут чисто.
Шли мы вместе не одно столетие,
от проблемы к свершению,
покорили космос,
моря, океаны,
от нас братья бежали
в разные страны.
От них нет.
Потому, что было
сладко,
(имеется ввиду, дышать
свободой без оглядки).
Сегодня мы одинаковы:
духом попадали,
и фигню вякаем
своим народам
о жизни новой.
Но у них — войны,
а у нас — бык вместо коровы.
Проблемы даже общие:
преступность, наркомания
и олигархические компасы,
по которым определяем
вектор направления.
Но там, где большие деньги,
нет миру умиления,
там — кровь и обман с насилием.

Поэтому эти компасы
нас подкосили,
дух лежит
в банках с денежкой,
но нужно жить.
И мы вместе начинаем
с каждого понедельника.

14.01.09

Дождь среди мерзлой зимы,
дождь на сугробы
вчера еще белого снега.
Дождь на дороге весны,
которая вот-вот придет,
как всегда, незаметно.
А сегодня вода,
тающий снег,
и туман все скрывает.
А я жду, что придут
чудеса,
как это часто
в дни такие бывает.
Тает снег.
Через несколько дней
Крещение.
Православный мир
напряжен в ожидании
счастья
Богоявления,
и я жду каждый
год этот праздник,
как в первый раз
на земле,
понимая:
мы все — дети земли,
дети Бога,
и любовь в этом мире
сверкает,
всё прощает любовь.
От нее и к ней
наши цели.
Тает снег,
мелкий дождь
и туман
на дороге весны...
Движение жизни
всё побеждает.

15.01.09

Простите за нескромность:
на мне и так уже корона.
Мне много лет,
и я эскадроном
по миру несусь...
И вдруг ощущение:
грусть и печаль,
покой и смирение.
Мудрость крупицами
вошла в меня —
озарение!
Я много лет о ней
мечтал,
я так хотел...
Я был молод и глуп,
самоуверен невежда,
неуклюжий пастух
своего стада
в деревне.
Сколько всего
мимо и прочь!
Сегодня: спокойствие —
жизни урок.
Но мне стало в тягость
то, о чем мечтал,
я вспоминаю радость
шальных ночей.
И вот достиг...
Но так устроен человек
несовершенный,
и стать совершенным
почти невозможно.
О чем мечтал —
достиг
не ложно,
и сразу недовольство,
и новые мечты,
туда, вперед...

Где ты,
молодость моя?
Где края,
о которых мечтал?
Где дни те, в тревогах,
и шквал
энергии в безумстве
ненужный?
Я рвался к мудрости,
натужно, с надрывом,
а получил крупичи....
Мне бы остановиться,
дальше собирать ее,
но я подумал:
не мое.
Мне бы ночи шальные,
мне бы риск и тревогу,
но нет сил на дорогу,
ту, что была...
Там угли от костра,
там пепел
все занавесил
до горизонта,
все — только память,
но в ней — грех
и сознание его...
Все забыть и покаяться
хочу,
и любить не себя,
как героя,
а любить этот мир,
и людей всех,
безвинных,
виноватых тоже,
больше себя
мир природы.
Мудрость — все таки счастье,
награда Творца.
Все — от Него.

Но гордиться мне нечем:
у меня ее — чуть-чуть,
как для смеха,
я уже стушевался,
и сдрейфил...
Этот груз оказался
не весел,
это груз —
без громкого смеха,
это грусть с печалью
и улыбка от света.

15.01.09

Я с болью головной
в день этот
не вспомнил годовщину твоего ухода...
Друг, ты прости меня, —
все голова,
нету сил.
Каждый день я в борьбе
за день каждый, прожитый,
и мне остается только
эта борьба.
Прости, друг...
Это просто слова,
я не прав,
виноват перед тобой...
Суета суетой.
Но я обещал.
Слово свое не сдержал
не раз и не два.
Прости.
Хоть и это слова...

16.01.09

Деревья
покрылись снегом,
снег продолжает
падать,
белым покрывалом
землю укрывает.
День начинается новый,
я, как потерянный прохожий
в городе этом, как будто чужом,
и немного есть сил
дойти до гостиницы —
номер, кровать, постель —
лежать и смотреть
на пролетающий снег.
Скоро
все изменит мою жизнь —
я взрослею на глазах
и могу смотреть
только вперед,
туда, где белый снег
или весенний дождь.
А остальное
будет душу беречь
мне в прошлом,
часто стыдном —
многое в нем
в душе моей болит.

16.01.09

Колющий ветер в лицо
бодрит и обжигает,
колющий ветер среди зимы
он знает —
я не знаю —
смысл и цель этого вечера.
Он выполняет свою миссию
от создания света,
я тоже пытаюсь,
но меняюсь, как этот ветер:
то подъем, то спад,
как у любого человека,
настроение прекрасное
переходит в депрессию,
и все кажется ужасным,
даже эти шоу
вечернего города:
танцы девиц обнаженных
без головы,
и зрителей освобожденных
от страха тьмы.
Девушки на жизнь зарабатывают
телами,
но, чем такая жизнь,
лучше бы спали
в хранилище душ.
Город ночной,
а я моралист и плут,
такой же, как все,
только нет денег на варьете,
нет денег на казино,
нет денег на проститутку —
только кино
мне доступно,
и то в телевизоре,
чужом,
свой уже вышел,
отработал, устал и загнулся.

Город ночной
мне улыбнулся,
коснулся света
блеском камней
старинных зданий
и небом
с бегущими облаками.
Не все так плохо,
как мне показалось,
и мысли час назад —
продать пальто и погулять бы...
Я и так погуляю,
пальто сохранив,
а вот честь — не удастся.
Веселый мотив
из окна ресторана,
и женщина пьяная-пьяная
в объятья мои
из объятий швейцара,
как ветер колючий:
меня освежает
запах парфюма
и запах спиртного,
пьяной улыбкой
тела такого желанного
и еще дармового.

17.01.09

Потоки белых облаков
в голове,
и хорошо так мне.
А белый снег летит, летит,
все снова освежилось.
Миг —
и я в лесу.
Там лето.
На виду малинник сладкий,
птичий пев,
и так приятно
после малины
полежать на мху:
поляна пахнет,
все в цвету.
И снова небо,
белых облаков поток,
и весел я.
Вчера еще был Новый год —
сегодня снова снег,
и этим я живу —
от снега к облакам,
от облаков к дождю,
и к листьям руты-мяты,
от них — все в золоте багряном
и облака окрашены
в цвет золота закатом.
Этим живу.
Этим счастлив.

18.01.09

Бедя приходит —
всем известно —
пожар, болезни, смерть.
Конечно,
все пережили что-то такое:
рвали жилы,
чтобы выйти в поле жизни спокойной,
и покоряли беды,
и выходили на чистый лист
своей победы,
и свист пуль у виска,
и дикий ужаса крик —
всё побеждали,
и каждому казалось,
что ему больше всех
досталось,
и каждый свою беду
мерил и весил,
потом носился с нею,
тяжелым эхом
боль уходила,
и всем казалось:
его уходило
больше всех.
Но как измерить
беду на вес,
как измерить боль километрами,
и как измерить тех, кто ушел,
прежде времени, лицом на восток
в вечный покой
и навсегда?
Бедя или не бедя,
а так бывает:
и деньги есть,
и слава в мире,
и человек при власти царской, —
чуть-чуть кольнет
и — здрасте!

Он говорит:
— Я самый-самый,
меня — под дых!
И я до края
всё перенес...
Хоть орден вешай!
Другой всю жизнь
сидит в тележке,
в холодном доме
еды чуть-чуть,
а он и весел,
и что-то там
мастерит руками,
читает книги —
Божье послание,
всё славит Бога
за жизнь и крест.
Глаза искрятся,
и человек
еще другому
опора.

18.01.09

Бархат губ твоих манит,
что за ним?
Какой сюрприз?
Знаем только мы вдвоем.
В этой роще,
где стеной
белые березы,
бархат губ,
манит меня —
встаю и еду.
Путь к тебе
через села, где березы,
и звезда
освещает мне дорогу.
Бархат губ...
И понемногу
прихожу в себя
при встрече,
как и в этот вечер,
хоть и не видно в темноте...

18.01.09

Время к вечеру плывет —
без двадцати пять,
дочь опять
уходит в храм
на вечернюю,
а с нами дочь её,
Мария.
В этот вечер перед Крещением,
праздником Богоявления,
в любые крещенские морозы,
я гуляю с внучкой.
Что же остается мне?
В свете елочных гирлянд
последние светлые дни,
и снова — работа...
— Подожди! —
говорю себе я. —
Подожди,
попробуй жить,
как в Святцы.
С тобою снова благодать
от Бога,
Сегодня я с Марией
безумно счастлив.
В ветре, в снежном вихре,
колючем и морозном,
с Машей сможем
еще немного продержаться.
Холод жмет в своих объятьях,
и крещенская вода
в нашем доме
будет к ночи.
Вечер таинственный...
Сердце
хочет чистоты,
покоя,
радости души.

18.01.09

Не болит голова, не болит,
газ мы будем дома
хранить.
Лучше будем этим газом
сами дышать,
чем буржуйам-хохлам
продавать.
Не болит голова, не болит...
Газ горит, все горит
и горит,
а в Европе сосульки висят
под носами
холеных ребят.
Не болит голова, не болит...
Денег меньше —
без них можно жить,
все равно уходили они
в кантоны Швейцарской
горной страны —
вместо наших кавказцев
лучше парни-швейцарцы.
Не болит голова, не болит...
Газ горит все свечой,
и горит,
а зима скоро — кап — и ту-ту...
И весна говорит: “Я иду!”
Русский газ
и не нужен пока...
Русские
начали делать с него облака.

18.01.09

Бывший директор
продплодбазы,
затем холуй мучмы-заразы:
“парламентский директор”.
Так смешно.
Какой парламент?
Такое чмо
над ним висело,
деньги мешками
туда летели.
Затем — в немилость, дурака,
и выслали пока на речку,
там у него поместье,
и церковь во дворе,
и паламарь,
свечей угар —
дышать ему этим немало лет.
И колокол звонит в спальню, в окно,
там баба молодая:
“Повезло”, —
со стороны завидуют
подружки,
и девушки, такие же шушлюшки.
А она грезит —
ей бы парня
с Волыни, дикого, из леса,
этот — толстый, жирный
боров,
и жить ей с ним
еще как долго...

А колокол звонит в воскресный
день,
и паламарь,
с трудом
окончивший шесть классов,
теперь — ученый,
директор института
по политике
колбасной.
А колокол звонит,
и терпим мы
такой позор
своей страны.

18.01.09

1991 год. Двадцатый век
идет к концу,
в воздухе — запах свободы,
а Горбачев все говорит,
и говорит —
потоки мыслей
о том, что ему болит.
И журналисты, как герои,
льют на всех и сразу,
в основном, помои.
Белый цвет исчез
из прессы,
даже бумага стала
желтой, мягкой,
как для одного места,
и все бурлит как в 1917.
А дефицит рвал всех
на части:
сахар, водка,
очереди, талоны,
и номерочки на запястьях —
народ шатался взад-вперед.
И вот удар.
Облом.
И сдох
Союз Советский (СССР),
и стали все свободными теперь.
Не верь.
Свобода относительная вещь.
Сегодня ее нет. И не скоро будет.
А то, что есть — это не свобода, —
оркестр без звука:
видишь, но не понимаешь.
А в это время
появилось сословие
умелых,

но не голов,
а пальцев,
которые щипали всех
несчастных,
похоронили миллионов двадцать
славян, своих же братьев.
Дальше — какой-то новый
строй,
и горлохваты за спиной
страны —
с ножами пацаны:
перо в ребро —
и все послушно сникли.
Поводырей — “Ой скільки!” —
кричит на Западе народ.
Восток молчит.
Его скрутили в рог
и погоняют,
за два пальца
ведут и спереди и сзади.
И все на волнах,
все на ямах:
то кризисы, то пилорамы,
то просто гниль —
её еще и есть-то нужно.
Народ идет,
скрипит.
Наружно
все даже красиво:
телки, водка, пиво,
и лимузинов тьма, блестящих,
дворцы, апартаменты
для богатых.
А мы замучены,
а нам бы выжить...

18.01.09

Несет поземку ветер
по лугам,
и третий день снега,
и облакам нет места
в небесах —
там снежная кипень,
и еле-еле солнце
пробивается к земле.
Воробьиные стаи в вышине —
полнеба птиц,
полет.
И мне никогда уже
не видеть здесь тебя,
мама...
Ты ушла
навсегда.
Здесь в лугах
я всё молюсь о тебе,
и так
проходят дни,
ты во снах ко мне
приходи...
Мне грустно без тебя,
и детство кончилось.
Семья
грустит —
неполной стала без тебя.
Ветер поземку гонит по лугам...
Ты помнишь здешние снега,
ты помнишь здешние весну и лето,
и как я счастлив был с тобой...
Горячий хлеб ржаной...
Улыбка грустная твоя...
Мне плохо, мама, без тебя.

19.01.09

Гром эстрады,
шум потехи,
танцы в зале
ради смеха,
или выпили столь много.
В такт музыке
масса движет все,
что движется —
руки, ноги.
И еще
глаза закатаны,
в лицо —
свет юпитеров со сцены.
Музыка для королевы,
которой нет сегодня
в зале,
да и не будет —
не позвали,
а позвать бы...
Да оркестр
сам не знает,
кто где есть?
Где король?
Где королева?
И в какой стране?
Где налево,
где направо —
авто в ряд.
Оркестр начал свой подряд
дня три кряду,
а продюссер опытный,
известный Уксус —
брат, что Джонсона
сам лично стрельнул.
И подлеца судили.
Вышел. А теперь
в афише.

Джонсон получил ущерб:
бабу, тачку и билет
на известный шлюз на море
Киевском.

Я отвлекся:
зачем нам Джонсон,
шлюз?

Мы начали с оркестра,
и публики танцующей:
кавалеры,
дамы,
девчонки,
мальчишки —
музыка звучит,
в зале все как-то
нечисто.

19.01.09

Я слепо жду.
И день за днем проходит.
Ночь.
Луна светом серебра
покрыла землю и леса,
и здания преобразились вдруг:
там свет, там тень.
Меня не ждут.
Мне это
тайной на душе.
Прочь
все мысли нездоровые мои.
А света
с каждым днем
все меньше,
и вот — исчез совсем.
Ночь новолуния,
и шорохи деревьев,
и здания покрыты теменью,
наверное,
мне повезет...
Проходит ночь,
и все мне тайной
неоткрытой,
а я все жду,
и слепо верю.

19.01.09

Я помню: в тишине
щелчек затвора автомата
передернутого когда-то,
солдаты, не вставшие с земли,
в крови.
Мое оружие — перо и автомат,
направленные на дворцы,
откуда шли приказы:
— Война!
Политики, трусливые со всех времен,
сидели далеко,
а батальон за батальоном шли
на огонь или штыки,
оставшись вечно на земле в крови.
Политики!
Попробуйте и вы
с оружием в руках,
и впереди солдат.
Попробуйте все сразу,
те, что при власти,
и в отставке.
Попробуйте!
А потом — приказ для всех:
— Вперед!
Я бы посоветовал еще
и детей ваших
отправить в батальоны:
вперед!.
Попробуйте,
и расскажите
там, в Ираке и Афгане,
секторе Газа.
А мои перо и автомат
пока направлены на вас.

21.01.09

Ты сегодня,
как вечерняя звезда:
между деревьями
на снег
твой свет.
— Привет!
Слова твои
ласкают слух,
я улыбаюсь.
Спят деревья.
Холодный ветер и мороз.
Время для любви.
Порог
со льда и снега,
а ты звезда
из неба
ко мне опять,
как в первый раз.
И как всегда.

21.01.09

За рекою город:
дома без света в окнах,
улицы без света фонарей,
асфальт исчез в траве,
деревья разрослись как
дикий лес.
Город без огней.
Город без людей.
Город — мрак.
Город — призрак
из других миров.
Тысячи лет — и он исчезнет,
как и пришел,
пыль покроет все вокруг,
и повторится все
в других местах
или в других мирах.
Город тянет
меня к себе —
в нем покой
как на звезде.
В моем городе
все не так —
здесь исчезла любовь.
Мрак расчета
и мрак силы
мне не по душе,
хоть все красиво.
Мне тот город
без людей
ближе всех,
в нем — покой
и нет того, кто унижит тебя,
разотрет
по асфальту.

Там трава
вместо камня,
деревья.
Город призрак
или мечты?
Что со мной,
знаешь ли ты?

21.01.09

Шлифуются знания,
шлифуется разум,
шлифуется то, чему
шлифоваться так неохота...
Шлифуется воля
в трудах и горниле
жизни тяжелой.
Как удержаться
и не сорваться,
а если сорвался —
остановиться,
не превратиться
в беса из цирка,
который в подвале,
где плесень и запах.
И так утверждаем
“я” своё
раз двадцать
за час и за день,
месяц и год —
тысячи тысяч
срывов, невзгод.
Спрятаться, бросить
можно.
Не спорю!
Но что из этого выйдет?
Слабость не более.

21.01.09

Город заснеженный
в сумрачной дали,
город заснеженный
в тихой печали.

Я с ним тоже
сейчас солидарен.

Сумерки вечера —
пута печали.

Пута печали...

Взять бы и вылететь
за пределы сознания
на час короткий
в дни те печальные.

Но невозможно.

Снег начал таять:

туман и вода —

слезы печали

природа моя.

23.01.09

Четвертый день поиска
способов
богатой жизни на земле
почти что с успехом
завершен в теории.
Написаны планы,
изготовлены предметы бутафории
на фоне кризиса,
который как вирус
косит вроде бы всех,
но его не видно.
Докторов много,
и все готовы:
проводят консилиумы
в тени и по телевидению —
пока винят друг друга.
А одна депутатша,
шефа подруга,
винит мирный атом,
который вышел из влияния власти.
А я начну по плану:
у входа в Верховную Раду
буду нищим,
у канцелярии гаранта тоже.
За год заработаю
на ресторан,
и куплю себе
эту мечту голубую —
ресторан для мужчин.
Женщин не пущу я.
А дальше — раскрутка пойдет.
Еще дальше —
открою журнал
на три пальца,
за ним — центры экспертизы
голов человеческих,
(оборудование лазерное
куплю у НАТО я).

А дальше — больше.
Планы не открою,
но жить буду
долго,
пока все не исполню.
Все говорят
о душе и духовности,
но это пустые слова,
посмотрите на властные
горницы —
богатая утварь,
роскошные одежды.
Чем хуже я?

23.01.09

Стаи птиц закрыли небо.
Скоро вечер.
Тает снег,
ручьи и лужи,
но не весна это —
стужа зимняя
надолго.
Просто — оттепель.
И снова мне смотреть на птиц.
Стою у окна
с Марией девочкой на руках,
ребенок, затаив дыхание,
смотрит
на красоту
птичьей стаи.
Снег серый
уже не снег,
его лишь тень...
Скоро ночь,
и сны:
Марии — нежные, красивые,
а мне — мои,
тяжелые,
и, редко, милые.

23.01.09

Туман окутал вокзал.
Поезд мой
тоже в тумане,
увезет меня скоро,-
я знаю маршрут, —
на земли край,
где океан омывает скалы
и тоже туманы,
туманы и дали.
Но здесь — зимний,
холодный туман,
оттепель, дождь
с тоской пополам,
и много свободы
на узком пространстве.
Камера жизни —
в изящном убранстве,
и все преходящее,
все пролетает...
И только туман,
когда снег начал таять
и превращаться
в серую жижу.
Поезд. Вокзал.
Я тоску ненавижу,
и убегая от нее
на край света.
А здесь — все по-прежнему:
еще не допето...
Но песни мои
нужны только мне.
Холодные лица в сугробах зимы,
и все, как больница
для умобольных.

Какие-то диспуты
о мироустройстве:
спорят воры и вруны —
недалек
их взгляд,
на короткое время.
Гудок,
и поезд —
в туман.

24.01.09

Вначале они пришли
ко мне друзьями:
мечтания, фантазии,
саке и тела кайф —
все понемножку.
И дорожка стала шире, больше,
дальше.
Чуть деньжат,
и чуть удачи,
и друзья мои вначале
стали хитрыми врагами.
На хорошей почве, рыхлой,
удобрений много,
лихо
сеять стали
страх,
за ним угрюмость, злость.
И в масть попали.
И надолго —
отвертеться невозможно
на короткий перерыв.
Пока они в других делах,
или спят,
я выходил
в свободы поле,
на реку, где нет неволи.
Но не надолго.
Снова — стук,
то в окно, то в дверь,
и все сначала —
страх и ужас
за жизнь, за день,
который нужен мне сегодня
болью сердца,
болью звонкой,
то кошмарами в ночи,
то красивой женщиной,
как круг
для спасения в беде.

Но все не то.
Я рвался к Богу.
Но мыслей невеселых хоровод
кружил по полю,
где травы зла
и туманы греха.
Дождь тоской в душе
надолго.
И вдруг
мне советуют уйти
в мир другой —
мир красоты.
Я прозрел,
открыл глаза.
Страх теперь — им,
туда, обратно;
ужас, злость — им же
бахнул.
И уныние, тоска —
им, бесам, в болото!
Слава Богу! —
за сегодня,
слава Богу! —
за вчера,
слава Богу! —
навсегда.

24.01.09

Ночи сна, которого мало,
ночи зимние.
В них — скучно,
в них мне так тяжело бывает...
Мечты и грезы.
Я не мечтаю,
это — стыдно.
Я в мире реальном
страдаю,
страх и уныние
стрелами яда
сводят меня
из жизни
прежде времени.
Мысли выводят меня
в край, где так плохо,
не передать!
Народы
там изживают себя и своих,
ночи, в которых
надежда уходит,
и только силой воли
держишь ты жизнь,
и стыдно,
что попал
на наковальню:
в глупости — жизнь,
в глупости — радость.
Теперь вот он, счет, —
не отвертеться.
Здесь не берут бабки в конвертах,
здесь — все на совесть,
здесь — все по правде.
Я говорил и рвался к ним...
Разве?

Да говорил, да много думал,
но правда моя,
как и совесть,
свернула
туда, где кабак,
пляж дикий, бабы,
туда, где пятак,
и ты весь под кайфом.
А говорил
и видел других —
совесть их меня дразнила.
Теперь я стою
там, где и должен,
но исправить свою
совесть сложно.

25.01.09

Всегда, когда беда,
я создаю фонд спасения,
в данном случае
по канувшему в лету
“Росукрэнерго”.
По билету на тот свет
я соберу пожертвований
много —
на дальнюю дорогу
и памятник
с Эйфелеву башню.
Скульптуру я
изваяю сам:
два высоковольтных столба,
на них звезда,
орлы России и наши грабли
с Украины,
меж них подстанции
и трансформатор,
а сзади — труба,
и год,
парни кудрявые
лежат.
Хозяева трубы
в трубу вошли,
но так, для понта.
Хоть “фас” команда
прокурору Российской
Федерации
вступила в силу,
парни с глазками южными
всем показали фигу:
деньги в Швейцарии,
их не достать.

А нам — памятник
на память
и кровать,
на которой нас имели
эти,
потом — другие.
На рассвете
снова солнце,
стою один
и мысли мрачные:
“Кто господин
моей страны,
кто взял нас в когти
грязные
и как?”
Едрена мать!
Народ — баран?
Не знаю,
я не стриг его.
Но жалко нас,
баранов, все-таки —
стригут, шакалы,
воле нашей вопреки.
А может нам такое в кайф?
Стригут,
а ты лишь отдыхай.

27.01.09

Пробиваемся мы,
пробивает и нас,
пробиваемся мы
сквозь массивы преград.
Пробиваемся мы,
а за нами страна,
хоть и часто буксует она.
Пробиваемся мы,
вроде, знаем куда,
но наш путь непростой:
поколения шли
и пропали.
Новые сзади,
а путь не в тиши:
барабаны и трубы,
заводные кличи.
А это все просто,
как битый кирпич
на строительство дома,
и доски гнилые...
Пробиваемся мы,
а за нами — другие
встают с колен.
им всего лишь по году,
но жизнь их поднимет
в путь-дорогу.
Но кто и куда,
сказать еще рано.
Жить просто нельзя:
стучат барабаны,
в висках отдаются болью,
надеждой,
пока все в трудах,
как и триста лет прежде,
и какая-то цель —
не поймешь, не ухватишь.
Нам бы лично лишь день
и туманное завтра.

Барабаны стучат,
а страна все буксует,
часто всем наплевать,
каждый сам по себе
и рискует
своей лишь спиной.
По спинам страны
лежащей
барабаны стучат:
завтра снова все в бой
за призрачным счастьем.

28.01.09

Глаза кошачьи,
вполоборота голова,
взгляд немигающий.
И как всегда
я к нему не успел
проникнуться любовью,
а жить ему оставалось недолго —
день или два.
Рык собачий
и вместо кота —
рваное тело,
и брызги
крови на талом снегу.
Мертвое тело.
Душа отлетела.
И, по просьбе
моей,
в могилу он лег
рядом с другом моим
навек.
А сегодня в дожде
и ветре,
заботах и мыслях
я его полюбил,
но уже там, в могиле.
Так устроены мы:
в беге суетном мира
осознать и включить
мысли радости встречи
не можем в срок.
Еще один
печальный
жизни моей урок.

28.01.09

Январь уходит
по дорогам санным, снежным,
январь уходит —
все как прежде.

С ветром зимним,
часто северным, колючим,
как под парусом надутым,
идет на смену новый
месяц,
и дни за днями,
то грусть, то песни
тут и там...

А я в заснеженных лесах
впитываю радость
красоты от Бога,
и жизнь светлеет
понемногу.

А завтра снова новый снег,
снег чистый, белый,
скатертью
на всех.

Сегодня в город я иду
пустой дорогой,
лишь ветер-друг
и солнца проблеск
понемногу.

29.01.09

В квітучий сад
весна зайшла,
і пелюстки квітів
вітер несе,
мов сніг зимою.
На подвір'ї
квартет солов'їний,
мати в садку
готує вечерю,
відблиск полум'я
на обличчі і руках.
Небо мовби димом
вкрите,
цвітуть сади,
і серед блакиті,
зелені воскреслих трав —
посмішка мами.
Скоро поїду
туди, де нема садів,
а тільки ліс.
Мені б лишитись
тут хотілось,
але мені в світі іти...
Невільні ми,
і робимо не те,
що хочемо,
а те, куди нас доля
поведе.
Цвітуть сади.
Я ще побачу їх.
Та вже без мами —
я сам-один на цій землі.

29.01.09

Давос и пафос,
форумы и ланчи,
икра и вареники,
ушлые парни,
лыжи и сани,
витиеватые речи
о спасении мира,
какие-то инвестиции,
которые не вышли
по причине обстановки
политической и экономической...

Икра и вареники.
Лица мефистофельские,
поведение тихое —
деньги не любят шума,
и нет для богатых бума,
у них — весь мир,
что еще нужно?

Лапша на уши
и наши души:
какой-то процент
получил патент,
и тоже правит
в своих границах.
Остальные — лишние.

На грязных улицах
лыжи и сани,
тела в основном дряблые,
мозги — не лучше,
просто — это супергвардия,
которая давно,
лет тысячу,
положила глаз
и смогла —
остальные не успели.
Им не хватит.

Богатства мало —
желающих много.
Форумы и пафос,
ленчи и ланчи,
ушлые глазастые парни.

30.01.09

Громким эхом
в полях надежды
мои слова,
но я не тот, что прежде,
и голова,
утратив свежесть
и мыслей бег, —
не та.

В полях надежды —
я человек,
пришел вернуть
себя к себе,
избавить сердце
от груза лет,
лжи и обмана,
скандалов, склок.

В полях надежды
стоит лесок
зеленый вечно,
и весь в цвету
Я, бросив все,
к нему иду.

Он рядом,
близок,
но сложен путь,
и не по мне —

грязи
тащу вагон.

И поделом...

В поля надежды
идти, идти.

Но все непросто —
мир, как змея,
тянет к себе...

Ушли мечты,
осталось эхо,
и степь пустая
со всех сторон.

01.02.09

Синие горы,
и синий лес
под синим небом,
а на них снег
белый,
как шапки облаков.
В долинах тоже
снега,
и кров мой снегом
засыпан весь.
Синий лес
от мороза
весь звенит и поет.
Непогода —
ветер и лед,
дороги скрылись.
До весны
осталось мало.
И вот ручьи,
и грусть потери снега —
пришла весна.
Птицы летят,
иди, встречай.
Мне бы к птицам:
вернулись не все —
в дороге дальней,
остались, братья,
навсегда.
А мы — дожили.
Весна,
и звон, и крики птичьих стай,
и шелест трав,
и лес тот синий,
и горы
всегда со мной —
мир прекрасен,
я им живу.

Зима, весна —
наяву
чудо за чудом.
Чудо — жизнь,
горы
и птичий крик.

01.02.09

Земля в огне и взрывах мощных,
пожары, дым,
танки и пушки,
злые солдаты —
Восток горит.
Годами
мира нет на земле,
кумиром
стал террорист —
с бомбами тело.
Взрыв —
и жизнь
улетела,
тело исчезло,
а с ним — другие
и нет надежды...
Мир обезумел —
кто-то задумал
это все вместе
с другими
шквалами
на головы несчастных:
то кризис денег,
то голод, то война.
А где-то там
горят гирлянды,
брызги шампанских
сверхмодных вин,
фраки и дамы,
цветет жасмин,
в нем поцелуи
блудливых тел.
А здесь — пожары,
и не у дел
страны и люди,
дымище ввысь.
Мир обезумел.
Копейка жизнь.

02.01.09

Солнце с рассветом,
вместе с ним ветер.
Но мне не летать
под ним или с ним,
мне судьба — кровать,
цепь на ноге,
метров до ста, —
тяжелый вес...
Без молотка
снять ее пробовал,
но не далась.
Молоток не достать.
Мне дано только то,
чем писать,
я пишу, и смотрю
с сожаленьем в окно,
я перешел все границы,
мысли мои во Вселенной давно,
я пережил ту тоску и каторгу
прежде, чем мне суждено
от них пострадать.
Счастье внутри —
мне его больше не нужно искать.

01.02.09

С востока ветер,
колючий, острый.
Мороз, ночь,
мир жестокий.
Город пустой.
Люди все дома,
все — в телевизор,
и с валидолом,
от страха дебрей
поводырей заблудших.
Эмоций горы —
о том, что будет:
стоят заводы,
закрыты шахты,
люди голодны,
а власть вся в масти.
Мэр обещает зарплату
выдать
из своего кармана,
его помощник
юный клерик,
тоже поможет
пощекотать нервы
морским волкам
в плену пиратов —
заплатить выкуп
из своих амбаров.
Сильный ветер,
колючий, острый,
эфир тоже
ужасы гонит
ночью зимней:
тарифы в глаз
за жизнь, за воду, тепло и газ,
всех бултыхает,
и рвет страну,
и мир во мраке дыма...

Спасенья нет.
Не видно даже —
сам черт рысачит
в головах наших.

02.02.09

Мэр страны —
парень клевый,
собрал малину
и денег торбу,
в дурку играет,
кайфует при этом:
зарплату платит
то тем, то этим,
словами в общем,
но говорит, мол,
сам заплатит.
То вдруг идея:
деньги с кладбищ,
то дефицит водки,
шампуня, вил...
Мэр промахнулся,
и топоры купил,
для тех, кто выйдет
весной с протестом.
И негр, как тот
Гапон,
с портретом
мэра родного,
пойдут куда-то
люди с ним,
и вдруг солдаты,
команда : “Фас!”
Кровь с асфальта
смоют ночью,
а мэру — орден,
на жопу, правда, —
такая мода.
Все свихнулось тут,
сорвалось, сдохло —
страна родная
и ее шобла.

Время пришло,
и время вышло —
бери их всех
рукой за дышло,
веди туда,
откуда их
учили секты.
Глаза без счастья,
сердца без искры,
и только деньги —
бабло и золото, —
их счастье, радость,
и их богатство.

02.02.09

Тайно, в потемках,
или при свечках мрачных,
за дверью железной,
сидят, склонившись,
говорят тихо
вершители судеб
нашего мира,
красот безмерных,
Божьей отрады,
мира мечты
в мир заразы.
Шепотом тихим
присяги тайной
орденов жутких,
превращают взмахом
руки костлявой,
и все хотят
и все рвутся,
туда, за дверь,
где мрака мудрость.
И это тянет,
как плод запретный.
Им ничто
ритм столетий:
одни уйдут,
придут другие.
И всюду — гроб,
и всюду — меч.
Правители мира
ушли от Бога,
примкнув туда,
где страх
и серный запах,
и мрак, и мрак...
Правители мира,
(они так считают),
но мир их
нас не занимает.

Наш мир — многоликий
под солнцем,
в зеленых травах,
дубравах тихих,
где птичий гомон,
поцелуи любимой,
и нас не тронет
там мрак и ужас.
То все не нам
в мире подлунном.

01.02.09

Совесьть спит,
или мне так кажется
сейчас? Я читал, что
совесьть, то мерило,
без которого нельзя.
Совесьть явно спит.
Мне все равно,
все дозволено,
все могу,
и, как в кино:
хочу зайду,
хочу выйду,
и забуду свет экрана —
мысли новые займут.
Не в первый раз.
Вокруг
какой-то дикий пляс,
длинные волосы
вертит ветер,
и коньяк.
Все умны
и речи длинные —
спора нет —
просто пьяные
и безразличные.
В который раз
горят костры,
как в средние века —
чума,
а совесьть спит.
А совесьть спит,
и, может, она вовсе не моя?

Будить ее я пробовал
во всю,
но время попусту
потратил...
Слова, что ей я говорил,
она не слышит,
или не хочет...

02.02.09

Власть от люмпенов,
власть от крупного капитала,
власть от орденов и мафии,
власть от орала,
власть от националистов...

Страна заигралась,
страна разорвалась,
страна задыхается —
столько всего,
все разлагается —
вонь и гнилье...

Покой удалился
в пещеры и горы,
а нам всё снится
бык, тореадоры —
другая культура,
и много богатства...

Мы так долбанулись,
и так нам несладко:
нарыв-то все зреет,
а власть сатанеет —
Тарифы в подъеме
остальное на спаде.

Зима уж проходит,
и будет скоро жарко —
то ли от солнца,
то ли от драки.

Немного осталось
и нам,
и этой несчастной,
но очень богатой,
власти зажратой.

02.02.09

Мария — девочка
с глазами голубыми
хитрого зайчишки
из сказки детства,
волосы переспевшей
ржи или пшеницы,
выгоревших стеблей
на солнце Украины.
Маша — хитрый зайчик, —
покой нам только снится:
то поем ей песни,
то нужно кормиться,
то прогулки в парке,
игры на диване...
Девочка Мария
тихо подрастает:
Первый зуб,
уже четыре —
заяц, в чистом виде,
или хомяк.
На поле лета
наша Мария —
дочь поэта.

02.02.09

Редкие снежинки
на землю серую,
на деревья такие же,
мхом покрытые.
День начинается
красотой природы.
Люд умиляется.
может быть, этот снег
разойдется,
покроет землю,
зима начнется.
Вся с чистого, белого, нового.
Старый растаял,
исчезли сугробы,
пропали морозы,
река лед спустила
в низовья к морю
и заискрилась
в переливах солнца.
Смотрю в окошко
из автомобиля —
машины, машины...
Другое чудо
рук человеческих —
мой игрушечный
проект столетия.
Река несется вниз
без остановки.
Редкие снежинки —
зиме бы сноровки...

02.02.09

Во время разговора по телефону
я вдруг почувствовал,
что вместо голоса из трубки
в мою голову
резко вошел деревянный кол.
Мышцы тела в спазмах,
и стало ясно, что я готов!
Но через минуту-две
меня чуть отпустило.
Я привык,
и стал так жить.
Внешне ничего не видно,
внутри все как обычно,
и только экстрасенсы,
урологи и женщины
меня поймут.
Я, как звезда,
залившая полмира.
Китайский хунвейбин
не стал кумиром,
а я достиг высот,
и все — в мгновение.
Вот этот кол.
И понимаю я теперь
своих коллег
по телевизору, когда они
кто с колом, а кто нет.
Мы — общество особое,
об этом мы молчим,
но тянем друг друга
вверх
во власть, культуру,
и говорим:
— Мы избранные и навсегда!
Вся власть страны —
одна звезда.

03.02.09

Я помню удар тот внезапный:
сознание штопором
умчалось вниз,
и как зубы шакала
в тело мое впились.
Казалось: на миг,
на мгновенье,
затем — на день или два.
Шли месяцы, недели,
за ними — года,
надежда всегда оставалась,
она — мне мать и судьба.
Но зубы,
зубы шакала,
остались на всю мою жизнь
навсегда.
Сегодня всю ночь
белый снег
в свете желтом
фонарей бульварных.
Мир наполнился
тихой тайной небес,
а я от него страдаю.
Завтра — солнца лучи
яркие
и небеса голубые,
к ним мне тоже
нужно дойти
через боль головную.
Слышишь,
друг,
не гневи
Владыку земли и неба,
ты живи,
слышишь, живи,
упивайся каждым мгновеньем!

Хлеба
мало нужно тебе,
больше счастья душе и сердцу,
не гневи небеса,
живи
и люби свою, друг, надежду.

04.02.09

Лесть, лесть
для ублажения нужного
нам где-то и чем-то,
и жир какой-то или крем
словесный для смазки отношений:
— Он гений! —
орём на улицах и площадях.
— Он мудрый!
На него надежда всей страны!
Он образован и умен!
И мы растим гордыню
человеку,
себя холуйством опускаем
в реку с водой нечистой
скажем, сток из производства
оборудования трубочистов.
Но вот мы взяли все,
что было нужно:
деньги, должность, тело,
и как откат за холуйство
лет
и собственной ущербности
ответ —
взрыв гнева!
И мы уже всё говорим
наоборот
на улицах всех и площадях:
мол, дурак
и трус,
и бил жену,
и изменял ей.
И рвет нас злость:
себя самих унизив
мы треплем имя;
партбилет — на мусор!
Года летят,

как снег в красивый день
зимы,
и вдруг —
опять огорчены:
он снова власть взял,
трон,
и снова тянет нас туда,
где он.
А нас не слышит
и не видит друг,
еще и мстит.
Сложна ведь жизнь...
Но это мы все усложнили.
Жизнь — проста:
Тебя родили,
живи как птица
в небе синем,
живи как дерево
и листья, иней —
твоя одежда.
Живи, и славь Творца,
не унижай себя,
других.
Терпение, любовь и скромность
и есть та, настоящая,
наполненная счастьем жизнь.
Запомни.

05.02.09

Любовь наша большая,
как горы,
любовь наша без края,
как море,
любовь наша —
штиль и буря,
играет чувствами
взрывов и притяжений,
эмоций и наслаждений,
фантазий ярких,
воспоминаний теплых.
Озеро, сосны,
песок горячий,
солнце в зените,
все им залито,
его лучами
глаза закрыты.
Мы заплываем все дальше,
в воде прозрачной.
Тела скользят
друг к другу
и поцелуям.
В ветре, как в танце,
небо.
Волна любви
на гребне бури.

06.02.09

Переворачивая страницы
книги забытой,
желтые, старые,
лет им — без памяти —
сто или двести,
я все читаю
о мире.
И тесно мыслям моим
в голове
от слов этих.
Мир изумлял,
изумлял,
не заметил
много кто
странностей и его недоделок:
мир то бурлил,
то лежал, как без тела,
больной и несчастный,
потом восставал
из пепла и грязи,
пожарищ войны.
Чумы и заразы
хватало ему,
но было и блеска
много в дыму,
бриллиантов веских,
но за ними все то же —
клозеты, дерьмо.
То вкривь,
то по доскам
Гробов старых, новых,
над нами трава,
деревья
и дома.
Все тихо.
Потом — снова больно.

Мир выгибался, блевал,
улыбался...
Волосы гладки,
новый костюм,
но всегда все — изуверски,
и грязно, и все на надежду,
и все на потом.
Минуты проблесков
веры и счастья,
за ними все хуже:
потом — не вчера.
И только вера в небо,
в завтра,
держала его на плаву.
Остальное — неправда:
ложь и расчеты,
холодная серость,
пуля и нож.
Каждому мало
насытить нас
этим...
Как его?
Золотом.
Нет! Невозможно.
Только темницей,
только мечом —
остального всегда
не хватит,
не будет.
Все вкривь
и все накось...
В красивых мундирах —
гвардейцы
величества его,
подлеца.

06.02.09

В угол загнанный
обстоятельствами
сам,
своей мягкостью
прежде к себе,
оберегая родного
от жестких решений
и таких же приемов
в диалогах
и просто разговорах —
в результате
ты “лох”.
Что это такое?
Самая низкая ступенька
на лестнице
соца.
Но все условно.
Есть с чем сравнить:
вчера был министр,
сегодня от страха —
пулю в висок,
и гроб вон стоит...
Кто же есть “лох”?
И почему мы
считаем
мягкость характера
за дурость в миру?
Наглость была,
наглость есть,
процветает —
воспитанность не на плаву.
Воспитанность — труд.
По углям горящим,
под снегом, ветром,
дождем
идти,

оставаться собой,
не жаждать власти,
жить лишь душой,
добрым и мягким быть
всегда
и во всем.
“Лох” или просто блаженный
неважно.
Я ведь для Бога живу.

06.02.09

Слезы, слезы,
иногда сквозь смех,
и горе, горе, горе,
часто сквозь просвет
мнимого счастья
пополам с черным дымом,
который окутал
пространство.
Рубины,
цвет крови,
греют глаза
часто надолго.
Все относительно:
камень и слезы,
горе и смех.
Кого-то лишь тронет,
кто-то мимо бежал
не успел,
а кто-то застрял
на одном из не дел,
и мысли, и время
пришпилили
так, что ни взад ни вперед.
И жизнь так проходит.
И ищем виновных,
и тоже все время,
и тот же все бег
по кругу манежа,
по клетке — вниз, вверх.
Отсюда кровь, слезы,
отсюда виток,
тот, самый последний,
тот, жуткий весь, в страхе.
И ты полоумный
сосед по несчастью,
но вырваться нужно
всем без okazji:

время лови и миг
когда щель блеснет —
там солнце.

И камнем,
рубином,
топазом,
неважно,
лети!

Траектория
в случае этом
значений
не может иметь —
она управляема —
была б лишь
умножена
волей,
а не просто бегством.

06.02.09

Я бегу много лет
за кусочком своего счастья,
в ответ — огромное пространство,
а счастье — крупинки золота
в породе,
которой нужно
перевернуть тонны.
Вот такое счастье
в этом красивом мире:
его вдруг — море,
когда ты думаешь
о вихре снежном
в январе,
о голубой воде,
траве,
но мысли вдруг на
тело перешли
и, кажется, что мало нам еды,
одежды,
и дом наш не такой,
как прежде,
и сладости любви
не те, что были,
и грусть нам закрывает
небо,
ивы над водой
не так красивы,
и сердце тут же покой
теряет,
душа грубеет.
Вначале есть шанс
сбросить хандры
кандалы,
но втягивает нас
все дальше и дальше...

Рано
утром
солнце светит
и не греет душу
уже ушедшую
в нелегкий путь.
Время пролетит,
как молния в грозу,
и к концу
подходит жизнь,
ты ощущаешь страх
и крик в ночи
сквозь сон тяжелый.
И жуткими мы видим
горы,
небо хмурое,
река пугает глубиной.
А все, что собирали телу
в последний миг
окажется лишь только мишурой,
и времени уже
нет ни на что.
Последний вздох —
кому-то плохо,
а кому-то хорошо.

08.02.09

Дождь. Грязный асфальт.
Черный снег.
Мне не забыть этот день
вовек.
Отпевание души незнакомой
во храме,
и внезапная боль —
нервы мои сдались
Не выдержав долго
боль незнакомой души.
Жить так сложно...
Дождь по асфальту,
грязные лужи,
и черного снега остатки...
Зима.
В феврале
кто-то ушел безвозвратно,
и мне
оказалось быть здесь, рядом.
Храм в великолепии
золота крестов,
как награда, —
кто-то приходит,
кто-то уходит,
не возвращаясь.
Круг каждого, кто еще жив,
неуклонно сужается,
и мало,
так мало до боли
близких осталось.
Дождь, черный снег,
и грязный асфальт...
Мне о таком
очень грустном виде
и не мечталось.

Чья-то душа,
уходи с покоем
к Богу,
его все равно ты видишь.
До встречи мало осталось.

08.02.09

Черные деревья
в воде дождевой.
Капли воды свисают
с веток
над головой,
отрываясь падают вниз,
вместо них — другие...
Дождь, не сердись!
Твоя вода
смывает пыль
и грязь,
хоть еще рано
для февраля.
Сегодня вроде бы весна,
явилась с юга:
и щебет птиц
вокруг,
и снега чуть-чуть-чуть
растаяли сугробы,
ушли с ветром морозы.
Дождь.
Птицы мокрые,
не прячутся, летают.
И я здесь, в парке
зимне-весеннем,
не мечтаю.
Я — выжидаю:
первые ростки травы,
первые бутоны цветов,
детворы веселый крик...
Парк под баней водяной
привык,
но еще спит
и будет спать —
остались дни.

Уйдут они
весне навстречу,
и с ними я.
И время,
бег его,
опять я не замечу.

08.02.09

Можно ли мне
не думать о любви
твоей
милая женщина?
Поверь,
я — зверь,
я часто рык свой
проявляю, где хочу.
Что мне такт?
И что воспитанность?
Лечу
над бегом жизни,
над землей,
так низко-низко,
а порой
я отрываюсь туда,
в ту даль,
где наши души повстречались,
и печаль осталась
на земле.
Сплошное лето сердца
в феврале,
и, полусонный
от тумана и дождя,
я вновь оттаял
для тебя,
и для любви...
Прости.
Я неутомонный
и не исправим.
Ты слышишь крик,
там, в небесах?
Опять летим
в блаженстве памяти,
реальности сейчас:
ты с солнцем на западе,
а я в души снегах...

08.02.09

Белых акаций
белые гроздья...
Они остались
в мае далеком,
в том, сорок пятом,
навек остались,
и дождь нам, как слезы...
Меня пробивают
даты и даты —
рождение, смерть,
между ними: цвет белый
и потери.
Ушли они,
все нам оставив.
Белых акаций
белые гроздья...

09.02.09

Богатство застилает глаза,
мир внутренний
мгновенно
изменяя до нельзя:
свое, чужое —
всё равно.
Чужое вызывает зависть, злость,
желание присвоить
хоть чуть-чуть.
Инстинкты жизненные.
Грусть.
Из пещеры
с открытым ртом на тушу зверя —
кусок получше
и побольше,
дети
подождут
и подрастут,
а кто не вырастет —
продукт
другой,
полезный слой земле.
Наука для других:
Что? Как? И где?
Богатство, которым
ты владеешь лично,
несет тебя
над миром
выше, выше,
и кажется, что ты
уже весь там,
где тайны неба.
Господам то невдомек,
что мир — они
с суетой, игрой
и страхами в ночи.

Не спорю, есть и силачи,
но чаще в стаде
себе подобных,
с армией охраны подневольных,
что стиснув зубы,
завидуют ему,
в любой час
спрятаться готовы
за спину господина,
да и нож ему в спину.
Святые Библии слова:
не завидуй
да не на дом чужой,
да ни на жену чужую...

10.09.09

Сталь реки, гудящий мост,
от автомобилей смог.
В небе сером
перед бурей
пасмурно и хмуро.
Настроение природы
завладело нами тоже.
Завтра снег,
ночью морозы
вновь реку скуют.
Слезы зимнего дождя
плачущего донельзя
уйдут сегодня.
Завтра снег.
И мы все дружно
выйдем в город.
Город, друг наш,
ждет, заждался,
устал от призраков химерных
с транспарантами,
с пением,
много лет
его мордуют,
власть меняют,
и блефуют о заботе
всех.
Но на деле — ничего,
кроме вреда —
то дома
то не дома, —
кто решает? И зачем?
Но ломают —
потом бум
строительный и скорый,
потом кризис.

По коморам
все таскают,
и все прячут.
Город терпит.
Как иначе?
Он человеку отдан в руки:
власть песчинки
над ним, бурным,
святым, древним.
Человек и город:
вечный спор —
кто кого?
Кто созидает?
Кто — никто?
Завтра снег,
и, может, буря
с ветром,
вновь все в белом,
и сосульки льда на крышах...
А сейчас к нему я вышел,
вышел с трепетом в душе,
он мне самый
близкий город на земле.

10.02.09

Мысли ведут,
нелегко мне с ними:
горький рассвет,
крик журавлиный...
Надежду дает
взгляд мой в небо,
там заоблачный дом
друзей моих прежних,
которые ушли
в мир вечный.
Крик журавлей
дает мне надежду,
а мысли ведут
куда мне не надо,
но я терпеливо
сношу их прилет:
что-то со мною
во что-то уйдет.
Куда? Я не знаю,
но все от небес:
те, что злобливы —
на сухой лес,
на топи болот,
во царство оврагов.
Мне их жалеть
не надо, не надо.
Идет ведь война
за души и святость,
за честность борьбы
и все мы — солдаты.
Мне нечем гордиться.
Я стоик не тот,
который бы мог
получиться...

Вздох сожалений,
и новый поток,
граница для мнений —
разный исток.
Открыта! Открыта!
Радость надежды
свети,
как и прежде.

10.02.09

У меня бывают дни трудные,
у меня бывают часы не лучшие,
я не жалею себя,
лишь иногда,
когда приходит терпению конец,
и нечем сил себе добавить
кроме срыва раздражения
на чём то.

Но это временно:
просто горечь и обида
раздражения,
и видно
себя изнутри.

Я не один на пути.
Страданий — океаны:
мои невинные забавы —
детские игры
среди взрослых людей.

Я один — молод:
меня не поймет
сосед,
меня не поймет начальник —
зона закрыта.

Она как памятник
прошлым пережиткам.
Я вижу мир искривленным
и жутким,
страсти накаляются часто
из-за выгоды.

Жизнь все же меняется,
и для многих, без обиды,
но советы,
съезды, чепуха партийная,
лидеры вроде бы рвут глотки —
на самом деле
это салфетки
под столом, как в ресторане.
Но это тоже скорби.

И их немало.
Все складывается в тяжелый
груз,
и ты его тащишь.
Эй, там! Не забудь!
Пришло время откусить пряник.

10.02.09

Эй, мальчик,
жизнь не так выглядит!
Когда вырастаешь,
часто хочется взять
в руки автомат,
и не раз из него
выстрелить.
Часто радость наполняет
тело и сердце юное,
часто счастье переливается
через край.
Но все проходит.
Время-изверг
тебя уносит,
и жизнь вокруг бурлит,
но уже другими,
прошедшими, эмоциями.
Театр тот же,
сцена та же,
но ты не тот, что прежде:
ранние седины,
и женщины радуют чужие,
да еще и в потемках;
тяжело бывает
без бутылки
жидкости горькой —
она дает силы,
и над всеми кажется
поднимает,
все женщины вроде бы
красивые,
и только тебе улыбаются.
Утром рассеяно
кофе и чай крепкий,
душ контрастный —
и снова ты — конфетка.
Но ненадолго.

Что-то все равно бытие
отравит:
то жена отдалась соседу,
то дочь попробовала “травку”,
новые игры
властей и их прихвостней...
Цветут цветы, май.
А ты один, вот,
стоишь в лесу,
сжав кулаки.
Мальчик! Ты — мужчина!
Я — уже в мире ином,
не спеши сюда...
Совет мой:
вдохни полной грудью
ландыши и траву-сон,
упади лицом вниз
и забудь обо всем.
Не нужен автомат
и гранаты,
пошли всех вон,
и начни все обратно
с этой ступеньки,
собравшись из силами.
Жизнь прекрасна! —
говорю тебе из могилы.

10.02.09

Вы спросите у коммуниста,
миллионера Ткаченка:
он получил с нашей страны
проценты
за то, что ему дали дышло
от совдепии махровой
до свободы либеральной капитала —
что из этого вышло?
Коммунисты верхушки
партийной
стали миллионерами,
не в гривнах.
А страна хромать стала
немного:
на голову и одну ногу.
Её лечат сейчас
кому хочется —
партийцы всех мастей, —
но не очень-то
получается
грех исправить
да и подлость тоже.
Страна хромает,
и клокочет
от злости и боли,
но все терпит
неправду на себе,
бедной,
дармоедов всех мастей
и аферщиков,
несет она свой крест.
Но недолго ей
маяться, страдать,
и деградировать.

Она мать,
она добра,
она терпит,
еще силы есть
исправиться нам, подлецам,
шанс за шансом.
Но мы кружимся
в своем диком танце,
и придет рассвет
красный-красный,
и увидят все
день тот ясный,
но для многих он
последним станет:
оденут кандалы
многим нам —
и на псарню,
где псами служить будут
люди,
те, кто продал страну,
как Иуда.
Остальным,
кто праведен, чист,
и боролся —
свободу, любовь
и достоинство.

11.02.09

Я снова увидел тебя
в ночи темной.
В кромке дождя
был дом наш,
мы снова от счастья
кружились сердцами:
зимняя ночь,
мелкий дождь,
а нам — радость
в который раз,
и так долго.
Милый друг,
я ценю тебя, и твой
голос
со мной, и во мне
непосредственность детская
с вечности.
Ты мой друг, и мой
господин
до бесконечности.

11.02.09

Любовь моя трепетная,
чувства мои бесконечные
к тебе, единственной
женщине.
Сильный дождь,
и большие хлопья снега
падают, тают
беспечно,
в лужах воды
прибавляется.
Фонари на столбах качаются,
блеклым желтым светом,
еле заметным
в ночи темной.
Мне бы улететь куда-нибудь
с тобою
в края вечно теплые,
но ты — лишь в мечтах моих.
На подоконнике цветы
зацвели к весне,
а может быть
просто так...
А ты не приходишь
в жизнь мою,
я уже не горюю о тебе...
Мокрый снег,
свет тусклый, желтый,
ходят люди под зонтами,
и все равно промокнул.
Я стою у окна,
но скоро тоже стану
прохожим,
без зонта,
под дождем холодным.

Любовь моя трепетная,
чувства мои бесконечные,
но не постоянные,
как и эти
времена года,
переменчивы.
Любовь земная,
разочарования.
Быстро,
как падающий метеорит
сверкнет в небе,
и сник
в темноте неба
свет.
Так и жизнь:
романтика, радость встреч
сменяется покоем
и равновесием.
Крупные редкие снежинки...
Ночь...
Судьбы человеческие...

13.02.09

Либерализм в далеком
веке девятнадцатом
открыл свое забрало.
Что-то начали мычать —
от царей вроде бы
все устали:
деспотия, тирания,
журналы и газеты,
книги, аристократия
пошли в народ
учить и радеть за него.
Из искры
и пожар раздули,
империи падали
как груши-дули
под осень в огородах,
вместо них —
либералы,
ненадолго.
Демократия оказалась
бардаком,
чиновничьим грабством,
чердаком —
все нездоровы вышли,
и рядом с ними —
коммунисты,
товарищ Сталин,
и по списку...
И вновь — слеза,
и на арене —
— Йо! —
ефрейтор,
Адольф,
социк,
Муссолини
и так далее.
По всей Европе сотворили
диктаторов,
умных —

раз и два, —
остальные — дрова,
чурбаны.
И снова из искры
пламя,
и снова людям зная,
и неизвестные могилы —
хорошо тогда все
заплатили...
И снова либералы
при параде.
Европа радовалась
власти,
но все как прежде
продавалось,
и все как прежде
покупалось —
должности, лицензии...
Шакалы —
вся чиновничья йо-рать
гребла, рвала
народ свой вспять.
Европа, вроде бы,
в цветах,
но тлен коррупции...
И строй
либерализма приболел,
а мы этот больной,
несчастный изувер
себе внедрили.
Разорили нас,
похоронили.
Разочаровались
все во всем,
но власть имела всех
жлобов,
и ей все как-то
наплевать...

Идет игра:
концерт на пять
(я партии ввиду имею) —
пугают коммунистами.
На деле —
все продается,
все дрова,
социалисты тоже.
Им лафа:
деньги, бабы,
списки власти,
дворцы, автомобили,
сласти.
А что народ?
А он издох.
Все превратились
в приживал
и содержанок.
Я тоже девушку
имел,
но бабок не хватило —
и в отлет.
Сейчас романтик.
Дивный род
человеческий
земной:
сейчас все о руке
и кулаке мечтает,
и им стучат козлы
в рекламе.
Кулак силен.
И все сначала:
ярмо все то же,
те же лица,
скорее, рожи —
не истребится
бордель неправды
на земле,

но падать духом,
нет,
не нужно —
живите,
наслаждайтесь счастьем,
но за пазухой,
на всякий случай,
держите
топор с обухом.

14.02.09

В глубину неизвестных
ощущений,
от склок, ругни,
деградомнений;
ночью темной, через
небосвод чужих
и тайных сновидений,
для собственных,
кривых, удовлетворений
сермяжных чувств
и тесной воли, —
а ей-то тоже на просторы
удила рвет, —
и рвет струну
на сердце в темпе
бешеной погони чувств,
извечных, скрытых
в глубине
души своей.
А там, в смоле, —
спрессованное прошлое
лежит,
а светлое, что было —
просто точкой
где-то в сердце,
и найти его не просто
в мареве небес ночных,
где даже звезды спрятаны
за мраком.
то ли на дождь,
то ли к грозе
сердце стучит.
Я сам себе
сказал бы правду,
но стыдно мне...
А что же завтра?
В глубины мерзкие
полет.

Зачем мне сон чужой?
Зачем чужие мысли?
Я сам стою
напротив вышки,
откуда может появиться
свет,
когда бежать я захочу
от этой доли.
Но смысл ли в этом?
Что нам воля?
Здесь о ней все
говорят,
а делают наоборот, не так,
как чувствует та точка
в сердце.
А я, спиной прижавшись
к стенке,
глазами в небо,
думаю, не сплю,
а просто так —
чуть-чуть кошмарю.
Остальное — в никуда
бег лукавый.

15.02.09

В городе этом тужом...

Тихий вечер в парке зимнем,
на скамейке два мужчины
отдыхают.
День особый:
службы правят
в храмах
Сретение Господа, Христа.
Вдруг — крик, мат,
и драка вмиг,
бутылки вместо оружия...
Ели плачут в день сухой,
слезы с елей...
Бог со мной.
И я ушел
от ужаса
времени смурного.
Больничка белая —
для психики больного
города,
для всех, —
здоровых нет:
что президент,
что просто клерк.
Церковь, —
— молчу, стиснув зубы, —
орды сект,
и в них народ
наш славянский...
Идиот,
не знаю кто?
Жаль мне всех.
Себя не жаль.
Я ведь сильный:
сердце
выдержит весь этот бедлам.

Боже, снизойди к нам,
бедным —
мы в печали.
Не замедли.
Мы устали.

15.02.09

Цинизм человеческих отношений —
у их истоков стоят деньги.
Именно, стоят,
остальное может лежать,
но стоящие ассигнации —
в глазах и умах многих.
Люди, как в прострации:
деньги, деньги, деньги! —
врем, фантазируем,
убиваем.
Вчера был друг,
сегодня — памятник.
Нож в сердце,
чтобы присвоить их, любимых,
в пачках в сейфах,
или в сумках в автомобилях.
Место сенатора — продается,
место министра тоже,
удостоверение водителя —
недорого,
звание профессора,
если ими ученый совет
удобрено — извольте!
Вот и достиг цели:
деньги, деньги, деньги!
Потом — походы к косметологам,
массажистам и сексопатологам:
денег много,
но не тянет тело —
подиздохло, одряхлело
в погоне за ними.
Власть, как в магазине
при дефиците во время советское,
ногами в одно место,
даже если мэр ты.
Пасторы, дилеры
в ряду одном —
и тем и другим
нужно много.

Но потом
играет траурная музыка
у ворот —
уже ничего не нужно:
еще один
финспринтер подох.

16.02.09

Дует промозглый
ветер холодный,
руками колючими
по телу скользит,
все закрывает,
езде задувает —
ветер с севера.
Мне бы дожить,
мне бы доехать
лошадкой усталой
до дома на краю степи.
Ветер холодный,
колючий, упрямый,
такой же, как я:
с целью, без цели,
но не могу у окошка
сидеть.
Казнюсь: вот вам весна
на пороге —
жди, не спеши, —
все придет.
Но в день холодный,
промозглый, морозный,
я к девушке милой
на краю степи,
если бы нужно
прошел бы полмира,
и все равно бы дошел
к милой, любимой.
Лошадь устала.
И всадник ее
рядом идет.

16.02.09

Джонсон готовит восстание
в городе.
Средства собрал и стволы —
парни-рубахи
дилеры модные,
немножко писателей
и легкой шпаны,
инструкции, видео.
Встречи
готовили
очень ответственно.
За ними — Донбасс,
сам Профессор с Ахметкой
поспорили:
даст Джонсон жару
или не даст.
И вот час “х”.
Все на пределе,
сигналы ракетой
типа “воздух-земля”,
и кто бы подумал,
что тут же и вклеили
“Майбах” космического
короля —
взрывы и пламень,
вода и пожарные
отряды с оружием наперевес.
Впереди — два писателя,
очень умеренно
компас несли в руках;
карта Киева
с подсветкой и стрелками:
главпочтамт и вокзал,
дворцы чиновников,
и галереи —
все под контролем ребят.

Но те, что с компасом,
выпили лишнего,
и потеряли его.
Повели толпу по
часам давнишним,
подошли к метро,
сели в вагоны,
и двинулись дальше.
На Оболонь их леший занес,
а время — час ночи,
подземка закрылась.
Задницей вякнул переворот.
Пили, гуляли,
меняли оружие,
братались с ментами,
и так
утром Джонсон
скрылся лужами
в ближайшем лесу
на бобах —
деньги спустили.
Капитализм дальше идёт,
а Джонсон пишет
планы восстания,
аккурат в новый,
еще неизвестный год.

16.02.09

Мы ругаем время,
мы ругаем власть,
уже давно,
и нам это всласть.
Сколько себя помню —
власть народ ненавидел.
С приходом капитализма
началась эйфория:
все восторгались
жизнью запада;
интервью из США,
особенно у богатых,
брали и передавали,
немножко украшали.
А мы визжали и мечтали
о жизни такой,
и закатив рукава
бросились в пучину.
Труд и труд
украшает мужчину,
женщину тоже,
но все же дороже.
А в это время власть
сбивалась в стаю
жестокую, хищную,
кровавую:
убийства, отрезанные головы,
и все под гребенку,
все — себе,
остальным — решетку,
в любой момент,
в любое время.
Законы написаны так,
что жить и исполнять их невозможно:
все на крючке,
все на мушке ствола.

Меч в руке
чиновника от герба
власти нашей.
В результате —
снова ненависть,
и борьба.
Было все в истории новейшей,
казалось сбросили путы,
но вместо них
новые гвардейцы
его блага власти
народной —
демократия встала.
Стул холодный,
взгляд ласковый,
но хитрый, коварный —
потоки ненависти
на власть и время.
Время — свято,
оно — наше,
с него — жизнь
людей складывается;
время не подлежит проклятию
ибо Бог дал его.
Все остальное —
строй, идеологии, —
меняются быстро.
Земля — не рай,
здесь все призрачно.
Зло не поможет,
ненависть тоже.
Принимайте мир
природы
душой, если можно.
Мир людей и властных тронов
оставьте на волю Бога,
ибо век их недолог.

Сегодня идет снег,
вечер изумительно прекрасный.
Я между зимними
деревьями
целую женщину —
она необычная.
Я радуюсь минутам сегодняшним
и мгновениям завтрашним —
жизнь прекрасная,
и я сам власть себе.

16.02.09

Густой снег кружится
и падает,
земля стала белым покрывалом:
деревья, дома и люди
в снегу,
и вьюга
кружится...
Город стал белой птицей,
огромной, живой.
в этой круговерти
кажется
в любой момент
все полетит как снег,
но вверх только.
Кружится Земля,
все в движении.
Прекрасный день
еще раз
подарил мне Бог,
и я понимаю
ценность подарка.
Я принимаю
день этот с любовью,
молитвой,
я закрылся душой
ото всех, кто может
обидеть,
оторвать от мирозерцания,
втянуть в суету дрызг.
Не понимаю вас.
Сам не праведник,
но дорожу жизнью,
и всем советую.
Сейчас ухожу в этот снег —
мне бы век еще...

17.02.09

Ни личная оскорбленность,
ни неудовлетворение жизнью,
ни оскорбления близких,
ни уколы мира
не приведут меня к Тебе,
мой Бог, Христос, —
к Тебе приду с любовью.
К Тебе, и всем,
кто рядом и далеко.
К Тебе приду с любовью,
но это нелегко.
Легко любить Тебя
словами,
но созидать, растить
Любовь с душе своей...
Отметка,
где?
Начало зерна проросшего,
и плод когда?
И дерево любви?
Прости меня, прости,
за столько лет
лишь на словах
я любил Тебя, людей.
И вдруг
меня кольнуло:
уходит все,
и та любовь с души.
Во всеоружии
ненависть и злость.
Слова,
которые порочны
от начала до конца.
Терпение, любовь —
тяжелый труд.

К Тебе приду,
не убегая от мира,
к Тебе приду счастливым,
молчаливым.
Прощать мне никого не нужно.
Мне — бы полюбить,
взрастив зерно,
и душу свою
вернуть в детство.
Как мне успеть?
Дни мои
уходят, улетают,
время близко,
время тает,
а я все тот же.
Помоги мне,
умоляю!

17.02.09

Потоки густого снега
несутся ветром,
падают на землю
и тают.
В сумерках дня
несутся автомобили по мосту,
и снег напротив густой,
стеной,
и ощущение, что автомобили
пробивают себе тоннели
в снежной завесе.
Игра огней,
внизу река седая.
Снег уходящей зимы,
последние всплески ненастья,
радость созерцания снега с неба —
моя победа над унынием, печалью.
На снегу — мир души созерцаю.
И твой звонок,
как из глуши, издалека:
какое счастье —
опять моя.
Уже не навсегда.
Лишь иногда —
звонки и встречи...
Твоя звезда
ушла на новый круг Вселенной,
и мне уже не быть
с тобой.
На небосвод смотрю,
и вижу блеклый солнца
диск,
твои глаза...
Звони, звони!

Я не забыл —
ты не ушла,
это просто я остался —
мой путь скитальца,
но в сторону другую,
и одному —
горько...
Снег. Скоро ночь.
Ты не одна.
С тобою я.
Ты навсегда моя звезда.

18.02.09

Пушистый снег по колени.
Птицы редкой красоты
перелетают и садятся на ели.
Красные шишки
густо украсили красавицу,
птицы в ярких красках
куда-то улетают.
Снег пушистый
шапками на крышах домов,
снег пушистый
по городу ковром.
Тишина загородной природы...
Я смог бы здесь быть долго
вместе со своими мыслями
в покое Божественной
тишины,
которую уже не так
легко найти.
Мир индустриальный
усиливает свою мощь:
транспортные потоки,
и все новый и новый завод...
Птицы редкой красоты,
даже названия не знаю,
мир Божественной тишины...
Слава Богу,
что я здесь иногда бываю.

18.02.09

Белый снег,
белый снег...
В эту ночь
все желания исполнены твои —
скуку прочь.
Белый снег,
пламень белой свечи
на столе догорает в ночи.
Белый снег.
Скоро рассвет.
С серо-белого неба
снег.
Догорает свеча.
Мы не спали.
Вот и блеклый рассвет
нас встречает.
Свеча догорела,
снег засыпает
город и дом...
Любовь и в зиме
не сгорает.

18.02.09

Тотально украдена вся страна —
до дна,
реки, поля —
наша земля.
Кучка ублюдков-
слово мерзкое,
применять не хочется,
но подходит. Это —
гнев клокочет:
придумали кризис
финансовый,
не здесь,
а где-то на Уолл-Стрите.
Украли деньги —
дальше терпите!
Но мало верится
в терпение запредельное.
Вон мэр наш
за деньги
свозит несчастных
орать о счастье,
в любви ему признаваться,
славить его задницу.
Деньги — все за границей.
Тотальный грабеж
сродни нейтронной бомбе:
поглядите —
все на месте,
но не ваше,
люди давно многие
прежде времени — на кладбище.
Жаль власть сегодняшнюю,
среди них есть и нормальные,
но спасти положение
можно только кулаком каменным,
умноженным на мораль
и совесть чистую.

Таких почти нет —
вычистили.
Бедная земля,
и мы все уставшие —
дьявольская игра
без конца и края.

19.02.09

Вешать ярлыки людям —
грех и некрасиво,
но когда видишь
язык чей-то змеиный,
длинный,
жало его —
больно в сердце.
Но ему-то что?
Внешне респектабельный,
богато одетый,
но взгляд,
змеиный, сверху...
День испорченный,
день поломанный —
общение мерзости
по краю коллапса.
Не верится
здесь о счастье:
земля большая —
вокруг несчастья.

19.02.09

Я снова взлетаю над городом,
мой путь будет в час этот недолог.
Потерял я веру в мечту свою,
мир сурово отнесся
к любви моей.
Любовь и разум
совместимы ли?
Наверное, редко.
Любимая
боготворится нами,
но вдруг окрик:
— Дурак!
Шальная мысль:
вернуть назад все,
сделав вид,
что все бывает —
любовь так много покрывает.
И снова окрик
тебе вослед,
и счастья в жизни,
и желаний нет...
Желают что-то —
опять удар
копьем тяжелым
в который раз,
и тело — в ранах,
душа — в разрыв —
между любовью, что как нарыв
и злостью новой
меж стен глухих
непониманий.

19.02.09

Я не буду осуждать никого,
закушу удила, как конь,
и вперед!
Пусть десна натираются до крови,
зубы крошатся о металл —
ты лети!
Пена изо рта,
в мыле весь,
ты, как конь,
конь предан хозяину весь.
Мой хозяин —
Бог и душа.
Жизнь трудна.
Иногда страшна,
но потом наступают минуты
победы души,
жизнь превращается в рай —
дыши
полной грудью
на просторах земных.
Каждый дождь,
каждый снег,
как впервые,
Осознанный всплеск —
радость пьянит тебя.
Утром летним
рассвет,
первый луч —
и понимаешь:
ты уж без пут.
Жизнь — дар Божий.
Путь — трудный,
но счастьем наполнит
если будешь идти.

20.02.09

Под темными деревьями
в вечерней суете
по снегу белому
ты идешь ко мне.

Колючий жесткий ветер
обжигает нас.

Но глаза любимой
и мой уставший взгляд
превращают все вокруг
в зарево весны.

Милая,
ты взглядом светлым
греешь
все вокруг.

20.02.09

Ублюдочность
человеческих настроений,
подлость
человеческих отношений —
мир помогает им
злом и хитростью.
Реки,
реки человеческих флюидов
по просторам Вселенной
видно
вдоль чистых и светлых
потоков.
Реки человеческих флюидов,
как стоки заводов
заиленных,
мутных,
и запахов особых —
тлен человеческой мерзости.
Кто городит
это и уродует?
Кто хозяин?
— Пошел на фиг! —
в глазах читаешь,
а ты к ним с любовью...
Мир оголился,
и повернулся спиною
сам к себе и другому.
Все переплелось
и смешалось,
как в доме,
во времена не лучшие,
когда каждый
сам по себе,

и случай
взрывает атмосферу быта —
все хорошее забыто,
исчезли ум и мудрость,
как талая вода,
на час иль навсегда.
Реки бегут.
Реки не радуют.
Мир оголтелый —
в тебя снарядам.

20.02.09

Откуда приходят,
уходят куда
слова?
Чувство такое, что
рядом за тонкой стеною
звучат мелодии,
чеканятся ритмы
слов.
Их возможности почти
безграничны:
поднять,
убить
и унижить —
все могут слова.
Их сила —
неизмерима,
неоспорима,
я понял это давно,
с трепетом к ним
относиться стал.
Молчание лучше,
чем просто слова,
но если сказал
они должны нести
мир и любовь,
созидание,
иначе — гибель
себе
за то, что из тебя
нехорошее вышло.

21.02.09

Кризис финансовый
мир накрыл,
люди при власти
опять заскулил,
заныл.
Каждый день
уровень жизни
стал падать у людей,
тех, что работают
от зари до темна.
Но они молчат.
А эти сполна
спасают мир,
но сами все рвут
себе и себе,
все, что видят вокруг.
Радетели нации
ахматки и янеки,
борики, гномики
волкеры, школьники
громко стенают.
А я предлагаю
новый поход,
поход вместе с Богом
за правдой, моралью
и совестью сразу.
Все было уже в истории:
это — трупы и кровь
за счастье планеты,
куда ж было деть
тех, что зарвались?
Нет!
Убивать больше не надо.
Просто в карьеры:
на трудных работах
всем искупить грехи своим потом.
А кто же судья?

Судья — мир,
новые власти,
народ.
Ты пойми:
без Бога, морали
мы все здесь пропали!
Обманом и хитростью
строим мы мир наш.
Проклятье могилам нашим
на много столетий!
Бездомные дети,
шлюхи,
преступность
и водка —
на этом не выедем
мы никуда.
А спорить
о хлебе
в верхних палатах
хватит вам, господа.
Не верю богатым —
им всегда будет мало,
им всегда нужно много.
А жизнь миллионов
стоит на дороге —
кто поведет?
Где Моисей?
Молитесь и будет.
Молитесь все Богу.
А рев этот в шоу
о спасении нации?
Вначале верните
то, что украли,
потом на коленях
покайтесь при людях.
А так стенания ваши
это совесть Иуды.

21.02.09

Жажда славы обуревают нас.
Фотографирую себя,
как героя,
то в форме офицерского мента,
то пограничника,
или быка
с дубиной в руке,
нет, лучше, битой
или кастетом в кулаке.
Везде завешал
всё я этими картинами,
и сам я верю,
что я такой смазливый
хоть росту малого,
и часто ставлю табуретку,
чтобы быть похожим
на крутого денди.
А вчера Джонсон позвонил:
у него смелая идея —
продать квартиру мне
и сделать памятник
из чистой бронзы,
поставить на улице центральной,
ну, придворной,
собрав народ и
журналистов
за небольшую плату.
И в этом беспорядке
памятник останется
навсегда,
цветы будут носить
к нему столпы от власти
и молодожены
в свадьбы день,
на лимузинах подъезжать
и поклоняться,
а я буду в сторонке

созерцать
себя, известного,
за свои деньги
в такой великой славе.

21.02.09

Вошли мы в раж
с друзьями:
пошли смотреть стриптиз
мужской и женский сразу.
Головою вниз
нашел себя я утром
под столом,
друзья по номерам
ушли вдвоем.
Стрип-бар забит был
до отказа:
вино, табачный дым
и танцы, как с базара.
Веселая сегодня жизнь!
Веселое сегодня время!
Мне лучше поступить
в культуры ВУЗ
сорвать аплодисменты
там, на кафедре,
читая
стихи поэта Пушкина,
и Тая
меня обнимет,
поцелует,
профессора Дубров
и Светлозор
обдуют пыль с меня,
и враз мы там откроем
факультет стриптиза.
Я — декан.

И свет в конце тоннеля:
стриптиз для высшей власти —
фонареют!
По телевизору идет
правительственный прием.
На нем стриптиз.
Женщины — на столе,
мужчины — под столом.

21.02.09

Солнце в окно,
сквозь цветущих вишен ряд
белый дом,
белых лепестков
парад.
В порывах ветра теплого
колышутся ветви,
белый снег
весны...
Природы лик
открыт мне —
награда свыше
моя любовь к природе,
к рекам, озерам.
Эти вишни в ряд
в памяти моей стоят
и белый дом....
С России я летел
лучом —
увидеть белые дома...
Моя страна
в садах, цветах —
моя любовь.
Так много раз
любил я
умирая...
Любовь к природе
я пронес сквозь жизнь.
Держусь.
Уже предел.
Душе — дорога
с журавлями вверх.
...Остался вишен
белый цвет.

21.02.09

Твой голос тихий и спокойный,
с грустью пополам...
Ты мечтала покорить горы,
но твой план,
всего лишь план.
Удел судьбы —
тропа почти прямая
в толпе таких же, как и ты, людей,
и ты пока оставь грустить, родная...
Что есть те горы,
о которых каждый помечтал?
Жизнь, как сон,
и время суетно уходит.
Сейчас ты начинаешь понимать:
богатство, слава — горы?
Но это по-мирскому.
Как узнать ту цель,
которая для каждого в нас есть?
Живи ты просто,
упиваясь
лучами солнца,
и в любви,
которая в тебе.
Её не мало.
А грусть оставь.
Ее немного надо,
чтобы потом
прийти в страну
тех, настоящих, гор.

22.02.09

Снег по пояс, метель,
и мороз далеко за двадцать.
Ранним утром —
подъем!
А постель
кажется мамой родной
в восемнадцать,
и, оставив ее много раз
далеко до рассвета в России,
мы идём из казармы опять
закалять дух и тело.
И сила
приливает в молодые тела,
сон исчез,
и ему встретиться с нами не скоро.
Мы бежим.
Метель.
Где годы те
мои суровы?
Вот вернуть бы назад..
Герои
вырастали из мальчишек...

23.02.09

Белые лошади
по миру печали,
белые лошади без устали
дорогами мира,
табуном диких прерий,
белые лошади
небом белым,
в облаках и над ними...
Сон или вымысел?
Но я их там видел.
Без седоков.
Белые-белые
гривы роскошные,
ветром несомые,
в небо ушли
с мира печали.
Память земли
с собой они взяли,
оставив и здесь
подковы на счастье.
Праздник
найти ту подкову
в дом или в путь —
в мире печали
надежду вернуть.
И лошади снова
на землю идут,
скачут и греют души,
и, увидев табун,
не один прослезится.
Красоты неземной
белые лошади —
образ победы.
А вдруг победители
в город заедут?
Но время не то,
и войны не те:
в спину — нож.

И ружье —
киллер, банкиры —
не тем, так другим.
Война без совести, чести,
сдуру или из мести
за свои сверхпроблемы.
Спонсоры — днем,
террор — между делом.
Сегодня вот, храм
строим, лелеем,
завтра опять —
кредиты, проценты,
и кладбища площадь
растет, как пустыня...
Лошади белые,
дико, игриво,
по миру печали,
и в небо потом,
без страха, устали...
Может, это —
совести фантом?

23.02.09

Победителей судят за копейку,
за ножку индейки
семье судьи —
птица с пылу-жару
около электросамовара,
жир стекает по рукам и подбородку.
Победитель в клетке,
как в коробке,
ждет заседания судебного
молча.
В окне — киллер.
Живым победителю
выйти невозможно,
его жизнь — копейка.
Ставки сделаны
давно,
и не во времени то сделка —
время роли не играет,
просто все меняется.
Заливает
всех потоками нечисти,
шоу с красавицами,
тайные встречи с бизнесменами.
Судья, медленно потягиваясь,
вытирается салфеткой,
во рту сочно, приятно,
полоскать не хочется,
но дело государственное
требует.
Деньги потрачены.
Суд будет свирепым.

Победитель — тихий и скромный,
но судья внутри себя заводит,
накручивает,
договор он помнит:
“пятерка” или “десятка”,
неважно.
Победителю лучше
в зоне —
там не так опасно.

24.02.09

В траве зеленой
я лежу на лугу
влюбленный.
Надо мною небо
с облаками.
Они плывут, как в океане
корабли
белые.
И форма их:
то зверь,
то просто горы.
Руки любимой
ложатся на мое лицо,
глаза прикрыли.
Смотрю на солнце
сквозь щели пальцев,
солнце
просвечивает руки,
они как красно-золотые
муки
любви,
поцелуи
ласкают губы.
Ты первая
так сильно
окутала меня в нежной
радости свет.

24.02.09

Удар страсти, сравнимый
со взрывом,
когда дыхание
грудь сдавило.
Удар в голову —
не продохнуть:
дикая страсть
перед этим телом.
Столько лет
я мечтал об этом,
но граница греха
пройдена в мыслях.
Столько лет
в мечтах
о близком
общении,
женщина страсти,
я устоял
в бурях счастья.
Грех остается, за него
мне поквитаться —
счет неподъемный.
Но буду жить
в чистоте
стараться.
Столько лет
мечты и страсти
рвали душу
и сердце мне.
Я устоял
от греха смертного,
но грех остался
от мыслей вечных:
мужчина и женщина, —
что влечет?

Может не стоило
мне бороться,
отдаться сладости,
забыться?
Злости
от этого много упало бы
на меня
и моих наставников,
и моих наследников,
и стоящих рядом.
Страсть —
и женщина,
как награда,
бывает часто,
но это от неба.
Страсть и женщина —
бесовское наваждение
я прошел,
я испытал.
Хорошего мало.
Я не металл,
может быть, устоял,
но, думаю, нет.
Бог отстоял
меня от ужасов
мрака завтрашнего.
Ему благодарен.
Но мысли навязчивы...

24.02.09

Открытый диспут
власти
эры
периода перехода
с фи́га в херы:
Черноненко, Червононецкий,
тележка “кравчучка”,
и другие сэры —
члены обществ тайных
и известных, —
говорили о народе, власти
в Украине.
Диспут шел весь вечер,
и имел продолжение,
потом поставили свечи
по деньгам, кризисе,
и будущем режиме
военном,
который лет через сорок
назначат из НАТО, —
я имею в виду не блок,
а партию,
где солдаты
и матросы
будут члены:
Наташка вечно жива, как Ленин.
Диспуты, дискуссии
идут по всей стране сразу,
рейтинги, как органы,
то вверх, то падают.
Кризис финансовый
или грабеж на большой дороге —
как остановить?
Или лучше унести ноги,
но не вперед,
а в страны богатые?

Там тоже кризис,
но на мозги так не капают.
Здесь все, как зарвались,
с утра до вечера,
хоть все давно обворовались,
что уже на этапе
данном
синоним слову другому...
Где-то пропал рыжий,
может, ушел в запой,
а, может, учит
детей своих и внуков
языку главному,
который воцарится
после прихода Антихриста.
В ванной
лежит девушка по вызову,
нет, не в крови, —
живая,
это не фильм ужасов:
её просто вызвали
принять участие в диспуте
о будущем.
Она лениво говорит,
что все будет так,
как нужно.
Слово опять употреблять
пошное не буду:
вы догадались, что
эта девушка не мать будет.
Диспуты, дискуссии
и съезды,
зима идет к концу,
но морозы держат.
Я тоже рвусь куда-то
в это время, такое сложное,
может, надо было в солдаты?

Но я избалован жизнью
и ее удовольствиями:
телевизор выключу,
пять минут аутотренинга —
и все на какой-то период
забуду.

25.02.09

Тихий пруд,
берег в траве зеленой
и ивы
ветки наклонили вниз —
в воде их отображение.
Солнца
раскаленный в небе диск,
июльская жара.
Камыш у берега пруда,
а дальше — лилий белые
цветы.
Птиц оркестр
и плеск воды
у наших тел.
Мы отплываем в глубину
пруда,
над нами океан
и глубина его
в далекой синеве,
как бесконечность
мне, тебе...
И нежась в теплой
и живой воде,
плыву с тобою
робко прикасаясь
к бархатному телу,
но все недолго
в мире быстрых линий:
скоро мы выйдем из воды —
я такой счастливый,
счастлива ты.
Уеду я.
И будет снова лето,
и этот пруд, и ты...

Но не повторится все сначала...
Никак нельзя
привыкнуть,
и юность мне забыть...
Да и зачем?

26.02.09

Полыхает костер
у наших ног.
Летняя ночь.
Трещат дрова,
и пламя языками
вверх.
Над нами
небо в переливах света
Звезды мерцают.
Трещат дрова
в костре,
и мы сидим,
и мамы слушаем рассказы
о жизни старой —
ее рассказы
просятся на лист бумаги.
Летняя ночь...
Дочь,
ей лет десять,
и я еще, как юноша,
весел —
все, как вчера...
Сегодня мама — там,
где звезды,
и дочь давно
имеет свою дочь,
а я как древний
патриарх семьи...
Костер
давно уж не горит,
и время то давно
в пыли ушедших дней.

26.02.09

Дорога в горы под облаками,
внизу все горести, печали.
Да на равнине мои родные...
И не могу я быть счастливым,
оставив их,
и беды их — мои.
Дорога в горы...
Давно мечтал я
оставить все,
дойти,
и там остаться,
на вершине.
Но на равнине
мои родные.
Дорогу в горы
я проложу
в своем сердце,
но послужу
еще я людям,
здесь, на земле.
Горести
их возьму на себя —
трава поможет.
Здесь равнина
в цветах
и осень скоро,
запах земли и трав
духмяный.
Я мир люблю
с его камнями
в пути-дороге,
с лаской и любовью
к каждой песчинке,
что могла быть
или будет еще тобою,
который скоро придет
сюда.
Вместо меня.

27.02.09

Жизнь с годами
что-то меняет,
там, в далеких глубинах сознания.
нет остроты удовольствий
от ощущений,
жизнь часто кажется серой
и нервной,
но потом все проходит.
Бывают минуты
в теплые дни весны или лета —
слова полны
чувства радости,
света.
Но миг это.
Так — вспыхнет, погаснет...
Глубокая осень,
на лице маска,
гримаса улыбки,
вроде бы, рад...
А жизнь продолжается,
каждый день — свят.
И что там в глубинах
тайн мироздания,
что там
в глубинах сознания?
Всплески и спады?
Нет тех эмоций
и тех ощущений...
Может быть мудрость
стоит на коленях
и просит меня
повернуться лицом?
А я все на чувства —
любовь под кустом .
Пошло и зло.
Да нет, упрощаю:
любовь и кусты.

В этом был взрыв
ощущений,
а сейчас — мудрость
вроде бы...
Все нам меняют
без нас,
а мы, как дети.
Любовь под кустами...

27.02.09

Брови вразлет,
глаза,
в них глубина,
далекая звезда.
Таня Деркач
одна.
И хорошо,
что позади
времена дуэлей —
я был бы убит
уже не раз.
А так надежда есть.
И ты придешь сама,
если не здесь,
то там,
в других мирах.

27.02.09

Степь.
Остатки дороги
травой поросшие.
Последнее время
здесь редко ездят.
А я один, пешком,
навстречу солнцу,
на восток,
я — к морю синему.
Его я видел много лет назад,
сейчас иду к нему
я навсегда.
Дорога, мягкая трава
и листья подорожника.
Судьба
сложилась так:
решил — дойду.
Увижу моря синь,
его волну,
жить стану
там, на берегу.
Как долог путь...
Я обхожу большие города,
я обхожу людей,
шепчу молитву.
На сухих потресканных
губах
слова:
мне нужен только Бог,
дорога
и морская глубина.

27.02.09

В ночной темноте
с закрытыми глазами
я шепчу тихо:
— Мама!
Мой шепот
во Вселенной
тоски и боли
необыкновенной.
Была мама,
друг,
мой тихий причал.
Я, когда уставал,
летел к тебе,
набирался сил...
Мама!
Моя жизнь изменилась
после твоего ухода,
я еще сам не осознал
силу потери,
я одинок стал
и не верю
в счастливый случай —
он не для меня...
Ты слушай шепот мой,
ты приходи во снах
и поддержи меня.
Я крайним стал
после тебя,
на мне забота —
дети.
Я продержусь.
Отдам себя, как ты,
и светом
к тебе...
Когда?
Не знаю...
Марии так я нужен —
ты же знаешь.

27.02.09

У меня был город
любимый и дорог.
Сегодня его нет.
Я сирота.
Город изуверы
распяли —
горы бетонных глыб,
заробитчаны,
и власть вся пришлая,
из гетто серы,
запахи стоят такие...
Звери, —
не волки, не лисы, —
с рогами,
враги душе человеческой.
Кражи, вой
и роскошь шоблы.
Запах от них,
как от тухлой рыбы.
Город ушел
как будто в ад —
за грехи какие?
Такой его упад
за грехи неверы Богу —
мы все распяли
понемногу.
Мораль и совесть
в подворотнях,
где запах пьяниц и болота,
мы все вложили лепту
и отдали
сначала подмастерью
с хутора, где бабы
и один мужик,
потом — толпе цыган,
и им служить
все обещали,
бросая бюллетень в урну,
как на карнавале.

Мой город пал.
Лежит.
И что теперь мне жизнь
в болоте этом затхлом,
когда душа несчастна?
И как спасти себя
и город,
врага к стене поставить?
Молитвою пока...

27.02.09

Без русского мата —
прямая дорога к инфаркту.
Мне мат не помог,
сердце стучит
и щекочет,
хоть мог я
красиво ругаться,
но мат ведь не средство
повыражаться,
не для кайфа,
не путь к цели.
Мат —
безысходность
грязной купели,
в которой мы часто
бываем
без воли,
хоть и делаем все,
чтоб нырнуть в эту прорубь,
где плавают
сами знаете что.
Мат —
безысходность
серости жизни,
но разряжает
нервов частицы,
снимает напряг
и силы дает.
Но это — стыдно.
Закрыть бы мне рот,
остепениться,
другие слова найти,
или лучше кулак применить.
Снова болит голова...

27.02.09

Новые страны
и новые флаги,
новые гимны
и мира карты —
меняются быстро
и неизбежно.
В последние годы
заметно
добавилось стран —
новых, светлых,
с надеждой
на счастье,
на хлеб и беспечность,
обещания жизни богатой
и сытой.
Но не сложилось.
Для всех
у корыта
места так мало —
не много рядов, —
а дальше — отходы, навоз,
рев коров.
И снова проклятья на головы
власти,
и снова борьба
за солнце и счастье.
Гул самолетов,
ракеты и бомбы
за новые страны
и за свободу —
то на Балканах,
то на Востоке.
Войны и кровь
для счастья немногих.

Продать, что стреляет,
одежду, гробы,
и деньги в кармане
орды,
которая там наверху
повсеместно.
Сегодня — всем кризис,
а им бесконечно
новые линии,
новый парад —
умом поблистать.
Но сложно сейчас.
Война мировая:
или пояса затянуть,
иль ограбить кого.
И нет в нас теорий,
и нет в нас пути,
свобода для злата —
свобода орды.
Не скоро здесь правда,
не скоро здесь мир,
антихрист
готовит путь себе —
время его.
А нам дуракам
покажут перо,
и мягко постелят,
и сладко споют,
и мы поклонимся
до своих пут,
которые давно на ногах
и душе
невидимой нитью
надеты уже.
Свобода и рабство,
демагог и танцор,
красивая баба
и яркий ковер,
бутылка мартини,

бокалы звенят.
Жена в магазине
продает шоколад.
Время гульнуть.
И время мое —
свобода и шлюха.
А мне все равно...

28.02.09

Зло и ложь собрались
вместе
в большой клубок
и покатались резво.
Равновесие Земли-планеты
нарушилось.
Рывком,
мир наклонился
как-то бочком,
и все идти стало
непросто —
заносит страны.
Заносит в бок всех,
туда, вниз,
где эта мерзость
вместе лежит.
Зло и ложь,
и их дети,
разная нечисть —
не человеки.
Страшные морды.
и речи — ужас!
Все плодятся,
и кренят мир.
Как нам добраться
куда-то?
Крив и кровав путь,
под углом тупым
и жестким.
Я тоже вышел
на путь-дорожку,
меня мотает
до тошноты,
но я терплю —
нужно идти.

А кто сдается —
садится попой,
как дети в санки.
Может усталость?
Или сломались?
Съезжают вниз,
где эта гадость.
Но различать
уже так сложно:
они одеты как и мы,
модно,
на лимузинах,
цепи на шее —
золота блеск...
И фонареют
те, кто спустился,
хоть зад и горит:
— Зачем тошни́ли?
Здесь не болит.
Здесь то, что там,
где жизнь их раком,
здесь все равно,
и нету страха:
— Спускайтесь все!
Но кто-то умный
кричит им вслед:
— Мы все порушим!
Крен станет больше
и кувыркнет
планета резко,
и всем облом —
слетим с нее
куда-то вдаль,
в пространство космоса!
А там не рай —
холод и жар,
метеориты, повышен фон...

Но кто услышит его
и быстро вернется
вверх,
равнять планету?
Кричит один,
нам на потеху.

28.02.09

Светлые-светлые сны
нашей весны,
как лепестки
вишен цветущих,
и облако дыма
над садом
идушим
от белого цвета.
Сад, где любовь
побеждает утеху,
где сладость
душе,
а не только для тела.
Белых цветов
снятся сны
нам неделю —
юность и сад,
весна и любовь —
под небом
то серым
с холодным дождем,
то голубым,
пронизанным светом,
и мы в нем согреты.
Цветут сады,
часто — дожди,
омывается
природа
слезами умиления
любовью.
Нашей весны
светлые сны...

01.03.09

Первая зима
без мамы,
первая зима...
Я главным
для себя
остался.
Мама ушла,
зима умчалась —
полеты времени не остановить.
Утро раннее,
солнце не спит,
и вот: вечер,
луна на небе —
день ушел.
И я — один...
— Держись!
себе шепчу,
а боль в груди,
как пустота, —
мама ушла...

01.03.09

Улица уходящая дорогой,
дорога входящая в улицу...
Улица уходящая дорогой
вниз,
к развилке...
Жизнь меня не раз вела
по ней...
Тополя и вязы,
и храм в конце дороги —
в душе...
Дорога памяти:
то страх в ночи
под темным небом,
то радость с любимой,
теплый ветер —
дорога от начала...
По ней ушла
и не вернулась мама
живой.
Гроб,
процессия,
по склону вниз
островки снега,
пушистый первый снег...
Идти пришлось
мне быстро.
Холод храма,
пение небесных песен...
Дорога памяти...
Дорога —
простая улица моя, —
роднее нет,
и я горжусь
своей родной дорогой,
где скромность
и любовь с тревогой.

05.02.09

Ночь наполнена звоном
неслышным,
ночь, в которой
под снегом крыши,
улицы в тусклых лучах
света.

Ночь, где мне
хочется на другую планету
от себя,
от огня в себе,
от того, что жизнь
превращает в смерть
при жизни...

Я слушаю звон
и вижу
твои глаза
в полумраке
времени.

Я любил тебя
и тебе я верил,
Все менялось, как стрелки
на циферблате,
механизм
крутит их только
вперед, по кругу,
а я хотел иначе...

Твое тело
и мои фантазии,
ночь,
движение энергий
не всегда горячих.

Ночь...
Спит сознание,
и лежит тело.

Ночь...
Вихри влияния Луны.
А мне до всего дело:
я наслаждаюсь тобой
и твоим присутствием.
Стрелки часов ведут
к рассвету,
но не к прозрению,
которое я где-то чувствую.

05.02.09

Я жизнь свою пустил под откос —
она, как поезд
поднялась во весть рост,
а дальше — вагон на вагон.
Грохот и звон железа,
огонь, пожар,
очумело
смотрят оставшиеся в живых,
где-то в горящих покореженных
вагонах
детский крик.
Диверсанты ушли по
ранее известной тропе.
Мелкий дождь,
его капли по щеке
моей,
я еще жив,
но это жизнь уже другая,
она никогда
не вернется к началу,
и только проблески
ранее бывших состояний
физических, психических.
Я знаю цену борьбы
за обычное человеческое
выживание.
Капли воды по щекам
дождя или снега,
слезы бывают редко,
их нету.
Я выплакал все, что было.
Поезд вдоль железной
дороги,
остовы обгоревших вагонов,
жуткий запах
и удушье.
Кого винить мне?
Всем ведает Бог.

Не мне с ним бороться,
предъявлять ему счет
за мои грехи.
Их много.
И кто я в этом
бесконечном мире?
Моя судьба
или это все те линии,
которые сворачивали
в дьявольские цепи сознание?
Сколько времени с грузом
на плечах
шел обратно я.
Давно исчезли следы той катастрофы.
Там стоит лес зеленый,
но жизнь — под откосом.
Изменить, исправить
мне не под силу,
но надеюсь:
а вдруг там,
за озерным поворотом,
я вновь стану счастливым.

05.03.09

Стремиться будем
к поэтизации прозы.
Проза серости —
декорация красок,
ярких, веселых,
но между ними —
серость пыли и паутины,
серость паяцев
во многих Радах,
серость власти,
не всей,
но части.
Часть какая-то
с бубенцами среди декораций
забывает другую,
и все смешает
и сегодня и завтра
проза серости.
Среди асфальта,
куст подорожника
листов зеленых
бывает и так,
но не влюбленным:
нам в ворчании
тихий стон
и стенания.
Поэтизация мира:
хочется — колетса.
Бубенцы трезвонят
сколько ужасов
несут.
Не могут жить по-другому.
Мерзость бежит не только
вниз,
но и поднялась в гору.
Листья весны,
цветы первые,
небо,
простите нашу серость.

06.03.09

Весна наступает
медленно, вяло,
через талые снега, морозы,
блеклые туманы,
воды,
езде —
в пространстве,
на деревьях,
под ногами —
еле-еле...
Солнце иногда,
то дождь, то снег —
вода.
И панорамы,
куда не кинешь взгляд,
не радуют
ни сердце, ни глаз.
От этого тоска.
Кажется —
март влюблен
в зиму,
и он дальше
верно служит ей.
Смотрю в окно
и мне не верится
что будет зелень,
благоухающая
всеми
забытыми за зиму
запахами счастья.
Не покину
я надежду —
ещё терпения немного,
март ведь сдастся
скоро.

07.03.09

Содержание

Правду сказати про час. (Передмова М.Малюка)	3
Мне светит новая звезда...	
“Ночи ужасов...”	8
“От моста к мосту...”	9
“Ветер жаркий. Полдень...”	10
“Женщина моя оттуда...”	11
Туман над городом	12
“у меня к деревьям...”	14
“Лирика, лирика.....”	15
“я над миром поднялся...”	17
“я пламенем в небо...”	19
“Дом горит...”	20
“Мамо!.. В мой пам’яті...”	21
“сознание в каком-то колющем...”	22
“Сегодня день — не как всегда...”	24
“Во мне так много злости...”	25
“Твое лицо...”	26
“Бред и кризис...”	27
“Матрица любви, матрица огня...”	29
“Раннее утро...”	31
“Красными буквами...”	32
“Ноябрь в дождях и мелком снегу...”	33
“Солнечные лучи обмывают землю...”	34
“Начало и конец...”	35
“Уходит день моего рождения...”	37
“Камень на сердце...”	38
“Снова ветер врывается...”	40
“Обстоятельства меняют...”	42
“Я помню вечер...”	44
“Сквозь толщу ветра...”	46
“Проснувшись рано...”	48
“Серая ноябрьская дымка...”	50
“Ветра колышут...”	52
“Кладбища моей страны...”	54
“Ряд, ряд, ряд...”	55
“Я сжимаю губы...”	57
“Тоска и грусть...”	58
“Осталась впереди зима...”	60
“Мудрые твои слова, мама...”	61
“Высокое не имеет конца...”	62
“Ранний вечер ноября...”	63
“Дорога через зеленый лес...”	65
“Свет из окон домов...”	66
“Пробиваясь сквозь дождя “	68

“И снова падает...”	70
“Какие-то крики...”	71
“Мама! Девять дней...”	73
“Хитросплетений паутины...”	74
“Гулкие удары...”	76
“Вечер ранний с уходящим...”	78
“Человеческие пороки и страсти...”	79
“Пресмыкаюсь и унижаюсь...”	80
“В темном небе...”	81
“Ты снова далеко...”	82
“Мелкий дождь морсящий...”	83
“В надвигающихся сумерках...”	84
“Мои планы...”	85
“Депутат из народа...”	87

Небесный рай

“Мокрый снег с неба к земле...”	90
“Я созерцаю мир “вольтанутый”	91
“Я буду помнить это лето...”	92
“Смотрю на твое лицо...”	93
“Оскорбления и обиды...”	94
“Красные туфли, зеленый пиджак...”	96
“Какая мука временами...”	97
“Мир поставил меня с вещами...”	98
“Передо мной стена...”	100
“Нежная, красивая...”	101
“Мама! Я кричу во Вселенную...”	102
“Сильным ударом...”	104
“Мама! День морозный быстро к ночи...”	105
“Черные камни в свете лучей...”	107
“Ушла ты, мама, навсегда...”	108
“Осознать события...”	110
“Холодный дождь зимы...”	111
“Сменилась власть в стране...”	112
“Спиной ощущаю ужас...”	113
“В моім серці — тепло...”	114
“Верхушки деревьев...”	115
“Ты стала похожей...”	116
“Уходит и не возвращается “	117
“На твоей могиле цветы...”	118
“Я вірю в твої глибокі...”	120
“Крик мне в лицо...”	121
“Эволюция, война, чума, революция...”	122
“Боже! Мысленно взываю к Тебе!..”	124
“Фонды” или “хвонды”	125
“Не хочу видеть вас...”	127
“Мир никогда уже...”	128
“Серый человек...”	130
“Мелкий снег...”	131
“Указ. И выборы в парламент...”	132

“Рассвета солнце...”	135
“Мы в океане бурь...”	136
“Город белых птиц...”	137
“Джонсон рвется в президенты...”	138
“Джонсон совершил визит...”	140
“Джонсон решил стать...”	142
“Снег настоящий, зимний...”	144
“День и ночь пытки...”	146
“Крики и лай над землей...”	148
“Джонсон решил показать всем пример...”	150
“Открывает сейф...”	152
“Вечер зимний, ранний...”	154
“Деревья с застывшими ветками...”	156
“Сжимается сердце...”	157
“Закройте глаза...”	158
“Мороз и снег...”	160
“В зимний вечер...”	161
“Сквозь серую мглу...”	162
“Иней небесной звезды...”	163
“Облака желтые...”	164
“Мама! Могила твоя в снегу...”	165
“Вдоль дороги — белый снег...”	166
“Я вою волком в этот вечер...”	168
“Кто-то упал с Луны...”	169
“Мысли, слова...”	171
“Большой снег...”	172
“Прорыв сознания в верхние слои...”	174
“Я стою в ожидании тебя...”	175
“Мороз щиплет щеки и нос...”	176
“Под елкой новогодней...”	178
“Мама! У нас рождественский вечер...”	179
“Край белых туманов...”	181
“Партийный лидер...”	183
“А снег летит, летит с небес...”	185
“Я дождался Рождества...”	186
“Я как летописец...”	187
“Блики света на деревьях...”	189
“Говорят, что весенний день...”	191
“Во мне нет и не может быть...”	193
“Мама! Как мало я уделял тебе внимания...”	194
“Белый снег покрывает...”	195
“Снег заметает крыши домов...”	196
“Я видел чудо...”	198
“Голубые облака, а по ним...”	199
“Ты пришла сегодня...”	201
“Бог снизошел ко мне...”	202
“Белые, белые корабли...”	204
“Тают снега...”	205
“кохана...”	206
“я znovu під дубом...”	208

“проснулася мова...”	209
“Я не обнимаю красавицы тело...”	210
“Кущі шипшини на узбіччі лісу...”	211
“Закат красит “	212

Греет душу метель...

“Белым снегом я падаю с неба...”	214
“Провод стальной...”	215
“От хижины дяди Тома...”	216
“Дождь среди мерзлой зимы...”	218
“Простите за нескромность...”	219
“Где ты, молодость моя?...”	220
“Я с болью головной...”	222
“Деревья покрылись снегом...”	223
“Колючий ветер в лицо...”	224
“Потоки белых облаков...”	226
“Беда приходит...”	227
“Бархат губ твоих манит...”	229
“Время к вечеру плывет...”	230
“Не болит голова, не болит...”	231
“Бывший директор...”	232
“1991 год. Двадцатый век...”	234
“Несет поземку ветер...”	236
“Гром эстрады...”	237
“Я слепо жду...”	239
“Я помню: в тишине...”	240
“Ты сегодня, как вечерняя звезда...”	241
“За рекою город...”	242
“Шлифуются знания...”	244
“Город заснеженный...”	245
“Четвертый день поиска...”	246
“Стаи птиц закрыли небо...”	248
“Туман окутал вокзал...”	249
“Вначале они пришли...”	251
“Ночи сна, которого мало...”	253
“Всегда, когда беда...”	255
“Пробиваемся мы...”	257
“Глаза кошачьи...”	259
“Январь уходит...”	260
“В квітучий сад...”	261
“Давос и пафос...”	262
“Громким эхом...”	264
“Синие горы...”	265
“Земля в огне и взрывах мощных...”	267
“Солнце с рассветом...”	268
“С востока ветер...”	269
“Мэр страны...”	271
“Тайно, в потемках...”	273
“Совість спит...”	275
“Власть от люмпенов...”	277

“Мария — девочка...”	278
“Редкие снежинки на землю серую...”	279
“Во время разговора по телефону...”	280
“Китайский хунвейбин...”	280
“Я помню удар тот внезапный:...”	281
“Лесть, лесть...”	283
“Любовь наша большая...”	285
“Переворачивая страницы...”	286
“В угол загнанный...”	288
“Слезы, слезы...”	290
“Я бегу много лет...”	292
“Дождь. Грязный асфальт...”	294
“Черные деревья...”	296
“Можно ли мне...”	298
“Белых акаций...”	299
“Богатство застилает глаза...”	300
“Сталь реки, гудящий мост...”	302
“Мысли ведут...”	304
“У меня бывают дни трудные...”	306
“Эй, мальчик...”	308
“Вы спросите у коммуниста...”	310
“Я снова увидел тебя...”	312
“Любовь моя трепетная...”	313
“Либерализм в далеком...”	315
“В глубину неизвестных...”	319

В городе этом чужом...

“Тихий вечер в парке зимнем...”	322
“Цинизм человеческих отношений...”	324
“Дует промозглый ветер...”	326
“Джонсон готовит восстание...”	327
“Мы ругаем время...”	329
“Густой снег кружится...”	332
“Ни личная оскорбленность...”	333
“Потоки густого снега...”	335
“Пушистый снег по колени...”	337
“Белый снег...”	338
“Тотально украдена вся страна...”	339
“Вешать ярлыки людям...”	341
“Я снова взлетаю над городом...”	342
“Я не буду осуждать никого...”	343
“Под темными деревьями...”	344
“Ублюдочность...”	345
“Откуда приходят...”	347
“Кризис финансовый...”	348
“Жажда славы обуревают нас...”	350
“Вошли мы в раж...”	352
“Солнце в окно...”	354
“Твой голос тихий и спокойный...”	355
“Снег по пояс, метель...”	356

“Белые лошади...”	357
“Победителей судят...”	359
“В траве зеленой...”	361
“Удар страсти, сравнимый...”	362
“Открытый диспут...”	364
“Тихий пруд...”	367
“Полыхает костер...”	369
“Дорога в горы под облаками...”	370
“Жизнь с годами...”	371
“Брови вразлет...”	373
“Степь...”	374
“В ночной темноте...”	375
“У меня был город...”	376
“Без русского мата...”	378
“Новые страны...”	379
“Зло и ложь собрались...”	382
“Светлые-светлые сны...”	385
“Первая зима без мамы...”	386
“Улица уходящая дорогой...”	387
“Ночь наполнена звоном...”	388
“Я жизнь свою пустил под откос...”	390
“Стремиться будем...”	392
“Весна наступает...”	393

Літературно-художнє видання

Можаровский А.И.

М75 Я сын травы, деревьев, птиц... Поэтические тетради. Т.1. — К.: Неопалима купина, 2010. — 400 с.

ISBN 978-966-8093-90-6

ISBN 978-966-2002-02-7

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в леденящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний редактор
Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

Художник
Валентина ПРОТОПОП

Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 16.11.2010.

Формат 60х100 1/16

Фіз.друк.арк. 25,0. Ум.друк.арк. 27,78.

Зам. №

Видавництво «Неопалима купина», 01204 м.Київ, вул.Банкова, 2.

Свідоцтво про реєстрацію суб'єкта видавничої справи —
ДК №855 від 18.03.2002.

Віддруковано у Видавничо-поліграфічному центрі «Київський університет»

01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка,14, кім.43

Свідоцтво ДК №1103 від 31.10.2002.